

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

SIN 3228.011 (1853)
5-39 Jul

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

IV
16058/2 пр

ЗОРЯ

Г А Д И Щ Е К А Я,

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ,

посвященный

ЛИТЕРАТУРНОМУ, ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ,

издаваемый под редакціею, сперва:

ІОАННА ГУШАЛЕВИЧА,

потомъ:

БОГДАНА А. ДЪДИЦКОГО.

Г О Д Ъ VI.

Крыніцкі

ЛВОВЪ,

Изданіемъ и тупомъ Ставропигійского Института.

1853.

5-8

$\hat{\Delta}$ Slav 3222.897 $\left(\frac{1853}{2-7, 30-31, 37-39} \right)$

"ZORIA HALYTSKA"

Ms. St.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Поэзіи.

- Где домъ есть мой? Б. А. Д. Число 1.
- И смерть А. Балудянского. — Къ сближающейсѣ веснѣ. Б. А. Д. ч. 2.
- Кайна. — Поетъ. — Къ горожанцѣ. Б. А. Д. ч. 3.
- Кварцъ, (балада). Б. А. Д. ч. 4.
- Клена, (романъ). Б. А. Д. ч. 5.
- Клава во вышнихъ Богу! Б. А. Д. ч. 6.
- Къ Юліи. — Чудакъ. Б. А. Д. ч. 7.
- Къ споминанію Наддѣстровья. И. Г. Н. ч. 8.
- Къ сѣпленный Василько, (историческая дума) Б. А. Д. ч. 9.
- Къ горе и благодать. О. Глин. ч. 11.
- Къ невѣрной. Б. А. Д. ч. 12.
- Къ кодящій звонъ. (сказка). Б. А. Д. ч. 13.
- Къ близость влюбленного. Б. А. Д. ч. 14.
- Къ боя молитва. Б. А. Д. ч. 15.
- Къ ю память усопшого Фр. С. гр. Стадіона. Б. А. Д. ч. 16.
- Къ судъ закона и милость благодати. О. Глин. ч. 17.
- Къ (аревичъ и двѣ Русалки, (балада I. П.) Б. А. Д. ч. 18—19.
- Къ се унывай! И. С. ч. 20.
- Къ гѣшителъ. О. Глин. ч. 21.
- Къ лебедь, ракъ и щука, (басня). К. ч. 22.
- Къ тснь русского кобзаря. I. П. Б. А. Д. ч. 23 и 31.
- Къ послѣдняя борьба. А. К. ч. 24.

- Беззаботность птички. А. П. — Листокъ. Ж. ч. 25.
- Жаворонокъ, Н. Б. ч. 26.
- Оправданіе. Б. А. Д. — Розбитая скрипка (басня). Дм. ч. 27.
- На кладбищѣ, И. Г. Наум. — Первая утрата. О. ч. 28.
- Вечерній звонъ. Михайла Петренка. — Любовь. Б. А. Д. ч. 29.
- Да будетъ миръ! Б. А. Д. ч. 30.
- Словенское племя. — Большинство голосовъ. — Два листика. Б. А. Д. ч. 32.
- Вспоминка о Петрѣ Головацкомъ — Къ нашимъ Народолюбамъ. Б. А. Д. ч. 33.
- Молитва сиротки К. П. — Золото и бузатъ. А. П. ч. 34.
- Хвали Творца. З. — Советъ Коляра. Б. А. Д. ч. 35.
- Къ другу. Я. съ Я. ч. 36.
- Встрѣча съ Оленою. Б. А. Д. ч. 37.
- Смотръ крестовъ. Б. А. Д. ч. 38.
- Чего намъ недостаетъ. Б. А. Д. — Вишневый кусть, (басня). Дм. ч. 39.
- Ежедневное испытаніе самого себе — Жизнь прѣмѣрнаа. Я. съ Я. ч. 40.
- Зимовый вечеръ. А. П. ч. 41.
- Схватка. А. П. — Къ Емилиіи О. М. ч. 42.
- Стихъ прѣвѣтственный Его В. Архикнязю Карлоу Людвигу. Б. А. Д. ч. 43.

Науковыи и историческіи статьи.

- Посланіе о первомъ нашемъ письменномъ языкѣ. ч. 1—4.
- Беллетристика. Туряна. ч. 1.
- Короткая Исторія Черной Горы. ч. 2 и 4.
- Къ способъ восванія Черногорцевъ. ч. 2 и 3.
- Къ Афорисмы о народной словесности. Туряна ч. 5, 6. и 8.
- Къ начаткахъ перваго епископства въ Галицко-рускомъ княжествѣ. А. Петрушевича. ч. 6—11.

- Битва на Куликовскомъ полѣ. ч. 6
- Козаки въ Царьградѣ. I. Левицкого. ч. 8 и 9.
- Паденіе Царяграда. I. Левицкого. ч. 11—13.
- Обзоръ важнѣйшихъ политическихъ и церковныхъ происшествій въ Галицкомъ княжествѣ съ половины XII до конца XIII вѣка. А. Петрушевича. ч. 12—19, 21, 24, 37—41.
- Вспоминки Старословенскіи. Гв. Ц. ч. 24—30.

- О невѣжествѣ галицкихъ селянъ. М. Малиновского. ч. 25.
 Историческія извѣстія о коронѣ св. Стефана. ч. 30.
 Короткая исторія литературы всѣхъ словенскихъ нарѣчій. I. Исторія старословенской литературы. ч. 31—35.
 II. Короткая исторія чешско-словацкой литературы. ч. 37—38.
 Омеръ-паша. ч. 35.
 Слово къ нашимъ почт. Читателямъ, отъ Редакціи ч. 37.
 Вѣроисповѣданіе хинскихъ возсганцевъ. ч. 37.
 Новый мостъ въ Кіевѣ. ч. 40.

Справозданія галицко-русскихъ обществъ.

- Отъ строительной Комиссіи Н. Дома ч. 5, 8, 10, 13, 17.
 О выборахъ въ Ставропигіанскомъ Институтѣ. ч. 10.
 Промова Вч. Г. М. Куземского, на засѣданіи Выдѣла Галицко-русской Матицы ч. 20.
 Вступное Слово Вч. Г. М. Куземского на засѣданіи Комиссіи, управляющей строеніемъ Нар. Дома. ч. 21 и 22.
 Засѣданіе выдѣла Галицко-русской Матицы. ч. 23.
 Даръ г. Министра Баха для книгохранилища Народ. Дома. ч. 24.

Повѣсти и драма.

- Отецъ Игнатій, русскій приходникъ изъ Соломянки. ч. 1—22.
 Такъ иногда люди женятся. Е. Гр. ч. 23 и 24.
 Змѣй Ногаяскій. Хохолушка ч. 25—28.
 Мачиха и Панночка. Е. Гр. 29 и 30.
 Чайковскій. Е. Гр. ч. 31—43.
 Ночь зимовая. С. ч. 31 и 32.
 Краса села. ч. 33 и 34.
 Доброе общество. ч. 36.
 Бережливость и скупость. ч. 37.
 Немира, трагедія С. Онуфріевича ч. 14, 16—21, 23—28.

Дописи.

- Изъ Самбора. Г. ч. 1.
 Изъ Вѣднѣ. Р. ч. 1 и 2.
 Изъ Тернополя. Н. ч. 3.
 Изъ Перемишля, I. Левицкого. ч. 5.
 Изъ Львова Б. А. Д. ч. 12.
 Изъ Львова. Ф. ч. 14.
 Изъ Будина. Др. А. Радлинского. ч. 16.
 Изъ западной Галичины. М. изъ Д. (—ій) ч. 21 и 40.
 Довѣрительныя письма съ Будина. ч. 23, 25, 28, 29.
 Изъ Прашева. Турияна ч. 26.
 Изъ Коломыйского. И. ч. 27.
 Изъ Прашева. А. Д. — Изъ Кошиць. В. Д. ч. 32.
 Изъ Прашева, Духновича. — Изъ Жолковского, И. ч. 33.
 Изъ Коломыйского, Андрея Ивановича К. ч. 35, 38, 39.
 Изъ Яворова, I. Лозиньского. ч. 36.
 Изъ Покутья, Юсіфа съ Болшова. ч. 40—42.

Извѣстія науковыя и Всячина

находятся едва не въ каждомъ числѣ; замѣчанія седмичныя и торговельныя въ нѣкоторыхъ. Къ всякому числу приложены „Поученія Церковныя.“

Надъобыкновенныя прилоги.

- Тебе Бога хвалимъ! стихъ Б. А. Д. ч. 1.
 Молитва за Его Апостольское Величество. ч. 11.
 Вовнаніе къ предплатѣ на 3 четвертьгодіе ч. 30.
 Справозданіе комиссіи Нар. Дома. ч. 36.
 Заглавыи Листы и Оглавленія къ „Зорѣ“ и „Поученіямъ Церковнымъ.“ ч. 43.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издавгся ежеседмично въ Середу два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверьочно получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ГДЕ ДОМЪ ЕСТЬ МОЙ?

(поется по напѣву известной чешской пѣсни.)

Где домъ есть мой, где жизнь моя?
Тамъ где Днѣстеръ быстротечный
Безпредѣльный, безконечный,—
Тамъ где Сянь и Бугъ и Прутъ
Серебромъ въ руслахъ текутъ:
Тамъ страна моя родная,
Тамъ мой домъ и жизнь моя!
Где домъ есть мой, где жизнь моя?
Тамъ где храмы вѣковны,
И памятники святыи,
И церковный нашъ обрядъ
О минувшемъ говорятъ:
Тамъ страна моя родная
И мой домъ, и жизнь моя!
Где домъ есть мой, где жизнь моя?
Где курганы и могилы,
Городища старожилы
Прахъ богатей хранять,
Где Бояны наши спать:
Тамъ страна моя родная
И мой домъ, и жизнь моя!
Где домъ есть мой, где жизнь моя?
Где, Мстиславъ, Романъ, Данило,
Левъ, последнее свѣтло,
Край и Вѣру стерегли
Отъ враговъ и гибели:
Тамъ страна моя родная,
И мой домъ, и жизнь моя!
Где домъ есть мой, где жизнь моя?
Где народъ сердечный, добрый,

Въ битвахъ сильный и хоробрый,
Вѣрный Славъ прежнихъ дней,
Всякій часъ поеть о ней:
Ахъ, можь тѣмъ народомъ милымъ
Домъ есть мой и жизнь моя!
Где домъ есть мой, где жизнь моя?
Тамъ где мать, отецъ старенькій,
Сестры, братчикъ молоденькій
Въ смирной хижинѣ живутъ:
И мене съ тоскою ждуть:
Тамъ ахъ, тамъ страна родная
И мой домъ, и жизнь моя!
Где домъ есть мой, где жизнь моя?
Тамъ где Русинка младая,
Заунывно припѣвая,
Золотое жито жнетъ,
Где краса моя живетъ:
Тамъ страна моя родная,
Тамъ мой домъ и жизнь моя!

Богданъ А. Д.

ПОСЛАНИЕ О ПЕРВОМЪ НАШОМЪ ПИСЬ- МЕННОМЪ ЯЗЫЦѢ.

Друзе!

Мило заговорило до моего сердца твое
воззваніе, «щобымъ по моимъ силамъ при-
чинялся до воздвиженья народного слова.
Я радовался, получивши купно и извѣстіе,
що наше повременное письмо снова будетъ
намъ просвѣщать. Въ Зорѣ видишь укръ-

сербски); 11) Федоръ и Марица, повѣсть Лафон-тена; персв. Рашичемъ (по сербски).

грамматическаго содержанія: 12) Грамматика чешскаго языка для Нѣмцевъ, спис. А. Терельскимъ (по нѣмецки); 13) Грамматика польскаго языка тогоже (по нѣм.); 14) Грамматика нѣмецкаго языка для Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ (по чешски); 15) Чешско нѣмецкѣи розговоры съ сокращенною грамматикою чешскою соч. Конечнымъ изд. втор.; 16) Грамматика болгарскаго языка соч. Кир. Цанковимъ (по нѣмецки); 17) Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ соч. фр. Миклошичемъ; часть I. (по нѣмецки).

Словари: 18) Правничо-политическая терминологія для славянскихъ языковъ въ Австріи: *Словарь нѣмецко рускій*; 19) Сербскій словарь Стефана Вука Караджича.

Читанки: 20) Читанка для низшихъ школъ гимназійныхъ состав. А. Веберомъ (по хорватски) 21) *Руская Читанка для низшой гимназіи; часть I. сост. В. Ковальскій*; 22) Сербска читанка для гимназіи сост. I. Суботичемъ; книга I.

Низ школьни книжки; 23) *Начальное основаніе зрѣтословія соч. Воляномъ* (по руски); 24) Малаа читанка для каѳ. школъ въ Австріи (по чешски); 25) Рахункова книжка для 2 и 3. класъ школъ нормальныхъ. Кроме того вышло надъ 50. школьныхъ книгъ, будь новыхъ, будь ново отпечатанныхъ и то: 6. чешско-словацкихъ, 3. чешско нѣмецкихъ, 13. польскихъ, 4. русскихъ, 2. хорватскихъ, 7. италіянско дальматскихъ и 20. словенскихъ.

господарскаго содержанія: 77) Юрія В... книжечка о средствахъ противу слабости будбъ (по чешски).

Мѣсяцословъ; Войводянинъ на г. 1853. сербскій.

Вѣстники законовъ державныхъ и правительства: Годъ 1852 ч. IV. во всѣхъ австрійскихъ словянскихъ языкахъ.

Часописи: 85) Весна (чешская выходила до конца I. полгодя) 86) Словацкіи Новины; 87) Вѣстникъ для Русиновъ австр. державы.— Кроме того 4. гудебныхъ твореній по нацѣву словянскому.—

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЛЕННЫЯ И ГОСПОДАРСКІЯ.

— Дня 11. Января с. г. приплылъ до английской пристани въ Сутгамтовъ корабель „Австралія“

квотый привезъ съ тамошнихъ новооткрытыхъ копальной золота въ цѣвѣ 9. миліоновъ р. вр.

— Профессоръ Бетхеръ въ Базелю, изобрѣтатель стрѣльчой баволны, получилъ отъ Его Величества Цсаря Францъ Юсефа отличительный крестъ ордена Леопольдова.

— Найглубшимъ копадьни въ цѣломъ свѣтѣ суть безсомнительно *копальни мѣди* близъ англійскаго мѣстечка *Боталекъ*; они ростиаются поподъ глубиною сосѣднаго моря, и страхъ наполняетъ посѣщающаго ихъ, когда проводникъ окажетъ ему: „теперь находимся мы на 30- сажней подъ моремъ, а на 300 сажней отдалены отъ его берега.“ Подъ землею стучать молотки работниковъ. когда межъ тѣмъ понадъ его головою плывають то тамъ то самъ купеческіи корабли.

— Средняя температура мѣсяца Декабрія бываетъ въ средней Европѣ обыкновенно низша 3 степеней Реомюра (3. степеней зима); минувшаго года однакожъ подступла она на три степени теплоты; случай надзвычайный, який не бываеъ ниже въ нѣсколько столѣтійхъ. Таяже сама температура тревала и въ первой половинѣ мѣсяца Января 1853. года.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Перемышлянскій [Мѣсяцословъ] на годъ 1853. въ Перемышляхъ. Типомъ и накладомъ книгопечатни капитульной. Цѣна 24. крайц. серебромъ. Страницъ отъ 1 — 200. Годъ издаванія четвертый. Въ осмериць.

Покореніе Новгорода. Повѣсть историческая издавъ К. Меруновичъ. Львовградъ 1852. Типомъ Института Ставропигіанскаго. Страницъ 1 — 100.

Руска Читанка для нижшой Гимназіи составлена Василіемъ Ковальскимъ ц. к. министеріальнымъ концессиомъ и редакторомъ Законодательнаго и правительства. Въ Вѣдлю 1852. Тископечатана въ ц. к. печатни. Цѣна 41. крайц. серебромъ.

Комошій, повѣсть въ двоухъ пѣсняхъ сочиненная Богданомъ А. Д. Въ Львовѣ 1853. Типомъ Института Ставропигіанскаго Страницъ 1 — 54.

Изданіемъ и типомъ Института Ставропигіанскаго.
Отвѣтательный Редакторъ Іоаннъ Гушалевичъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедельно въ Середу два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четвертьрочно получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

НА СМЕРТЬ АНДРЕЯ БАЛУДЯНСКОГО.

сочинителя
„ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ
Новаго Завѣта.“

Печальный годось къ намъ отбился
Изъ поза сумрачныхъ Карпатъ:
Отець Андрей упокоился,
Нашъ однородный Русинъ — Братъ!
Погасло снова одно свѣтло
Что величаво такъ и мило
Ншъ озаряло небосклонъ!

Онъ сороботникъ прилѣтѣйшій
Во вертоградѣ былъ Христа,
Теперь пошелъ во свѣтъ краснѣйшій,
Въ тотъ край, где Вѣра пресвята
Прійметъ его и скажетъ Богу:
Якъ жизненну свершалъ дорогу,
Якъ все для ней трудился онъ.

Якни украсилъ плодами
Спасительный, Господній Храмъ;
Съ якни подавалъ чувствами
Душеву пищу Русинамъ.
И занесетъ его сказанья,
Его дѣла, его страданья
Свята любовь предъ Божій тронъ.

Такъ не смущайтесь мила братья
Утратою оною снова;
Его приняли во объятя
Надежда, Вѣра и Любовь;
Онъ не во вѣкъ упокоился,
Лишь въ нинѣ міръ переселился,
Где вѣчно жити будетъ онъ!
Богданъ А. Д.

КЪ СБЛИЖАЮЩЕЙСЯ ВЕСНѢ.

Весно! ты красная Богиня,
Ты дочь наймильшая небесъ!
Ты вѣчно — юная княгиня
Во областяхъ любви, чудесъ!
Прійди, прійди скорѣйше къ намъ,
И радость принеси сердцамъ!

Зима дождливая и влажна
Не выстелила путь саямъ;
Она такъ скучна и протяжна,
И не понравилась ужъ намъ:
Тому мы тужимъ за весною
Веселю и молодую!

Когда — то и народъ нашъ милый
Такъ за весною все тужилъ;
Но снѣгъ скрывалъ Отцевъ могилы
Вождевъ не стало замъ и силъ!
На Руси всей была зима,
И нужда, и глубока тьма!

И долго плачемъ и мольбами
Весны просили мы съ Небесъ:
И отъ, предъ нѣскольکو годами
Она прійшла — народъ воскресъ!
И къ новой жизни онъ отжилъ,
И древній вѣкъ возсталъ съ могилъ!

Такъ пребывай — же между нами
Ты вѣчно — юная Весна!
Твоими разбудай пѣснями
Насъ отъ дремоты и отъ сна;
Да будетъ власть у насъ твоя
Несокрушима, вѣчная!

Б. А. Д.

ПОСЛАНИЕ О ПЕРВОМЪ НАШОМЪ ПИСЬ- МЕННОМЪ ЯЗЫЦѢ

(Продолженіе.)

Глубоко троняють насъ извѣстія о древнихъ великихъ характерахъ, и мимовольно производять въ души удивленіе и поважаніе для нихъ; мы любимъ и поважаемъ тыхъ мужей еще тымъ больше, если видимъ на нихъ добродѣтель, безкористолюбіе и истинно христіянское житіе. Тымъ отличился и нашъ первый изобрѣтатель словянскаго алфавита. Исторія передала намъ, що передъ усовершенсіемъ сего подвига онъ постился сорокъ дней, ибо онъ вѣрно понималъ якъ многоважнѣесть ость сей трудъ. Поглянемъ якъ онъ собъ въ томъ поступилъ дѣлъ. Двадцать четыре буквы греческаго языка, благозвучнаго и художественнаго, были недостаточны для того, чтобы воспринять въ себѣ все разнообразіе, всю полноту звуковъ языка Словянскаго. Константинъ долженъ былъ прибѣгнуть для того къ алфавитамъ другихъ племенъ. Ученый Добровскій гово-

рить, що мудрый изобрѣтатель Словенскон азбуки, принявъ въ основу письма греческѣи, за другими же недоставшими обратился къ письменамъ восточнымъ: Еврейскимъ, Армянскимъ и Коптскимъ. Къ сему онъ нашелъ средства въ Византіи самой, котора, кромѣ духовныхъ сношеній, и политическѣи вела на письмъ тыхъ народовъ, съ которыми сносилася. Соборная Софійская Библіотека, конечно могла предложить Константину грамоту всѣхъ племенъ, тогда писавшихъ. Сорокъ четыре буквы потребовалось для того, чтобы выразити весь отгѣнокъ звуковъ Словянскаго языка. Въ 855 году, тыи звуки были начертаны. Чѣмъ больше ученые вникали и вникають въ нашу азбуку, тѣмъ больше изумлялися и изумляються премудрому ея составленію. Послушаемъ, що безпристрастный Нѣмецъ ученый Шлецеръ говорить къ нашимъ первоучителямъ: „Привѣтствую Васъ здѣсь, безсмертныи изобрѣтатели Словенскон грамоты! Вы, первыи, дерзнули грубой *) языкъ имѣющей множество ему только свойственныхъ звуковъ, взять, такъ сказать, изъ устъ народа, и писати греческими буквами; но въ томъ дѣлѣ поступили вы, якъ люди отличнѣмъ умомъ одаренныи, и для каждаго особеннаго звука, котораго Грекъ не имѣлъ въ своемъ языкѣ, изобрѣли вы новыи особенныи знаки или буквы. Якъ малъ противу васъ Ельзасскѣи монахъ Отфридъ, или кто бы не былъ тотъ Нѣмецъ, который первый осмѣлился писати въ своемъ языкѣ, но для сего рабски только снѣлъ латинскую азбуку?”

Привѣмся теперь тому, що найперво переложено было съ Греческаго языка на

*) Слово: грубой неумѣстно употреблено Шлецеромъ. Тотъ языкъ не могъ быти грубъ, въ которомъ нашлися уже силы для того, чтобы собственными словами передать всю глубину Священнаго Писанія.

Словенскій Константиномъ и Меѳодіемъ. „Искони бѣ Слово и Слово бѣ отъ Бога и Богъ бѣ Слово: се бѣ искони у Бога“. *) То суть первыя слова, написанныя близько нашихъ языкомъ — или церковью благовѣствуетъ въ праздникъ Воскресенія Спасителя, выражаючи основную мысль христовой Вѣры; — то суть слова Апостола Любви, который возлежалъ на персахъ у Христа и которому Спаситель умираючи на крестѣ поручилъ Матерь Свою. Старшихъ отъ тѣхъ словъ не имѣемъ. Тогда предложено было благовѣстіе отъ Іоанна, Константины и Меѳодія показали Царю, Патриарху и всему Собору и все о томъ съ радостію прославили Бога. За тѣмъ переведены были все Евангеліе, Апостолъ, Литургія, Псалмы и все необходимыя богослужебныя книги. Греческія и Болгарскія Словене, съ восторгомъ приняли даръ Слова Божія въ народномъ языкѣ отъ своихъ Первоучителей. **) Въ 862. году, Меѳодій крестилъ Болгарскаго Царя, Бориса. Такимъ образомъ отъ 855. до 861. года, Словенская литургія распространилася сначала у Словенъ Греческихъ, потомъ Болгарскихъ, которые по берегамъ Дуная, къ северу, граничили съ другими своими соплеменниками.

Между тѣмъ и до Моравовъ дошли слухи о томъ, что братья ихъ послеменики совершаютъ Богослуженіе въ языкѣ врозумительномъ. Потому Моравскій князь могъ обратиться къ Императору Михаилу и про-

сити его, чтобы онъ прислалъ для его народа Словенскихъ учителей. Михаилъ отправилъ къ нему немедленно Константина и Меѳодія съ другими помощниками, между которыми позднѣе прославился Климентъ, Епископъ Болгарскій въ Македоніи. Ростиславъ съ восторгомъ принялъ Словенскихъ Апостоловъ въ своей столицѣ въ Моравскомъ Велеградѣ, нынѣшнемъ Градищѣ, и народъ раздѣлялъ съ княземъ его радость. Первымъ трудомъ Константина и Меѳодія было строити церкви, переводити дальше Священное Писаніе, вводити Словенское богослуженіе въ предѣлахъ цѣлой Моравы. Скоро розошлася вѣсть о томъ, что Словенское богослуженіе раздается дальше и дальше. О томъ услышалъ и Императоръ св. Петра. Тогда Папскою тіарою украшался Николай I. Онъ позвалъ обонхъ братьевъ въ Римъ въ 867. году.

Въ житію Меѳодія сказано, когда братья пришли въ Венецію, и съ собою Словенскія богослужебныя книги и мощи св. Климента несли — они встрѣтили съ тайными священниками прѣіе. Они говорили имъ: „Якъ же сотворимъ Словенамъ книги и обучаемъ ихъ тому, чего не позволили ни Апостолъ, ни Пана Римскій, ни Григорій Богословъ, ни Іеронимъ ни Августинъ? Мы знаемъ только три языки, въ которыхъ можно славити Бога. Еврейскій, Греческій, Латинскій.“ Философъ отвѣчалъ имъ: „Не льется ли дождь отъ Бога на все? Солнце не сіяетъ ли ровню на весь міръ? Не все ли мы дышемъ однимъ и тѣмъ же воздухомъ? Якъ не стыдитесь вы принимать только три языки, а прочимъ племенамъ велите быти слѣпыми и глухими? Богъ по вашему, или немощенъ, що не можетъ дати того, или завистливъ, що не хочетъ? Намъ извѣстно, що многіи народы умѣютъ воздавати славу Богу, каждый своимъ языкомъ: Арияне, Персы, Абазги.

*) Текстъ приведенъ по Остромирову Евангелію, которое могло быти третьимъ или четвертымъ спискомъ съ первоначальной рукописи Константина и Меѳодія.

**) Извѣстіе о томъ, что Болгарскія Словене пользовались Словенскимъ богослуженіемъ прежде, чѣмъ Моравскія, принадлежитъ Греческой біографіи Болгарскаго Архіепископа Климента. —

Иверійцям . Готам . Обрим , Турки . Козары . Аравляне , Египтяно , Сиріянне и еще другіи . Если не хочете уразумѣти того : изъ писанія познайте Судію . Давидъ вопіетъ , глагола : пойте Господеви вся земля , пойте Господеви пѣснь нову .” — Въ такомъ видѣ преданіе сохранило намъ прѣнія Константи-на съ предрозсудженіями .

Братья идутъ въ Римъ . Туда несутъ они мощи св . Климента и словенскіи книги . Между тѣмъ . Папа Адріанъ смѣнилъ умершого Николая . Со всѣмъ духовнымъ соборомъ . Папа Римскій . выходитъ на встрѣчу св . мощамъ , принимаетъ ихъ въ церкви св . Маріи . Въ храмъ св . Петра и въ храмъ великого учителя языковъ . Апостола Павла , и въ другихъ церквахъ Рима , пѣли литургію въ языцъ Словенскомъ . На гробницахъ первоверховныхъ Апостоловъ лежало Словенское Евангеліе .

Наслѣдникъ св . Петра умный Адріанъ не принялъ возраженій противниковъ , враждебныхъ народному богослуженію Словенъ , а тѣхъ , которыи утверждали , що священныи книги могутъ быти писанныи только въ трехъ языкахъ : Еврейскомъ , Греческомъ и Латинскомъ будьто **В** ; що въ нихъ только , повелѣніемъ Пилата , написано было на крестѣ имя распятого Спасителя , проклятъ и нарекъ пилатниками и треязычниками .

Продолженіе слѣдуетъ .

Короткая исторія Черной Горы .

Событія , которыи въ нынѣшнемъ времени обратили на Черногорцевъ вниманіе всеи Европы , осуждиваемы бывають различно , будь во пользу хороброго сего славянскаго племени , будь на его вредъ и обиду . Даже тѣи , которыи до сихъ поръ и незнали , существуетъ ли якій Черногорскій край , смотрятъ нынѣ прилжно за извѣстіями , относящимися къ исторіи Черной Горы и розсуждають ,

якъ имъ захочется . Думаемъ , що сдѣлаемъ ч . читателямъ нашимъ не малую прислугу , подавая имъ короткое обозрѣніе исторіи Черногорцевъ .

Исторія Черной Горы и такъ званого Сербскаго Пригорья начинается съ четырнадцатымъ столѣтіемъ ; о событіяхъ , случившихся прежде того времени , извѣстно дуже мало . Тое только неоспоримо , що якъ у всѣхъ славянскихъ племенъ такъ и у Сербовъ были многіи удѣльными князья (господари) . Роздѣленіе державы и такъ не дуже великою на множан области было головною причиною упадка сербскаго Царства . которое разрушено было въ 1389 . году во время владѣнія Царя Лазара на Косовомъ полѣ .

Въ то же время владѣли въ Зетѣ*) и въ Черной Горѣ особныи князья . Кромя тѣхъ было еще больше князей (господаревъ) въ оныхъ сторонахъ , именно : въ Герцоговинѣ , Приморію и Альбашии и все они стояли между собою въ сродствѣ . Найстаршій между ними былъ Балша . сынъ бана Странича . Когда Турки преодолѣли Сербскаго Царя на Косовомъ полѣ . не спѣшились тѣи поменьшіи князья съ помощію , котору нести ему будь не могли . будь не хотѣли . По разрушеніи Сербскаго Царства владѣли тѣи князья въ своихъ удѣлахъ самостоятельно и уважали Балшу за наслѣдника Сербскихъ Царей , найвысшого господаря Сербской державы .

Турки нападали иногда и на княжескіи области , но не могли тамъ осягнути жела-

*) Зета есть рѣка втекающая недалеко Подгорицы въ рѣку Морачъ . Тутъ подразумевается полѣ тѣмъ именовъ край лежащій понадъ рѣкою Зетою межъ Герцоговиною , Албаниєю , Черною Горюю и озеромъ Скадерскимъ . Кромя города Подгорицы суть въ Зетѣ еще двѣ крѣпости : Стужъ и извѣстный нынѣ Жаблякъ .

тельного успѣха. Ажь тогда, коли неосторожныи Государове Боснійскіи улегшии Туркамъ приступъ до Босніи, могли тѣже реченымъ областямъ больше вреда нанести. Жители Герцоговины, Албаніи и Зеты боролись за свой бытъ и независимость свою почти полтора вѣка; но наконецъ истощились и поддалися Туркамъ. Въ продолженіи тогожь времени отступилъ князь Черной Горы и Приморя Дюрядъ важный по своему мѣстоположенію и инымъ выгодамъ городъ Скадаръ неблагодарной и ненасыщенной Венетской (Бенатской) республицы. Республика таа была тогда сильна и могуча: на противъ Сербская держава упала за днѣ на днѣ. Такъ и не дивно, що Дюрядо, сынъ бана Странича отдалъ Венетамъ реченный городъ желая по крайней мѣрѣ съ той стороны имѣти нѣкую помощь противъ Туркамъ. И воистину, когда потомъ Турки хотѣли добыти Скадаръ, оборонили его Сербы и Венеты.

По смерти Балша послѣдовалъ братъ его Стефанъ, котораго попомки назывались по его прозвищу Черноевичи. Стефанъ, союзившись съ тестемъ своимъ Скандеръ — бекъ, выступалъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, 66. разы на поле битвы противъ Туркамъ. Сынъ его Иванъ воевалъ также безустанно противъ Магометанамъ, которые всѣ свои силы обратили на подбитіе Иванова удѣла. Но усилія ихъ были неуспѣшны Иванъ, яко независимый Государь, женилъ сына своего съ дочерью Бенатского дожи и такимъ образомъ вошелъ въ дружескіи отношенія съ Италією. Онъ создалъ въ Венеціи (Бенаткахъ) для себе и своихъ подданныхъ сербскую церковь. Бенатскій дожа выдалъ дочь свою за сына Иванова по той лише причинѣ, понеже надѣялся съ такового союза различныхъ для себе корыстей. И надѣя не обманула его; оба бо тѣ князья были со своимъ народомъ

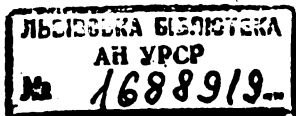
для Бенатчанъ правою рукою. Однакожь Бенатчане имѣли звычайно тупую память и оплачевали за то Сербямъ неблагодарностию. За тотъ грѣхъ преслѣдовала ихъ потомъ судьба многократно.

Дюрядъ, сынъ Ивановъ, пребывалъ яко зять Бенатского дожи. долгое время въ Бенаткахъ. Онъ прїѣзжалъ частѣе на Черную Гору и основалъ тамъ типографію. А такъ мильше было ему жити въ Италіи и съ той причини отдалъ онъ княжескую власть своему сроднику Ивану, который также оженился съ Италянкою. Сію власть препоручилъ Иванъ сыну своему Дюрядо а тотъ, проживая съ дѣтствія въ Италіи, изрекся правленія и передавши оно въ г. 1516. сербскому Митрополиту Герману, повѣхалъ опять до Италіи.

Мимо того потомки Странича владѣли независимо; и въ Исторіи Черной Горы нѣтъ даже слѣдовъ, абы они когда либо Туркамъ дань платили; сказано только, що города, въ которыхъ не могли остоятися, уступали одинъ за другимъ магометанскимъ наездникамъ, которые во время княженія Дюряда Черноевича такъ ихъ уже обсадили, що Дюрядъ принужденъ былъ отдать власть свою Митрополиту. Тотже Дюрядъ оставилъ ему и державную печать съ двома орлами, котора до нынѣ сохраняется у Черногорцевъ.

Князья владѣвшіи во время Сербского Царства, правили Черною Горю и ея областями 127. лѣтъ по битвѣ на Косовомъ полѣ супокійно. Турки отнимали вправдѣ то одну часть ихъ края то другую, но Черная Гора оставала для нихъ пріютомъ, на которую Турки долго еще не отважались нападати.

Въ г. 1450 палили Турки въ битвѣ на Чемовскомъ полѣ брата Иванова, Петра Черноевича, неопытного и слабого молодца. Онъ потурчился и потомки его владѣли

въ Альбаин и пишли столицу въ Скадаръ до г. 1834. Тойже самъ Петро, борючись почти всю жизнь со своими соплеменниками, отправился въ старости своей яко Турокъ въ году 1522. когда княжеская власть Черной Горы перешла въ руки тамошнихъ Владыкъ, на Черную Гору съ тѣмъ намѣреніемъ, абы край тотъ яко свое наслѣдіе себѣ покорити и прилучити его къ своимъ областямъ. Однакожь не много скорысталъ онъ въ селъ походъ, занявши только незначительнѣи части Черной Горы.

Продолженіе слѣдуетъ.

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ.

*русскій приходникъ изъ Соломянки.
Повѣсть, нимъ самимъ написанна.*

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Единымъ еще утѣшеніемъ для моей родины была теперь та мысль, що може въсть о несчастіи нашемъ злонамѣренно выдуманна или розголошена съ пересадою; вскорѣ однакожь получили мы письмо съ города отъ одного съ нашихъ друзей, которымъ подтвердилось все несчастное оно приключеніе.

Для мене самого убытокъ нѣвнѣя былъ дѣломъ дуже изловажнымъ, и только мысль о моей родинѣ, zagrożенной бѣдностію во будущемъ, — о родинѣ, котора не пользовалась даже тѣмъ высшимъ просвѣщеніемъ ума, для когото не такъ болестною бываетъ утрата благъ вещественныхъ, не такъ болестнымъ презрѣніе холодного свѣта, — та мысль наполняла сердце мое великою скорбію.

Почти двѣ недѣль пройшло, закѣмъ покусился я печаль ихъ словами усмирятти: боялся бо, щобы поспѣшныи мои утѣшенія не умножали тѣмъ больше ихъ горести. Въ то же

время роздумывалъ я надъ средствами. якими бы можно было ущербъ сеѣ хотя отъ части исправити; наконецъ посовѣтовали менѣ друзья мои податись на одно упрямное тогда и весьма выгодное приходское мѣстце, о десять миль отъ Романовки отдаленное, сирѣчь на село Соломянку. Подавшись, получилъ я оное безъ великихъ трудностей.

Передъ выездомъ нашимъ съ Романовки, занимался я обчисленіемъ всего моего движимаго и недвижимаго нѣвнѣя, которого по сплаченіи долговъ не было выше цѣны трехъ сотъ червонцовъ. Для того головою для мене задачею было теперь, усмирятти гордость родины моей о столько, о сколько неприятныи обстояательства къ тому насъ принуждали. Зналъ бо я, що горделивая бѣдностію крайное несчастье. „Вы пересвѣдчитесь, мои дѣти, говоритъ я, що ніякъ не могли мы отвратити отъ себе непредвидимое злополучіе: можемъ однакожь во многомъ за nobягчи его слѣдствіямъ. Мы теперь бѣдны, и розсудокъ повелѣваетъ жити соотвѣтно нашему состоянію. Для того откажмса безъ горести отъ вишнего блеску, въ которомъ такъ многіи бывають несчастливими, и въ лихихъ обстоятельствахъ нашихъ да ищемъ лучше того внутренниго супокоя, въ которомъ всякіи счастливыи быти можетъ. Тажъ убогіи люди живутъ весело и безъ нашей помочи, чемужь не жити бы намъ такъ само? Дѣти мои любезныи, съ тѣхъ поръ оставимъ всякіи покушенія на выставное житье, довольно еще осталось намъ на тое, абы быти счастливыми, если только не опуститъ насъ розумъ; и где не достанетъ намъ средствъ вещественныхъ, тамъ да пособитъ намъ руское наше сердце и веселое радушіе.“

Вскорѣ сближился день, въ которомъ нѣзли мы розстатись — Богъ знаетъ, на

якое время, а може на всегда розстатись съ найстаршимъ нашимъ сыномъ. Розлука съ друзьями и сродными есть однимъ съ наиболѣе горестивѣйшихъ случаевъ въ жизни людей убогихъ. Для богатыхъ не бываетъ она столь болестною, бо они рѣдко принуждены розлучатись на долгое время. Во прѣки бѣдакъ не находя содержанія въ отеческой хатѣ, уже скоро опускаетъ ю съ болестнымъ сердцемъ — на долго — можетъ и на вѣки! Попрощавшись съ матерью и прочими родными, которые съ слезами прильнули къ груди любезного брата, приступилъ сынъ мой къ мнѣ и просилъ благословенія. Изъ глубины сердца благословилъ я его и слезами и слезами; се благословеніе, сіи слезы и два червонцы. — вотъ все приданное, якимъ могъ я теперь его надѣлти. И къ отходившему сказалъ я трогательнымъ голосомъ: „Вдешь теперь, сыну мой, въ свѣтъ широкій искати самобытной доли; гдѣ и возьми на дорогу слова твоего дѣда, сказанныя мнѣ при такомъ же случаѣ: „Я былъ молодъ и состарился и никогда не видѣлъ, дабы праведный человекъ лишенъ былъ всякой помощи, или дабы семья его ходила за милостыннымъ хлѣбомъ.“” Тая мысль да будетъ тебѣ утѣшеніемъ и укрѣпленіемъ на жизненной пути, да будетъ она тебѣ всегда и всюду сопутною звѣздой! Иди съ бодрымъ духомъ прямою дорогою, и якъ бы ни велось тебѣ въ житіи, не унывай, а трудись — и прійде до насъ свиданія ради хоть одинъ разъ въ году. Такъ съ Богомъ сыну! — прайай, прайай!” И онъ повхалъ, — въ родимой хижѣ оставилъ жаль, тугу и слезы!

Пересвѣдченъ о высокихъ его дарованіяхъ и благородномъ сердцѣ, я не печалился чрезмѣрно тѣмъ, що высласть его безъ всякихъ почти пособій въ неизвѣстную путь жизни; къ тому зналъ я найдучше, що будъ

въ счастью будъ въ бѣдѣ, онъ ролю свою отограетъ съ честію.

Въ нѣсколько дней по его отъездѣ стали мы думать о нашемъ переселеніи, которое и наступило въ два недѣли по Великодніи. Прощанье съ сосѣдами, съ которыми столько веселыхъ часовъ прожили мы въ Романовцѣ, не обошлось безъ слезъ и сердечного жалю; самыя даже твердаго нрава люди не могли ихъ угаити. Десятимилевая просторонь, якую надобно намъ было перѣхати, смущала особливо мои дѣти, которые досель едва на четыре миль отдалялись отъ Романовки. Волли сиротъ и убогихъ людей, сопутствовавшихъ намъ почти цѣлу милю за Романовкою, не причинялись во все къ тому, чтобы смущеніе оное розсѣяти.

Первого дня совершили мы половину нашей дороги, и захали на ночь до неопозданой корчмы, стоящей неподалеку маленького села. Жидъ корчмаръ завелъ насъ въ особенную комнату, где розгостившись, стали мы распытывати свѣдущаго еврея про стороны, въ которыхъ идемъ и про будущихъ сосѣдъ. На тѣи вопросы зналъ онъ весьма подробно отвѣчати, именно же описалъ онъ будущаго моего владетельна, яко человека, для котораго нѣтъ въ свѣтъ иныхъ заботъ кромѣ собственныхъ увеселеній, и который лихо слыветъ своею пристрастною склонностію къ женскому полу. „Нѣтъ майже дѣвчины такой” говорилъ онъ съ таинственнымъ видомъ, „котора опертисъ бы могла его ласкательнымъ словамъ и кознямъ; и на нѣсколько миль вокругъ рѣдко уже найти такой, котору бы онъ не пожелстилъ и послѣ не оставилъ на леду.” Хотя вѣсть тая не мало мене поразила, во все однакожь не такъ подѣйствовала на мою жену, которая столь же много полагага на добрый нравъ своихъ дѣтей, сколько и на

силу ихъ прелестей. Межи тѣмъ, вбѣгла до насъ корчмарка и розказала мужу, будто молодой Панъ, который отъ вчера у нихъ обьтаетъ, хочеть отъѣзжати не заплативши за постой, понеже, кажетъ онъ, не имѣю при себѣ. ани слоканного гроша „Якъ то не имѣеть гроша!“ воскликнулъ корчмаръ, „якъ то не имѣеть гроша! я самъ видѣлъ вчера, якъ подалъ онъ убогому цѣлого сороковца. и приказалъ ему за то купити новую шапку.“ Когда однакожь корчмарка повторила вызнание молодого Пана, а озлобленный корчмаръ спѣшилъ уже къ дверямъ, тогда заступилъ я ему дорогу и попросилъ его, чтобы зазнакомилъ мене съ тѣмъ молодымъ Паномъ, который по сказанію самого корчмаря казался быти добродѣтельнымъ челоукомъ. Сему не противился онъ и вскорѣ потомъ привелъ въ нашу комнатку челоука, не больше двадцати пяти лѣтъ числящего, одѣтого въ чернос платье, которое хотя сношено, показывало, що молодець сей принадлежалъ къ высшому сословію. Онъ былъ хорошъ собою, и лице его являло мыслящего челоука. Розговоръ его былъ рѣзкій; въ обхожденіи не заховывалъ онъ свѣтскихъ церемоній, будь съ несвѣдомости, будь съ презрѣнія дныхъ.

Когда корчмаръ вышелъ изъ комнаты, не могъ я воздержатись отъ того, чтобы не изъяснити молодцу свое сожалѣніе надъ его неутѣшнымъ положеніемъ; къ тому объявилъ ему, що гроши мои радъ подѣлюся съ нимъ. „Съ охотою принимаю я ваше предложеніе.“ сказалъ онъ. „и дуже радуюсь, що моя легкомысленность, съ якую посбывался моихъ грошей, подала мени случай удостовѣрнитись, що суть еще въ свѣтъ благородныи люди, въ которыхъ числя и Вы, честный Отче. Межь тѣмъ хотѣлъ бы я узнати ния нѣмсто пребыванія мо-

его добродѣтеля, егоже должникомъ я сталъ отъ той поры.“ Я удовлетворилъ его желанію, извѣщая ему не только ния и приключившееся мени нещастье, но и мѣстце моего пребыванія. „Ахъ, тожь лучше ведется мени, нежели якъ самъ того надѣялся.“ воскликнулъ онъ, „я бо тоюже ѣду дорогою. Возбранная рѣка не дозволяла мени черезъ два дни путь продолжати; нинѣ однакожь, якъ довѣдался я, упала она о столько, що можемъ завтра ѣхати разомъ дальше.“ Я увѣрилъ его, що милымъ мени будетъ его товарищество, и просилъ умильно, дабы ѣлъ съ нами вечеру. Онъ согласился на тое только тогда, коли сіеже запрошеніе повторилъ жена и мои дѣвчата. Розговоръ его ставался такъ пріятнымъ, що слухалъ бы я былъ его до поздной ночи, кобы не помнилъ на тое, що нинѣшнимъ сноу надобно покрѣпити силы къ завтрашнимъ трудамъ.

Съ утра пустились мы разомъ въ дорогу. Моя родина ѣхала тремя брычками, однакожь такъ, що въ третьей наибольше отягощенной сидѣла только Аналія съ маленькимъ извощикомъ. Я же и господинъ Раевичъ, пріятель нашъ отъ вчера, ѣхали за ними верхомъ. Хотя зналъ я, що така ѣзда моя не совсѣмъ отвѣчаетъ рускому обычаю; но бывши уже съ юности самымъ пристрастнымъ охотникомъ до такой ѣзды, къ тому уважая на молодого друга, которого скучно мени было оставити самого и которого бесѣда мени такъ понравилась, рѣшился я сопутствовати ему на моемъ ворономъ. Съ радостію узналъ я на пути, що Раевичъ занимается прилѣжно и рускою словесностью; мы говорили о всѣхъ ея корифеяхъ, начавъ отъ Нестора и слѣдуя даже до Котляревского, которого то послѣднего онъ умно защищалъ противъ моихъ нападеній. Мени то дуже понравилось, що

онъ, хотя мой должникъ, не отрекался предъ мною своего мнѣнія.

Иногда розказывалъ мнѣ снова про окрестныя селенія. мимо которыхъ или близъ которыхъ мы проезжали. „Вотъ дворецъ.“ говорилъ онъ, всказывая на хорошій дворъ, принадлежащій теперь Пану Долинскому, властелину вашего прихода Соломянки.“ Желая где-то больше дознаться о будущемъ властелинѣ, сталъ я выпытываться г. Раевича про его нравы, житье-бытье и про его обхождение съ народомъ; хотя бы говорилъ мнѣ много о немъ непотынного корчиарь на послѣднемъ ночлягу, но все таки не доверялъ я признаніямъ честнаго еврея. По нѣякомъ размышленіи сталъ говорить мой спутникъ: „Панъ Долинскій богатый властелинъ, кажется однакожь, что жить не на долго уже будетъ; о добра бо его ведется больше дванадцать лѣтъ великая тяжба, которая три разы рываема была во пользу его противника; но онъ подалъ еще до найвысшей инстанціи, для того власть его можетъ продолжаться еще пайдалѣй два года. Онъ самъ знаетъ о томъ добре, и для того приходы свои рогочаетъ на собственныя или тѣхъ людей увеселенія: которыя лстятъ его самолюбію. Житье его не отличается благопріемъ; въ общежитіи бываетъ онъ обыкновенно солодкій, но се ищетъ свои причины; для простаго же народа онъ безмилосердный.“ Такой образъ моего властелина опечалилъ мене надсвычайно. Имя однакожь нѣкую надежду, що по увѣренію моего спутника, власть его не потреветъ долго, хотѣлъ я узнать еще гдѣ-то про его наследника. „Наследникъ его или лучше правый властитель сихъ добръ скитался черезъ 12. лѣтъ по далекихъ краяхъ. Во время скиталческой жизни познавалъ онъ свѣтъ и людей и удостоившись: що между ними не много добрыхъ, а еще менше счастливыхъ, що при-

чиною жалкихъ отношеній въ ихъ жизни бываетъ иногда недостатокъ полнѣйшаго просвѣщенія. найчаще же самолюбіе; що истинное счастье состоитъ въ доброй совѣсти и въ удовольствіи при мѣрныхъ средствахъ. Набывши такого убѣжденія, опустилъ онъ чужія стороны, вернулъ въ отечество и весь предался трудамъ во области исторіи и словесности словенской. Если же Господь Богъ подалъ бы ему большія средства, которыя выдены ему неправостию, онъ употреблялъ бы ихъ только къ добру отечества и того народа, котораго любить всею душою и всѣмъ сердцемъ.“ Получивши столь прекрасное изображеніе втораго моего властелина, я такъ возрадовался, що въ забытіи едва не упалъ съ вороного.

Когда такимъ образомъ занимался мы смѣя любопытнымъ разговоромъ, ударилъ насъ нежданно ужасный крикъ моея Амалии, котору сполошеними конь унесли съ горы по бездорожію и прямо гнали къ возбранной рѣцѣ. Едва могъ я опамятатись отъ печальнаго впечатлѣнія; уже Раевичъ стрѣлою пустился на своемъ булакомъ и въ одинъ мигъ догнавши положихъ коней, обернулъ своихъ поперѣдъ нихъ и ухвативши счастливымъ случаемъ за узды, принудилъ ихъ остановиться на мѣстѣ. Я поспѣшилъ за ними на ворономъ, прочіи же члены моея родины, вхавши въ переднихъ брычкахъ, сбѣглись чѣмъ скорше на мѣсто спасенія любимой Амалии, и выдачи ю и неосторожнаго извозчика неповрежденными, благодарили Бога и молодого друга, который съ пренебреженіемъ собственной жизни спасъ двое людей отъ очевидной гибели. Шо чувствовала тогда Амалия, тое не дастся описати словами, она благодарила своего избавителя воззрѣніемъ, въ которомъ созерцались всѣ нѣжныя чувства благороднаго сердца, и когда Раевичъ приблизился къ

ней, приклонилась она на его рана, как бы еще требовала его помочи.

Продолженіе слѣдуетъ.

О СПОСОБѢ ВОЕВАНЬЯ ЧЕРНОГОРЦЕВЪ.

Закѣмъ станемъ говорити о томъ, какъ Черногорцы борются, познакомимъ прежде ч. читателей нашихъ не много близше съ географическимъ мѣстоположеніемъ Черной Горы. И такъ границы ея окружены отъ сѣвера, востока и юга турецкими областями: Герцоговиною, Альбаніею и Босніею; отъ запада австрійскою Далматіею. Весь край обсягающій только 65 квадратныхъ миль, раздѣленъ на 2 головныя части: Черногору и Бердо (Верховины), тѣи снова на 8 нагіи (областей), по 4 на каждую. Наибольшая изъ всѣхъ нагіи есть нагія Катунска, въ которой лежитъ престольный городъ Цетинье. Кругомъ цѣлого краю стоятъ великанскіи горы и допускають легшій приступъ до него только изъ семи сторонъ, именно на юго-востоцѣ отъ турецкой крѣпости Жаблякъ, откуда тянется единственная большая дорога черногорскимъ краемъ черезъ Негушь и Цетинье ажъ до Котору, лежащего на югозападной границѣ. Главная рѣка есть пограничная Морача, которая пріявши въ себе Зету и Ситницу съ черныхъ горъ втекаетъ въ скадерское озеро. Путешествіе по краѣ семъ отбывается ради великихъ горъ будь пѣшки, будь на маломъ словянскимъ конику. Единственный на европейскій ладъ сбудованный городъ есть Негушь; престольный же городъ Цетинье, въ которомъ кромѣ княжескаго дворца находится еще только 10 мнѣхъ домовъ. Всѣхъ жителей счтается до 120,000 душъ обоего пола, и тѣи подѣлены на 39

племень. Каждое племя имѣеть въ одной изъ нагіи особый свой округъ.

Постояннаго войска не имѣють Черногорцы; но каждый кто только силенъ мечъ подвигнути, во время нужды не исключая даже женщинъ, беретъ за оружіе; изнѣженность уважается за наибольшій встыдъ. Обыкновенно считается однакожь до 20,000 воинныхъ людей. Оружіемъ ихъ есть: ганджаръ (великій ножь), два пистолеты, стрѣльба 5 — 6 стопъ долгая, наконецъ калитка на порохъ. На челѣ ихъ стоитъ 8 сердаровъ или полковниковъ съ прапорщиками (баряктарами), которые въ опасное время, востремляють на якомъ холмѣ прапоръ (хоруговь) и тѣмъ знакомъ зываютъ вооруженныхъ мужей, въ окрестности находящихся. Если Турокъ намѣряеть вторгнута въ черногорскіи предѣлы, поспѣшають всѣ мужи къ тому мѣсту, откуда угрожаетъ опасность. Турки ступають обыкновенно въ двоухъ отрядахъ и то сперва такъ, же мадного недосагнуть черногорскіи кули; когда однакожь сблизатся къ горамъ, острѣлывають ихъ Черногорцы со всѣхъ сторонъ, причаиваясь то въ ущелинхъ скаль то за деревомъ или въ гущахъ, въ которомъ то случаѣ закидають они фезы свои (червоныи шапки) на вѣтви выстихъ деревьевъ, такъ же Турокъ стрѣля въ шапку, думаетъ же вцѣмилъ въ голову. Турки ударяють обыкновенно съ наибольшею яростию на горянъ; що угодно бываеть Черногорцамъ понеже любятъ такую борьбу, где мужъ на мужа бьетъ изъ близка. Тогда начинается ужасная битва. Тутъ нѣтъ отпочинку, нѣтъ помилванья; увидить ли Черногорець упадающего Турка, прискачить къ нему стрѣлою и отрѣзуетъ голову. Своихъ же раненыхъ или мертвыхъ уносятъ Черногорцы чѣмъ скорше съ поля битвы, абы не допустити Туркамъ, такимъ

же способом утинати головы упавшимъ Черногорцамъ. Головы Турковъ несутъ они потому яко найдорожшій добытокъ до княжеской столицѣ въ Цетинъ, где вѣшаютъ ихъ на башни. Одна съ найяростивѣйшихъ битвъ яку когда либо Черногорцы имѣли съ Турками, была въ 1708.

Конечъ слѣдуетъ.

КОРЕСПОНДЕНЦІЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Прибавительно къ мозгу донесенію первому о печатаемыхъ книгахъ въ Вѣднѣ поспѣшаю еще съ одною вѣстію, що Христоматія для вышней Гимназій составлена Вч. Г. Профессоромъ Головацкимъ будетъ принята В. Министерствомъ просвѣщенія. Такожъ чути, що и Грамматика для школъ нормальныхъ сочинена симъ трудолюбивымъ мужемъ уже одобрена. Всѣ тѣшится тымъ, ибо знають, що Вч. Г. Головацкій своимъ глубокимъ знаніемъ нашего языка, удовлетворитъ достойно всѣмъ ожаданіямъ. Въ концѣ мило житъ и гов довести, яко и рускій Букварь Всеч. Г. І. Кульницкого министерство одобрило, и якъ завеса сими днями начнется уже печатати первый листъ. —

Вѣднѣ Р.

ИЗВѢСТІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

— Якъ доведѣмся, собираетъ многоученный Г. Шамбера профессоръ чешского языка въ Вѣднѣ старинными историческіи и топографическіи матеріалы, изъ которыхъ нахрѣветъ доказати, що первобытными жителями чешско-словенскихъ краевъ были Словене, яко то въ свидѣльствуютъ Пражскій летописецъ Косма и нашъ Несторъ; а не Кельты и Нѣмцы, яко то утверждаютъ новѣйшіи писатели, слѣдующіи свидѣльству Римлянъ и Нѣмцевъ.

— Господинъ И Р. властитель добръ въ *Баголинѣ* въ Угорщинѣ подалъ по причинѣ злопамятного приключенія, сбывшогося дня 18 февр. с. г. въ Вѣднѣ сіе разумное предложеніе: абы добродѣтельными жертвами заводити по всей Угорщинѣ „*съмѣшца для воспитанія учителей народа*;" понеже только черезъ доброе воспитаніе народа запобѣжится подобнымъ огиднымъ слѣдствіямъ во будущемъ.

— Якъ высокую надгороду нужно давати лікарямъ въ Калифорніи, видно изъ того що ни одинъ лікаръ не посѣтитъ больного скорше пока тотъ же не заплатитъ ему 12 долларовъ (долларъ стоитъ 2 р. 6кр. гр.); за посѣщеніе въ ночи платится 100. за хирургическую операцію 1000 долларовъ!

— Годъ 1852 похитилъ соплеменникамъ нашимъ Чехамъ двоухъ найзнакомѣйшихъ поетовъ. Въ началѣ года умеръ І. Коляръ, при концѣ Фр. Чельковскій. Память сего послѣднаго повинна бы дорогою быти и для Русиновъ. Не говоря о многихъ его сочиненіяхъ чешскихъ, скажемъ только що онъ написалъ „Мудрословіе славянского народа въ проповѣдкахъ," гдѣ глубокоумно розобразъ такожъ народными рускіи поговорки и познакомилъ съ ними близше своихъ соотечественниковъ. Къ тому составилъ онъ прекрасное поетическое дѣлаще подъ заглавіемъ „Отголосъ пѣсенъ русскихъ" межъ которыми есть нѣсколько удалыхъ подражаній думъ и пѣсенъ малорусскихъ. Для сохраненія памяти Чельковского препоручило корол. Общество Наукъ въ Празѣ Дру. Ганушу, абы составилъ яго жизнеописаніе, по которой то причинѣ др. Ганушъ собираетъ всѣ событія, касающіися жизни безсмертнаго пѣвца.

— Въ концѣ года 1851 имѣла *Чешская Матица* 3,690 членовъ и 107 громадъ, или обществъ. Для того всякое сочиненіе надобно было печатати тогда въ 5 000 экземплярахъ. Въ томъ же 1851 году пришло до Матицной кассы 16,774 рс. 55. кр. ср.

— Въ началѣ минувшого года выходило въ Австріи 50 славянскихъ часописей, однакожь въ теченіи года перестали нѣкоторымъ изъ нихъ существовати такъ що при концѣ 1852. года было ихъ только 43. Съ новымъ 1853. годомъ выходитъ въ Австріи — вчисляя къ тому и нашу не много опозненую Зорю 38 славянскихъ часописей. —

— Въ Франціи выходятъ современно — не вчисляя къ тому Парижъ — 300 политическихъ часописей. Съ тѣхъ помѣстило 250 занимательную повѣсть Американки Генриеты Стове подъ заглавіемъ „*Хижя стрія Волы.*" бсть то новая повѣсть, которая удостоилась всеобщихъ похвалъ и дѣлаетъ нынѣ почти такое же впечатлѣніе, яко нѣкогда „*Вѣчный жидъ*" бвгенія См. Со временемъ поговоримъ и мы о ней больше.

— Весною с. г. начнетъ печататись въ Стрѣльцахъ въ *Мекленбургскомъ княжествѣ*, пространное сочиненіе І. Коляра подъ заглавіемъ „*О ретранскихъ*

„старожитностяхъ“ Оно написано въ немецкомъ языкѣ и будетъ объимати изображенія всѣхъ въ Ретрѣ изобрѣтенныхъ божищъ славянскихъ. Дѣло тогоже сочинителя „Старо Италия славянская“ печатается одновременно коштомъ ц. в. Академіи Наукъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЕЛЬНЫЯ И ГОСПОДАРСКІЯ.

Какъ розсылати овощи въ дальшую дорогу?

Два головныя условія, которыхъ при посылкѣ овощей въ дальшую дорогу наблюдать нужно, суть, абы къ обложенію ихъ не употреблялись мокрыя вещества а потомъ такімъ, которыя вредити бы могла пригодной вони овощей. Наибольшее къ тому средство есть *дробленкій, чистый, сухой пѣсокъ*, которымъ овощи обсыпываются повинны въ такой способъ: на двѣ бочки, определенной для ихъ посылки, насыпается верства чистого пѣску, потомъ верства овощей, которыя засыпуются пѣскомъ такъ, абы не было между овощами порожыхъ мѣстцъ: потомъ слѣдуетъ новая верства овощей и снова верства пѣску и т. д. ажъ пока не наполнится бочка: послѣднюю верству въ горѣ занимаетъ также пѣсокъ, бочку же потреба добре покрыти вѣкомъ. Такъ посылаются овощи съ южныхъ сторонъ Россіи до Петрограда, куда и въ тамошней зимѣ приходятъ они такъ свежи и красны, какъ бы не давно снятыи съ дерева. Въ недостатку добраго пѣску можна употребити *сѣчку съ пшеничною соломою*, добре высушеную, которая и наименьше мокроты втягаетъ въ себе изъ воздуха и не отбираетъ овощамъ пріятной вони: Къ тойже цѣли *можно* уживати не совѣгуемъ, для того, же прородною своею мокротою вредитъ овощамъ и надаетъ имъ вонь сплѣснѣлости. Когдаже овощи посылаются въ паперѣ, да изберецца къ тому паперѣ чистый, незаписанный или непечатанный, понеже чернило потомъ ростиваетъ и вредитъ овощамъ.

— *Золото въ Австраліи и Калифорніи.* О пріобрѣтеніи золота въ тѣхъ двохъ краяхъ сообщаютъ почти всѣ часописа дуже занимательныи извѣстія. Количество добываемаго золота помняжастся, особливо въ Австраліи съ дня на день чрезвычайно. Съ Австраліи пишутъ, що если оно и дальше будетъ такъ само помняжастися, то *ежедневно* прибудетъ до 20 миліоновъ золота. Наибольшую користь имѣетъ при той способности Англія. Якіи же будутъ изъ того слѣдства? — Англичане радуются, а отъ части также боятся. Первое слѣдство есть

що цѣна золота упадетъ, и тое уже частію наступило; бо дукаты не стоятъ уже нынѣ такъ высоко какъ стояли въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. Другое слѣдство будетъ, що Англія возростетъ, хоть бы на нѣкое время, и укрѣпитъ свои силы. Примѣръ сего имѣемъ на средновеѣчной Ишпаніи. Передъ тремя, четырьма ста лѣты, когда изобрѣтено Америку и когда Ишпанцы съ оттамъ множество золота и серебра получали, возмоглась Ишпанія въ короткомъ времени такъ, що сталась тогда наисильнѣйшою державою въ Европѣ. Но сіе великое богатство принесло потомъ Ишпаніи вредъ и упадокъ. Въ слѣдствіе своего богатства Ишпанцы злѣнивались; все стремилось лишь до Америки и каждый хотѣлъ легкимъ способомъ, безъ труда сбогатитися. Тѣмъ дѣломъ уменьшался народъ, упадаль и упадетъ даже до нынѣ. О Ишпанцахъ мало нынѣ чути. Ихъ можно бы нынѣ сровнати съ тѣмъ паничемъ, который рости чилъ имѣнье родичей и оставилъ себѣ только хорошее платье, абы могъ въ чемъ свѣту показатися; но свѣтъ уже на него не уважавтъ. До сихъ поръ находится въ Ишпаніи много областей, въ которыхъ на нѣсколько миль не встрѣтишь ни кусень заораннаго поля. А однакожь были тѣ области передъ 5 сотъ лѣты богато заселены, и хорошо обдѣланы. Такии то бывають слѣдствія, если народъ скоро, легкимъ способомъ сбогатѣетъ! *Легко пріишло, легко розойдется* Такому богатству нѣтъ благословенія язъ Выше. Въ прочемъ, какъ послужитъ Англичанамъ новос сіе пріобрѣтеніе богатства, о томъ еще не знаемъ, кажется однакожь, що лучше Англичане то народъ трудолюбивый, который не такъ скоро злѣниветъ. Наконецъ австральское золото подаветъ великую выгоду английскимъ виробникамъ. Когда бо много изъ нихъ достаются на корабляхъ до Австраліи, уменьшавтца число рабочихъ рукъ въ Англіи, и въ слѣдствіе того принуждены промысленики и фабриканты лучше платити оставшимся въ краю виробникамъ, абы и тѣи не порезбѣгались отъ нихъ за золотыми горами.”

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Исторія Церковная новаго завета написалъ Андрей Балубанскій въ лицѣ Унгоградскомъ Псторіи и права церковнаго учитель, и кафедральной церкви Мукачевскаго каноникъ Изданіе третое исправленное и умноженное. Въ Вьеннѣ 1852. Издательство Ивана Ф. Головацкаго. Типомъ П. Ц. ОО. Мезитаристовъ. Продавтся по лавочной цѣнѣ 4 реньскихъ м. к.

Изданіемъ и типомъ Института Ставропигіинскаго.
Отвѣтательный Редакторъ Іоаннъ Гушалевищъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедельно въ Среда два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. и. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. и — Желающіи четверточко получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. и. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. и.

ТАЙНА

Я не вздыхаю, и не плачу,
А только смѣюсь иногда;
Уста жь мои, лице и очи
Не скажутъ тайны никогда.

Она и страшны всѣ мученья
На дѣ души моей лежать;
Хоть излѣниться хочеть сердце,
Но все уста мои молчать.

Спроси дитину въ колыбели,
Спроси гробовъ, спроси могилъ:
Такъ, чей они тебѣ розскажутъ,
Что все предъ тобою я крилъ.

ПОЕТЪ

На Руси пѣвчихъ осемь сотъ,
(А можетъ даже больше ихъ,) —
Которы поюгъ изъ нощь:
Я самъ зналъ шестидесять такыхъ.
Но я такого зналъ пѣвца,
Кой безъ начала, безъ конца,
И безъ розборовъ, безъ розчетовъ
Прекрасно пѣлъ съ чужихъ постовъ,
Или изъ сторонныхъ газетъ.
Всѣ говорили: „то Поеть!“

КЪ ГОРОЖАНЦЪ.

Люблю твои прекрасны взоры,
Твои насмѣшки и укоры,
И серденько твое люблю,
И польску бесѣду твою.

Да, ты совѣтъ така дѣвица,
Якой мнѣ Русь, ни заграица
Не дасть: во мнѣ - жь найшла я ты
Предметъ своей любви, мечты.

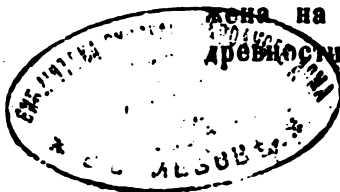
Ты мною самодержко править:
И иногда полюбишь таймо,
И. утѣслюишь, и забавишь —
Погомъ помѣнишь, — якъ звычайно!

Богданъ А. Д.

ПОСЛАНИЕ О ПЕРВОМЪ НАШОМЪ ПИСЬ- МЕННОМЪ ЯЗЫЦЪ.

(Продолженіе.)

Якъ цвѣты вянутъ люди, и оставляютъ только по собѣ дѣла, котры вѣчно живутъ, и благодарность потомности собираютъ. И нашъ Константинъ, изнуренный многими трудами предчувствовалъ свою кончину и облекся въ иноческіи ризы и принялъ въ Римѣ ина Кирилла. Не долго по тому, мишло пятьдесятъ дней онъ скончался въ сорокъ и двоухъ лѣтахъ своего житія 14 Февраля 869. года. Еще и теперъ находится въ Римѣ церковь св. Климента хранящая его мощи пренесенны Кирилломъ. Таа церковь расположена на три части, и все говоритъ о ея древности. Ту покоются и нощьдныи остан-

ки Первоучителя нашего письма, св. Кирилла, которому мы обязаны разумнымъ Словомъ Вѣры. — какъ залогомъ що колись весь племена соединятся въ одно стадо подь правленіемъ правдивого наследника святого первоверховного Апостола Петра, о чемъ неперастаетъ ежедневно наша святая гр. к. церковь молитися. Передь своею смертію напоминалъ святой Кирилль своего брата, абы неоставлялъ дѣла начатого у Словенъ: „Мы съ тобою,“ говорилъ онъ, „какъ чета воловъ взрывали одну борозду. Я кончилъ свой дѣль и надаю на лехъ (грядцъ). А ты любишь гору, не покидай ради своего Олимпа, нашего ученія, которымъ спасенся.“ Методіи исполнилъ завѣщаніе брата.

Труды Славянскихъ Апостоловъ разошлись борзо по Славянскихъ краяхъ Конецъ. Князь части Моравіи лежащій за Дунаемъ посылаетъ пословъ къ Папѣ съ просьбою отслушати Методія. Адрианъ отвѣчалъ: „Не тобѣ одному но и всѣмъ тѣмъ Словенскимъ сторонамъ посылаю учителя отъ Бога и отъ святого Апостола Петра“ Въ своемъ письмѣ къ Моравскимъ Князьямъ, Адрианъ прибавилъ щобы святое Евангеліе читалось впередь по Латини а потомъ по Славянски.

Методіи повернулся въ Моравію въ самы бурныи времена войнъ меже Ростиславомъ и Святополкомъ (869 — 870). Въ мирной землѣ онъ продолжалъ дѣйствовать. вводилъ Словенскую литургію. Коли кончилась Моравская война, Методіи въ 873 году крестилъ Чешского Князя Буривоа. Словенская литургія любезная народу, быстро розширялася въ сосѣднихъ сторонахъ въ Хорватіи, Сербіи, Чехахъ, Польщѣ и дальше.

Было время, коли весь наши соплеменники, разомъ съ нами въ Вѣрѣ составляли одно и колись тѣмъ самымъ языкомъ; ко-

тримъ мы теперь молихся. Только недавно ученые розгадали тую духовную связь, соединившую въ началѣ весь племена Словенскіи. Но предки наши хранили о томъ всегдашнюю память. Въ одной русской рукописи 1494 года читаемъ: „Еще посланъ бысть Константиинъ въ Мораву Михаиломъ Царемъ Моравскому князю, просившу философа, и тамо шедъ научи Мораву и Ляхи и Чехи и прочая языки и вѣру православную утверди въ нихъ, и книги написани Рускимъ гласомъ и добре научивъ.“ —

Последныи годы жизни Методія были весь омраченныи. Его оклеветано предъ Римскимъ престоломъ, куда Иоанномъ VIII, наследникомъ Адриана, возванъ былъ къ отвѣту. Методіи явился къ Иоанну, оправдался передъ наследникомъ св. Петра и снова енискалъ отъ него позволеніе служити обѣдню въ языкѣ народномъ.

Въ 800 году пишетъ тотъ самъ Папа Римскій Иоаннъ къ Святополку такъ: „Словенскіи писмена“ говоритъ онъ: „изобрѣтенныи нѣкимъ Философомъ Константиномъ мы похваляемъ — Священное писаніе ведитъ не трома языками, но всѣма славити Господа; хвалите Господа весь языцы. Апостолы исполнясь Святого Духа, глаголали всѣми языками вслщіе Божіе. Небесная труба Павелъ гремитъ въщая: всякъ языкъ да не повѣсть, яко Господь нашъ Исусъ Христосъ въ славу Бога Отца, — и въ первомъ посланіи къ Коринтянамъ ясно увѣщаваетъ насъ, да, глаголя языками, созиждемъ Церковь Божію Нищо не препятствуетъ здоровой вѣрѣ и ученію спѣвати литургію въ Словенскомъ языкѣ, или читати святое Евангеліе или Божественныи поученія Нового и Ветхого Завѣта, хорошо переведенныи и истолкованныи, или весь другіи церковныи книги: ибо кто создалъ три голловныи языки: Еврейскій, Греческій и Латинскій, тотъ же сотворилъ и весь прочіи во

славу и хвалу Свою. — Однакоже повелѣваемъ, що бы во всѣхъ церквяхъ земли вашои, ради большой важности, Евангеліе читали въ Латинскомъ, а послѣ для нерозумѣющихъ переводили на Словенскій языкъ.”

Въ году 886, по инымъ въ Римъ, куда былъ призванъ, но вѣроятнѣе въ Велеградъ, скончался онъ, за три дни предсказавъ свою кончину и назначивши собѣ наместникомъ ученика своего Горазда. Такъ довершилъ онъ великое дѣло, начатое разомъ съ братомъ; — но не для того народа, среди котораго дѣйствовалъ.

Межь прочими Словенами въ Болгаріи и Сербіи процвѣтало Словенское Богослуженіе трудами новыхъ подвижниковъ. Климентъ Епископъ Болгарскій, Григорій Іеромонахъ, и самъ Князь Симеонъ, сынъ крестившагося Бориса, переводили святыхъ Отцевъ: высокіи творенія Іоанна Златоуста, Давида Александрійскаго, Іоанна Дамаскина, ставшіе доступны для народа въ языкѣ словенскомъ. То продолжалось въ теченіи многихъ столѣтій; но въ послѣдствіи, у Болгаръ и у Сербовъ, распри ихъ съ Греками и вторженіе Турковъ, были причиною того, що книжны богатства не уцѣлѣли. Сохранити было предоставлено намъ, — и мы принимавши ихъ постоянно отъ нашихъ соплеменниковъ въ теченіи всей древней жизни, благодарно и вѣрно заховали, якъ для насъ самыхъ, такъ и для нихъ, той словенскій памятникъ.

Всѣ извѣстія о введеніи Христіанства въ Русь можно принять за извѣстія, о расширеніи у насъ Словенскаго письма, потому, що Вѣра Христова не иначе дѣйствовала, якъ словомъ устнымъ и, письменнымъ, и повсюду къ народамъ необразованнымъ вносила съ собою письмо. Самъ отъ себе является вопросъ, какое было первоначальное нарѣчіе наибольше участвовавшее въ перево-

дъ священныхъ книгъ? Несторъ говоритъ, що одно и то же письмо у Руси и у Болгаръ Дунайскихъ. Шлецеръ съ якимъ то предчувствіемъ обернулъ вниманіе на тыи слова Нестора *). Добровскій назвалъ самое нарѣчіе Болгаро-Сербо-Македонскимъ, отдавши такимъ образомъ преимущество участія въ его образованіи Болгарскимъ Словенамъ. Новыи изслѣдованія Шафарика окончательно утвердили тое мнѣніе и оправдали слова летописца. Шафарикъ родиною Церковного языка полагаетъ Словенію, которая занимала собою сѣверную часть Македоніи и прежнюю Мизію, а въ послѣдствіи Болгаріи. Имя Болгаръ, народа — побѣдителя вытѣснило названіе Словеніи точно такъ якъ у насъ имя Русовъ пришлецевъ замѣнило Словенскіи именованія племенъ. То древнее нарѣчіе должно быти совершенно отличено отъ средняго и нового Болгарскаго.

Треба такожъ на тое памятовати, що многіи Словенскіи нарѣчія черезъ различныхъ ученыхъ, объявляли право на перве участіе въ языкѣ церковномъ. Всѣ мнѣнія были ошибочными, но такожъ имѣли свое основаніе. Треба допустить, що Словено — церковно нарѣчіе первоначально образовавшееся грамматически у Словенъ Болгарскихъ, по мѣрѣ того якъ проникало къ другимъ племенамъ, подвергалось вліянію ихъ нарѣчій и собирало въ себе отдѣльныи черты ихъ. Такъ было во времена самыи первоначальныи, коли было единство Вѣры и слова. Въ томъ смыслѣ не совсѣмъ несправедливо думали тыи, которые почитали языкъ церковно Словенскій первоначальнымъ общимъ язы-

*) Слова Шлецера: „Болгарія, которую Несторъ именно означаетъ, теперь дуже мало намъ извѣстна; мы незнаемъ навѣтъ Словено Болгарскаго нарѣчія. Можно надѣяться, що въ тамошнихъ монастыряхъ суть еще рукописи писанныи древнимъ Кирилловскимъ письмомъ.“

комъ, простораючи тоє мнѣніе ажъ до того, що видѣли въ немъ источникъ всѣхъ нарѣчій Словенского языка, попадающіеся въ прочихъ нарѣчіяхъ только отдѣльно, по частямъ, словно обломки послѣ бури и наводненія, въ церковномъ все находятъ разомъ и въ цѣлости. Такимъ образомъ представляетъ намъ Словено — Церковный языкъ избранный цвѣтъ всѣхъ Словенскихъ нарѣчій, изъ которыхъ каждое, во времена первоначальники, внесло въ него хотя одну черту свою.

Про тоє желательнымъ есть сровнательную Грамматику и такой Словарь Словенскихъ нарѣчій составити. Исслѣдованья нача-

лись у некоторыхъ Словенъ. Но у племенъ Словенскихъ движеніе въ науцѣ неможетъ остатися отвлеченнымъ. Оно находитъ прекрасныя отголоски и въ жизни.

Словакъ среди Мадяровъ, спѣваетъ теперь грустно — торжественную пѣсню соединяючи съ нею воспоминаія о святомъ первоучителю Слова Божого Меодію. По пѣнью тая пѣснь древная; по другимъ сочиненна пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, коли возобновлена была наукою память великомъ минувшости. Она раздается и у Моравовъ, и у Чеховъ и у другихъ народовъ Словенскихъ. Отъ слѣдуетъ:

Нитра мила, Нитра, ты высока Нитра!
Кадже су те члени, въ которыхъ си ты квітла?
Нитра мила, Нитра ты Словенска мати!
Що позремъ на тебе, мусимъ заплакати.
Ты си была вѣкды вшицкимъ краємъ главы,
Въ которыхъ тече Дунай, Висла и Морава;
Ты си была сидло краля Сватошлука,
Кедь ту пановала его моцна рука:
Ты си была свате мѣсто Методово,
Кедь ту напимъ отцожъ казавъ Божье слово.
Вчилекъ твоя слава въ тони скрыта лежи:
Такъ ся часи мени, такъ тенъ то свѣтъ бежи.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ.

рускій приходникъ изъ Соломянки.

Повѣсть, нимъ самымъ написанна.

(Продолженіе)

Послѣ того захвали мы до поблизкой корчмы, где отпочивши и съѣвши скромный обѣдъ попрашались чествоенько съ г. Раевичемъ, который обѣщавшися посѣтити насъ за недолгое время, отъ тонже корчмы въ нину пустился дорогу. Потомъ выехали и мы; въ третьей брыцѣ ѣхалъ теперь я съ женою и найменьшимъ сынкомъ. На дорозѣ открыла мени жена, що Панъ Раевичъ дуже

оїй понравился, и що, кобы былъ богатшій и достойного роду, она найсердечнѣйше желала бы нарочи его своимъ зятьемъ. Слышачи ю тако говорящую не могъ я сдержатись отъ смѣха; а таки признаюсь, никогда не былъ я непріателемъ таковыхъ безвредныхъ оболъщений, которы не мало причиняются до нашего счастья.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Новое наше жилище стояло на концѣ села не далеко приходской церкви, которая построена на значительной возвышенности, придавала всей околицѣ нѣкую то печатъ благовѣнія. Село Соломянка пороз-

видано то по горбкамъ близкихъ горъ; то по окрестной долинь, осыщенное къ тому многими огородовыми деревьями, имло видъ дуже пріятный и привлекательный.

Увѣдомленны о моемъ пріѣздѣ прихожане собрались численно у камешного креста, стоящего на краю села при дорогѣ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы на пріветъ подати хлѣбъ-соль новому приходнику. Одинъ поважный старикъ изъ числа собранныхъ, промовилъ при томъ случаѣ къ намъ нѣсколько поздравительныхъ словъ въ миломъ горскомъ нарѣчію; а же отрекъ на то короткою бесѣдою, приводя нѣкоторыя соотвѣтныя мѣста изъ священнаго писанія. Погомъ вѣхали мы медленно, сопровождаемъ сельскимъ народомъ въ прихожанское загородье, где мы при помочи добрыхъ людей заповняли нашими вещами порожное жилище.

Въ нѣсколько дней присмотрѣлся я ближе всему приходскому обыстью и всей окрестности; прехорошій видъ показался мнѣ особливо съ горы, на которой стояла церковь; съ одной стороны розстелилось смиренное село; съ другой представлялась великая долина, прорѣзана шумящимъ ручьемъ, произтекающимъ изъ окрестныхъ Карпатскихъ горъ. Въ той долинь находились мои поля и сѣножати, которые все могъ я изъ той горы обнять однимъ воззрѣніемъ. Познакомившись съ мѣстоположеніемъ Соломянки, старался я потомъ познати и ея жителей.

Хижинны того села, хотя весьма непоказны съ верху, но за то опрятны во внутрь; они мѣстили въ себѣ народъ богобоязливый, благонравный, довольный собою и малымъ своимъ господарствомъ; отдалены отъ большихъ городовъ, и не имѣя нужды посѣщати ихъ часто, переходилъ онъ въ чистотѣ добрыя природныя свойства души, откровенное, доврѣчивое, ко всемъ пріятное

сердце и языкъ свой майже въ большой неповредности, чѣмъ Подолане. Наймильшимъ его утѣшеніемъ здавалась быти невнина, безыскусственная пѣсня или заунывная пригrywка на сопѣльцѣ.

Якъ мило было мнѣ тутъ уже въ первыхъ дняхъ послѣ моего пріѣзда, когда для лучшаго познанья хлѣбородной земли прохоживаясь по полонинамъ или по долинь, слышала я съ различныхъ сторонъ тужливый отгласы родимыхъ нашихъ пѣсней! Тогда съдалъ я себѣ подъ конарыстымъ дубомъ или сумною березою и вслушиваясь въ соловкии звуки мимовольно вспоминалъ слова одного нѣмецкаго пѣвца:

Wo man singt, da setzt' dich nieder;

Boese Menschen haben keine Lieder!

который то стишокъ мой сынъ Романко перевелъ въ послѣдній vacation въ Романовцѣ слѣдующимъ образомъ:

Где поють, тамъ можешь отпочати;

Злыи люде не знаютъ спѣвати!

Такъ забавлялся я въ первыхъ дняхъ моего пребыванія въ Соломяницѣ. Межи тѣмъ родина моя занималась исправленіемъ и пристроеніемъ нашей хаты. Дѣвчата украшали внутренныя стѣны хорошими образами, которыхъ было у мене, яко великого ихъ любовника, цѣлая скрыня. Жена пряталась въ пекарни, а хлопчики ставляли собѣ хатку въ садѣ.

Когда сталъ у насъ якіи такіи порядокъ въ хатѣ, старался я вовести давній лады въ ежедневныхъ нашихъ занятіяхъ. Вставши со восходомъ солнца съ постели, собирались мы въ первой большой комнатѣ на утреннюю молитву, по свершеніи которой шелъ я вразѣ съ племянникомъ нашимъ Федоромъ, сопѣвчимъ церковнаго крилоса и сотрудиномъ домашнаго нашего господарства, до церкви, где ожидали насъ уже обыкновенно дядь и панамарь приход-

скій. По окончаніи Службы Божіей, которой присутствовало довольно побожного народа даже въ будни, возвращались мы домой съѣдати. Для сѣданья опредѣлилъ я четверть, для объѣда полъ години; въ то время забавлялись мы самымъ веселымъ разговоромъ: думалъ бо я всегда, що человекъ, наслаждаясь тѣмъ насущнымъ даромъ Божиимъ долженъ быти и самъ веселый и веселити другихъ; и що къ тому объѣду, споживанный со скукою или печалью, бываетъ не вкусенъ и даже, по мнѣнію лѣкарей, вредливъ здоровію.

Со восходомъ солнца начинали, съ его заходомъ кончили мы дневныя наши занятія. Вечеромъ сѣдали мы вокругъ стола и дѣвчата попеременно читали намъ будъ духовныя, будъ свѣтскія сочиненія древной и новѣйшой словесности русской. Иногда затѣвжалъ до насъ вечеркомъ въ гостиницу приходникъ съ Верховники, или кузь его, лѣсничій Пана Долинского, и подчивались остатками славного Романовского меду. Тѣ оба сосѣди забавляли насъ своимъ веселымъ разговоромъ, или яко сыны романтическихъ верховинъ, прехоронивъ пѣніемъ въ двоємъ при содѣйствіи которой съ дѣвчатъ, играющей на фортепьянъ. Послѣ вечера совершали мы вечернюю молитву; хлопчики мои обязанности были при томъ читати нѣчто изъ рускаго молитвослова, и который изъ нихъ отличался добрымъ выразительнымъ чтеніемъ, получалъ еженедѣльно отъ мене и матери нагороду.

Такъ шло все по моимъ распоряженіямъ, и только въ Божію Недѣлю, когда я почти цѣлый день занятый былъ въ церквѣ, присвоила собѣ родина моя полное право распоряжатися собою свободно. Всякому извѣстно, що женщина, хоть бы яка поважна и просвѣщенная, всегда таки имѣетъ большую яко мы склонность къ мірской суетѣ,

къ блескоткамъ; всегда больше преданна желанію, приподобитися свѣту. Отъ того порока не были свободны ни мой дѣвчата, ни даже (про що скривати правду) — моя жена. Не разъ думалъ я, що проповѣди мои противъ гордости и выставному житію навертуть ихъ наконецъ къ смиренномудрію; но таки все замѣчалъ, що сердца ихъ любовались въ прикраскахъ давнѣйшихъ временъ, въ перстняхъ, вѣсяжочкахъ и иныхъ ничтожныхъ блескоткахъ, оставшихся со дней минувшаго нашего благосостоянія. Такъ и жена моя убиралась иногда въ праздничныя дни въ розовую сукню, для того понеже когда то — за давнихъ лѣтъ — сказалъ я былъ ей, що она лежитъ на ней дуже хорошо.

Уже первой Недѣли возмутился духъ мой надъ ихъ легкомысленнымъ поступованьемъ. Въ субботу вечеръ просилъ я ихъ, дабы завтра раненько одѣлись въ скромныя платья, и въ свое время пошли на службу Божію до церкви. Случалось бо не разъ еще въ Романовцѣ, що пришедини въ следствіе своего продолжительнаго страсія поздно до церкви, мѣшали порядокъ и молитву прихожанъ а еще больше любопытливыхъ прихожанокъ. Сей же Недѣли совершивши утреню въ церквѣ и не могли потомъ ихъ дожидатися, пошелъ я до нихъ самъ, дабы обвѣстити, що вскорѣ стану на службу Божію. Но що узрѣлъ я тамъ! жена и дѣвчата въ самой пестротѣ, въ самыхъ суетныхъ блескоткахъ, въ сукняхъ широко фалдистыхъ и такъ опущенныхъ, що съ шумомъ сметали порошокъ въ хатѣ. Я не могъ возмогчи себе, щобы во внутрь сердца не засмѣятися надъ ихъ легкомыслиемъ, особливо же надъ моею женою, у которой надѣялся найти больше здороваго розума. Желая укорити ихъ за тое доткливо, велѣлъ я имъ паробкамъ приладити старинный по-

возъ, убрати коней хорошо въ шоры и сейчасъ везти Еймость съ панянками до церкви. Дѣвчата засмѣялись съ такого повелѣнія; но я повторилъ оно паробкамъ еще разъ, и то съ видомъ всеи поваги, яку лишь во ту пору прибрати на себѣ возмогъ.

„Навѣрно ты жартуешь Игнатій,” сказала ко мнѣ жена, „не далека дорога, такъ не тяжело и пѣшки зайти; по що намъ ажъ повоза?”

— „Не жартую моя мила; до такого убранства потребно вамъ конечно повоза: иначе будутъ дѣти за вами бѣгати и смѣяться съ долгихъ вашихъ сарафановъ.” —

„Вонистну,” отрекла жена, „я думала, що мой Игнатій всегда радъ дѣти свои видѣти хорошо и опрятно убранны...”

— „Но, убирайтесь,” сказалъ я. „хорошо и опрятно. убирайтесь. якъ лишь возможете. а я васъ только любить буду еще больше; — но се не опрятность, а самы пустыи вымыслы. Тѣ пестрыи всгяжки, тѣ ничтожныи блескотки, тѣ преширокии сарафаны подадутъ лишь причину къ ненависти вашимъ сосѣдкамъ. Такии суетныи уборы оставите городскимъ панямъ, гонящимъ за новыми модами; вамъ же, немѣющимъ теперь ниже столько средствъ, чтобы пристойно и по вашей волѣ одѣться, они вовсе не приличны. Незнаю, уходятъ ли они даже богачамъ въ нашихъ уединенныхъ сторонахъ, а нето намъ, которы хотѣли бы неблагоорозумно покрывати бѣдность свою плащемъ суеты и тщеславія!”

То представление подѣйствовало успѣшно; въ иънуту удалились они во свѣтлицу, чтобы перебраться, и на другій день радовался я не мало видячи, що дочери мои передѣлываютъ, по совѣту матери, сарафаны свои въ маленькии платья для братчиковъ, и що мене найбільше радовало: тѣ платья

казались въ сладствіе сей передѣлки далеко красившии и пріятнѣйшии моему взору.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

За нашимъ огородомъ на краю возвышенности посадилъ мой предшественникъ четыре березы, которыи розрослись уже широко, и въ тѣни ихъ построилъ дермовыи скамейки и столъ деревянный. Тутъ звывли мы въ погодыи вечера сидѣти и наслаждаться красотой западающою солнца и просторной околицы. Иногда яли мы тутъ и вечеру и забавлялись яко бы въ нашей комнатѣ. Дѣвчата пѣли при созвучіи гитары, на которой довольно знала играти Патоля народныи, именно нѣкоторыи украинскіи пѣсни, що научилась отъ покойной тетки Ростиславы, пребывавшой нѣсколько времени на Украинѣ и подарившой насъ богатимъ собраніемъ пѣсеней и повѣстей малорусскихъ. Тогда восхищаясь вторилъ я ихъ пѣнію, или отступивши на нѣкое отдаленіе съ радостію прислухивался отгласу солодкихъ напѣвовъ. Вообще былъ я яко Русинъ самъ ревнѣйшій любитель гудьбы и пѣнія, и хотя по немуществу средствъ ни способности въ юныхъ лѣтахъ не изъучился самъ вкусно изъ нотъ играти, то за то не щадилъ средствъ для моихъ дѣтей, особливо дѣвчатъ, для которыхъ, по моему мнѣнію, почти необходимы суть гудьба и пѣніе; тѣмъ бо не только облагородняется нравъ ихъ, но и нѣжнѣйшимъ становится дѣвственное сердце.

И такъ дознали мы, що во всякомъ случаѣ человеческой жизни можно найти свои занятія и свои увеселенія, каждого утра пробужались мы къ новой полезной работѣ; а каждый вечеръ вознаграждалъ насъ сладостію ничемъ невозмущенного отпочинка. Такъ прожили мы въ Соломянцѣ весну и первыи мѣсяцы погодного лѣта 1847: Мы не на-

двѣлся тогда еще, що и насъ ожидаютъ волненія жизни.

Было то середъ лѣта въ день праздничный, коли пошли мы однажды въ прекрасное усторонье подъ лѣсомъ, где мои дѣвчата, взявши съ собою гитару, стали пѣти на свой ладъ розличными пѣснями. Такъ забавляясь узрѣли мы недалеко насъ бѣгущую серну, по еяже великой полохости догадаться было можно, що знати убѣгала отъ преслѣдующихъ ю стрѣльцевъ. И такъ было вопстину; въ минуту выскочили изъ гущей лѣса голчіи псы и конныи стрѣльцы, и погнали шо силъ за серною. Сейчасъ хотѣлъ я ити домовъ и велѣлъ моимъ послѣдовать за собою; но будь любопытство, будь нечаянное впечатлѣніе, будь якій ниний поводъ сдержали жену мою и дѣвчата на мѣстцѣ. Стрѣлецъ ѣхавшій на передѣ, помчался мимо насъ стрѣлою, за нимъ послѣдовали съ такою скоростію четыре или пять нныхъ. Съ задѣ показался молодець, оказавшійся якъ прочіи поверхности, который узрѣвши насъ, вмѣсто щобы ннмъ ѣхати за другими, соскочилъ съ коня, и передавши его ѣдущимъ за нимъ слугамъ, сблизился къ намъ съ повагою вилкосвѣтовца. Ему казалось не нужнымъ, познакомлѣти насъ съ своею достойною особою; онъ паче приступилъ съ незначительнымъ уклономъ къ моимъ дочерямъ и сталъ говорить съ такою смѣлостію, яко бы зналъ ихъ уже отъ давенъ давна. Но они отвѣтствовали на таковыи разговоры его взоромъ презрѣнія. Потомъ объявилъ онъ намъ свое имя и свое достоинство; былъ то Панъ Долинскій властелинъ четырехъ селъ и одного мѣстечка. Узрѣвши въ рукахъ Наталіи гитару, сталъ онъ просити ю умильно, щобы заиграла ему и воспѣла нѣку хотѣбы и рускую пѣсоньку. Не имѣя охоты заходити съ нимъ въ близшее, къ тому неотвѣтное знакомство, далъ я дочерямъ моимъ

знакъ, дабы не угодили его просьбѣ; но понука матери, противная моему желанію, подѣйствовала во пользу Пана Долинского, который по объявленіи имени своего и достоинства удостоился у женщинъ большого уваженія; такъ и стали спѣвати они одну изъ улюбленныхъ думокъ Фимка Падуры и видно было по нимъ, шо пѣли съ великою охотою. Панъ Долинскій пѣскалъ въ долони и восторженно хвалилъ пѣніе и выборъ думки; потомъ взялъ въ свои руки гитару, и бряцалъ ни сякъ ни такъ, якъ бы отъ неволи; мимо того изъявила ему моя Наталія свою похвалу и увѣряла, шо игра его превосходитъ все, якіи она досель слышала. За то поклонился онъ низенько, и сталъ съ своей стороны хвалити вкусъ, а еще больше остроуміе ея. Жена моя оказала при томъ случаѣ найжившую радость почитая такую похвалу любимого дитяти за найвысше счастье.

Що касается мене, во время всего того происшествія стоялъ я якъ не самовитый, и только полсловомъ отвѣчалъ на похвалительныи слова Пана Долинского.

Когда смеркалось, попрощался онъ съ нами, и просилъ о соизволеніи посѣтити насъ въ нашей хатѣ, шо, яко нашему властелину, не могли мы ему отказать. Потомъ разошлись мы во свояси.

Еще того же вечера созвала жена моя тайный совѣтъ, въ которомъ розобратись ннмъ все подробности нынѣшняго приключенія и произойти оттуду могущи наслѣдства. По ея мнѣнію, удался намъ нынѣ велики богатый половъ; „досвѣдчила го я,” прибавила она, „шо приключаются въ свѣтъ еще не такіи рѣдкіи странности. Надѣюсь, шо прійдетъ время, коли и мы поставимся на ноги и сровнаемся съ богачами; не понимаю бо, для чего и наши дѣти не могли бѣ достигнути такового счастья, яко

нашли дочери приходника съ Улаевиць, которые выходили за дядичевъ?”

На тое сказалъ я ей, що и я не понимаю, и кажется такъ не пойму николи, для чего сосѣдъ нашъ съ Улаевиць выигралъ два раза по двѣсти червонцовъ на лотерію, межъ тѣмъ, когда мы уже двѣсти разы проиграли.

„Оже, ты Игнатій,” отрекла она, „всегда такій, если стану утѣшатись нѣкою для дѣтей моихъ надеждою: ты сейчасъ отбираешь ю менѣ и оставляешь всѣхъ насъ въ бездѣйствіи.”

„Скажи, Амаленько моя, що думаешь ты о Пану Долинскомъ? Не здавался ли онъ тобѣ человекомъ добраго сердца?”

— „Такъ, Мамо. менѣ здавался онъ добрый, къ тому такъ привѣтливый и разумный, шо майже не видѣла я разумнѣйшого.” —

„Онъ такъ,” сказала Амалія съ нѣкими неудовольствіемъ, „похожий на мужчину; но менѣ такъ непоправился; онъ такъ несносенъ съ своими пресмыслими разговорами, за которыми скрываетъ гордость своего сердца.”

Изреченія моихъ дочерей толковалъ я собѣ въ смыслъ совсѣмъ противномъ; узналъ бо я изъ того, шо сколько презирала его Амалія, столько почитала Наталія. Таково то всегда женское еердце!

„Якъ вы ни думаете собѣ о Пану Долинскомъ,” сказалъ я потомъ къ моимъ дочерямъ, „я такъ признаюсь вамъ, шо онъ вовсе не припалъ менѣ до сердца. Пріязнь между людьми неровного сословія кончится найчастше хлопотами, и мимо всего приличія, якое оказалъ онъ намъ при первой встрѣчѣ, замѣтилъ я однакожь, шо въ душѣ сязался надъ вашимъ простодушіемъ. Онъ сязался, шо поповны такъ легко уварилъ лестнымъ словомъ вельможного Пана, и для того радъ розставлялъ свои сѣти. Отъ, скажу правду, намъ искати дружества съ людъ-

ми собѣ ровными. А и то скажу, шо подлѣй у мене тотъ молодець, который иская жены, не старается познати ей особу, но пытаеть за ей богатствомъ; такъ же нехорошо для дѣвицы, меньше уважати на молодца самого, чѣмъ на его низнѣе. И такъ, если бы намѣреніе его было доброе, (о чѣмъ я однакожь ниже думаю,) тогда оказали бы ся мы годными презрѣнія; если же нѣтъ! — ахъ, я дрожу на само вспомнѣнне!... Правда, шо касательно моихъ дѣтей не боюсь ничего тому подобного; однакожь нравъ его о которомъ довьдался я отъ людей, наполняетъ мене страхомъ!”

Я хотѣлъ еще больше говорити, но рѣчь мою перервалъ дворакъ Пана Долинского, принесшій намъ отъ него съ поздравленіемъ хорошій кусъ серны; къ тому извѣстилъ онъ намъ, шо въ нѣсколько дней загоститъ до насъ Панъ Долинскій. Тое поздравленіе, а еще больше тотъ даръ, принесенный въ самъ добрый часъ, проговорили такъ сильно въ его пользу, шо все мое многорѣчіе не имѣло бы уже нѣякой поваги. Для того постановилъ я молчати и удовольился въ крайней мѣрѣ тѣмъ, шо указалъ опасность, которой дабы избѣгчи предъоставилъ я собственному ихъ благородумію. Слава бо, котору безъустанно стеречи нужно, и недостойна стражи. *(Продолженіе слѣд.)*

О СПОСОБЪ ВОЕВАНЬЯ ЧЕРНОГОРЦЕВЪ.

(Заключеніе)

Турки наведенными тогдашною бенатскою републикою, вторгнули подъ трема везирами трема шляками въ Черную гору, а между тѣмъ обсадили Бенатчане границу. Окруженным со всѣхъ сторонъ врагами, Черногорцы взываютъ на помочъ Всевышняго Бога, кланутся, шо хотятъ лучше пасти за вѣру

и свободу; чѣмъ поддаться невѣрнымъ, и ставятся числомъ 10,000 противъ 100,000 Турковъ. Турки нахлынули на Черногорскую землю, палили мирныя села и убивали слабыхъ женъ и дѣтей; но тамъ, между горами ожидалъ ихъ непобѣдимый противникъ, хоробрый Черногорянинъ. Укрывшись въ ущелія скалъ разилъ онъ побѣднокими выстрѣлами враговъ. Надармо вызываютъ его Турки на широкое поле; онъ стрѣлялъ съ поза скалъ своихъ девять недѣль. Но тутъ и пороху не стало; гибель недалеко. Однакожъ небо умилосердилось надъ несчастливымъ народомъ: 4 новембрія дождь цѣлу ночь льялся ливцемъ; въ врагомъ таборѣ повстало замѣшательство, Черногорцы пользуются нимъ и отбираютъ Туркомъ всѣ zásобы пороху. И снова бьютъ турецкихъ везировъ, поки тѣи наконецъ незная якъ перезимовати съ войскомъ въ горахъ, уходятъ бездорожїями, покрывая ихъ трупами. Въ черногорскихъ яругахъ даже не возможно, абы лучшая военная тактика отнесла побѣду. Турки загнались уже не разъ ажь къ Цетинской долинѣ, николи однакожъ не пребывали тамъ долго. Въ новѣйшемъ времени захотѣлось и Французамъ Черной Горы, именно тогда, коли за Наполеона I обсадили Дальямацію. Тамошній маршалъ Мармонъ намѣрилъ сперва загорнути Черногору лестїю и уговорами; но Черногорцы отрекли, же почитали бы себѣ за велику честь, кобы самого Наполеона узрѣли въ своихъ горахъ, най однакожъ прїидеть яко гостя а свои планы най оставить дома. Тѣмъ отвѣтомъ розсердился Мармонъ такъ дуже, же поприсягъ собѣ що „Черная Гора“ не имѣтъ на даль называтись черною, но „Червоюю.“ И послалъ отрядъ французского войска на Черную Гору. Но Черногорцы розогнали ихъ на четыре вѣтры и Мармонъ изрекся дальшихъ предпрїятїй.

Народная черногорская пѣсня опѣвааетъ поражение Французовъ въ яругахъ и ущелїяхъ горскихъ.

В С Я Ч И Н А.

— Най дорожшїй фортепянь, и кїй только коли существовалъ, всть тотъ, которого купилъ нынѣшній цѣсарь Франціи Людовикъ Наполеонъ для молодой своей сопруги за 40,000 франковъ (16,000 р. ср.). Фортепянь сей былъ уже подивлянный на славной Лондинской выставѣ, и що до полноты и прїятности збуковъ не имѣтъ доселѣ собѣ ровного. Красная сопруга Наполеона цѣсарева Евгенїя играетъ на немъ вжедневно.

— На послѣдной выставѣ домашнихъ птицъ въ Лондиѣ купилъ икїй любитель дробью великого когута азїятской породы за 1000 р. ср. Тое когутище можетъ теперъ гордо пѣти кукурику!

— Посля найновѣйшихъ статистическихъ датъ припадаеть на каждыхъ 100 душъ въ Австрія 1500 домашнихъ скотовъ, или на каждаго жителя 15 штукъ. Наибольше домашнихъ скотовъ, въ размѣрѣ къ числу жителей, имѣтъ Моравїя.

Отважность ученного. Знаменитый французскїй встествоиспытатель, проходилъ разъ въ сенарскомъ лѣсу и замѣтилъ гадюку, которая, по своей величинѣ, здавалося ему, принадлежала къ роду еще неизвѣстному во Франціи. Онъ взялъ ею рѣшительпо въ руки росчитиваючи убити ю, сломавши ви хребеть. Но не знати, или оттого, що животное было досыть сильнымъ, или оттого, що его схватилъ не за то мѣстце за которое слѣдовало бы, оно глубоко укусило противника. Шесть послѣдовательныхъ ранъ въ руку немогли заставити профессора отпустить добычу и гадюка была заду-

шена и осталась въ его власти. Къ счастью съ почтеннымъ ученымъ былъ сынъ его, докторъ медицины. Онъ поспѣшилъ высосати раны и выпечи ихъ ланисомъ. Несмотря на тѣи предосторожности и немедленные пособія, ядъ сдѣлалъ уже свое дѣйствіе. Ученый привезенъ домой, оставался подъ вліяніемъ яди черезъ два дни; но третого, коли опасность минула, началъ свои лекціи о пересыкающихъ животныхъ.

Живучесть жабы. Г. Дюмериль профессоръ въ Парижу, представилъ былъ разъ въ Академію жабу, найденную будто бы живую внутри камня. По поводу возникшихъ сомнѣній о возможности такого явленія одинъ изъ Академикомъ изъявилъ, що онъ желаючи повѣрити на опытѣ достоверность розказовъ о подобномъ фактѣ, посадилъ десять жабъ въ глиняныи горшки отъ 15 до 20 сантиметровъ вышиною и закрылъ ихъ слоємъ весьма твердой гипсовой замазки. Замѣтивъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, що нѣкоторые изъ тыхъ сосудовъ издавали запахъ гнили, онъ разбилъ замазку и нашель, що многіи животные были мертвы. (Открывши наконецъ въ одномъ горшку еще живую жабу, онъ оставилъ прочіи горшки нетронутыми и сохранялъ ихъ въ такомъ видѣ больше шести лѣтъ. По прошествію того времени, коли замазка была разбита, въ одномъ сосудѣ оказалась жаба живая и совершенно здоровая. Въ гипсъ наполнявшемъ всю пустоту горшка, былъ совершенно полный отпечатокъ жабы. Едва разбили тую твердую оболочку, животное сдѣлало усиліе щобы выскочити изъ свои тѣснои тюрьмы, но скачокъ не удался потому, що одна нога еще твердо держалася въ замазцѣ, а коли ея высвободили, жаба дѣйствовала всѣми своими членами, якъ - будто ни на минуту не лишалася возможности управлять ими.

КОРЕСПОНДЕНЦІЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Всѣ узнають въ насъ потребу Словаря; а особливо учащіяся языки немогутъ безъ того обойтись. Первый Словарь терминологично правничій на полѣ нашомъ Словесности мы повитали радостно. Но онъ служитъ для употребленія только въ одномъ отношенію. Слава и честь трудившемуся мужу изданіемъ оногоже! Не меншу заслугу положить каждый кто займется собраніемъ словъ изъ устъ нашего народа для выраженія всѣхъ понятій такъ домашнихъ, якъ и публичныхъ, торговельныхъ и промысельныхъ и проч. и проч. Я могу вамъ касательно такого Словаря децо теперь донести. Свидѣвшись недавно съ нашимъ Отцемъ Скоморовскимъ довѣдуюся, що онъ ядъ подобнымъ Словарцемъ сидитъ, — словъ собралъ много, декотра часть есть систематическо уложена, но каждый часомъ роетъ очевидно тое сочиненіе поволе, для того Отецъ Скоморовскій не рѣшился еще уважати свой трудъ яко усовершенный. — О иныхъ трудахъ литературныхъ немогу вамъ ничего сказати, скоро бы на иглистомъ литературномъ нашомъ горизонтѣ децо заблисло исполняюсь якъ найскорше съ извѣстіемъ поспѣшити. —

Тарнополь —

Н.

ИЗВѢСТІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ

— Въ теченіи лѣтнаго погодіи 1853 преподавателіи будутъ въ Львовскомъ всеучилищѣ слѣдующіи предметы:

А.) На выдѣль богословскомъ:

1.) Церковная Исторія преподаваемая проф. др. Крилицкимъ по 9 часовъ еженедѣльно.

2.) Введеніе къ студіямъ библіи ветхого завета, препод. проф. др. Кухарскимъ 4 часовъ.

3.) Языкъ еврейскій и египетскій препод. тѣмъ же 5 часовъ.

4.) Языкъ сирійскій, халдейскій и арабскій съ практическими упражненіями тѣмъ же 2 часы.

5.) Введеніе къ студіямъ библіи нового завета преподаваетъ заступ. учит. префектъ студіевъ Чайковскій 4 часовъ.

6.) Языкъ греческій и толкованіе евангеліи святого Марка и первого посланія святого Павла къ Коринтянамъ тотъ же 5 часовъ.

7.) Бгзегетическіи преподаванія о посланіи къ Римлянамъ тотъ же 4 часовъ.

8.) Общая педагогика, преподаваемая заступ. учит. Малиновскимъ 2 часовъ.

9.) Догматика, заст. учит. др. *Пельцомъ* 9 часовъ въ латинскомъ языкѣ.

10.) Догматика, преподаваемая заст. учит. *Цылановскимъ* 9 часовъ въ рускомъ языкѣ.

11.) Моральное богословіе, преподаваетъ заступ. учит. *Малиновскій* 9 часовъ.

12.) Теологія пасторальная, *Васьневскій* 9 часовъ по польски.

13.) Теологія пасторальная, довременный приватный доцентъ *Юзичинскій* 9 часовъ по руски.

14.) Катихитика 2 часы } преподававши кати-

15.) Мееодика 2 часы } хитомъ *Островскимъ*.

16.) Катихитично — педагогическая наука, предметомъ студіевъ *Чаѣковскимъ* 5 часовъ по руски.

Б.) На правничомъ выдѣль.

а) Общій предметы науковимъ.

17.) Обще право державы, преподаваетъ проф. др. *Гербстъ* 4 часовъ вженедѣльно.

18.) Общев и практическоевропейское право народовъ, тотъ же 3 часы.

19.) Поученіе о финансахъ, проф. др. *Паздѣра* 4 часовъ.

20.) Политику культуры, тотъ же 1 часть (безплатно).

21.) Европейскую статистику, проф. др. *Гаммеръ* 5 часовъ.

22.) О камеральной формѣ обчисленія имѣній во обще, и объ отношеніи ей къ приходамъ и экономіи Австрійской державы, до того и о правительской контроли и державныхъ кассахъ, проф. *Стаймеръ* 5 часовъ.

23.) Общую науку о финансахъ, о приходахъ и экономіи державы, яко и о установленныхъ на то властяхъ администраціи и пѣняжного обороту, не менше о органахъ контроли тотъ же 4 часовъ.

б) Предметы администраційнымъ.

24.) Законъ церковный преподаетъ др. *Котеръ* 8 часовъ.

25.) Науку законовъ австр. администраціи проф. др. *Паздѣра* 4 часовъ.

26.) Карный законъ о приходахъ, проф. др. *Гаммеръ* 4 часовъ.

27.) Карную процедуру о преступленіяхъ уставовъ доходowychъ, тотъ же 1 часть.

28.) Химическіи опыты изъ области судовой медицины и медицинской полиціи, проф. др. *Гаммеръ* 2 часы.

в.) Предметы юдиціальнымъ.

29.) Законъ римскій, а именно право родимъ и облигацимъ преподаетъ проф. др. *Котеръ* 4 часовъ.

30.) Уговоры супружества послѣ австр. цивильного кодексу и въ сравненіи съ римскимъ закономъ тотъ же 1 часть (безплатно).

31.) Испыты австрійского карного закона, проф. др. *Гербстъ* 2 часы.

32.) Австр общій законъ цивильный, второе отдѣленіе, проф. др. *Фангоръ* 9 часовъ.

33.) Процедуру издаванія и исполненія рѣшеній въ спорныхъ справахъ, проф. др. *Шольцъ*, 5 часовъ.

35.) Старинный законъ польскій, тотъ же 4 часовъ.

35.) Сужаричну процедуру въ спорныхъ справахъ цивильныхъ, тотъ же 1 часть (безплатно).

В. На философическомъ выдѣль.

а) Предметы философично — историческіи.

36.) Нравственное любомудріе преподаетъ проф. др. *Липинскій* 3 часы.

37.) Исторію любомудрія (старинны даже до второго вѣка по Христу), тотъ же 3 часы.

38.) Відомственное развитіе начальныхъ наукъ логики, тотъ же 3 часы.

39.) Общую исторію среднего вѣка проф. др. *Вазольцъ* 3 часы.

40.) Исторію Австріи за Цѣсаря Фридерика IV и Максимилиана I, тотъ же 3 часы.

Заключеніе слѣдуе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Исторіи древняго Галицко — Руского княжества сочиненіе Дениса Зубрицкаго въ двоихъ частехъ, съ приложеніемъ Родословной Картины. Львовъ. Типомъ Ставропигіанскимъ 1852. Продаётся по лавочной цѣль 5 р. м. к. въ книжной лавцѣ Заведемія Ставропигіанского. —

Собраніе русскихъ Проповѣдей издаваемыхъ Дро. Андреемъ Андреевичемъ Радолинскимъ [Радолинскимъ.] Томъ первый. Буда, въ типографіи Мартина Баю 1852. Замѣчаемъ, що въ Львовскихъ пренумерантовъ не получили еще никто сего сочиненія. —

(Слѣдуетъ Прилога Поученій Церковныхъ Число 3.)

Изданіемъ и типомъ Института Ставропигіанского
Отвѣчательный Редакторъ *Іоаннъ Гушалевичъ.*

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается вѣдседмично въ Середу два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверьочно получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

Относительно до воззванія зѣ дня 18го Лютого (2. Марта) т. г., въ которомъ изъяснено было заданіе нашего письма и рсчотъ меже нами и Вч. прснумерантами пригадуемъ, що для тыхъ Вч. Г. предплатителей, которыхъ еще черезъ мѣсяць Мартъ належалася Зоря Галицкая изъ минуваго года, начинаеся предплата отъ 1го Цвѣтня т. г. по латинскому мѣсяччисленію. Про тое просимъ, чтобы Г. Пр. прислали скоро предплату на Зорю, бо онакше неможемъ розмърити накладъ нашего письма. Если бы кто хотѣлъ отъ первого Марта получить нешое письмо, то будетъ ласкавъ за Мартъ 30. крайнаровъ м. к. додати. При той случайности неможемъ тое замолчати, що первыи родиныцци наши изъ многихъ сторонъ приславши прснумерату изъявили искренне свое удовольствіе изъ нашего предпріятія. Тое будетъ всемъ намъ правдивымъ поощреніемъ до дальшого труда, абы наше письмо сдѣлати чимъ разъ полезнымъ и занимательнымъ. —

ЕДВАРДЪ.

(Старпная Шкотская баллада.)

Зачѣмъ твой мечъ весь кровью облить?

Едвардъ, Едвардъ!

Зачѣмъ твой мечъ весь кровью облить,

И ты смущенъ такъ и сердитъ? — Охъ!

О, я сокола моего убилъ,

Мати, ахъ мати моя!

О, я сокола моего убилъ

Онъ надовсе мнѣ милый былъ — О!

Кровь соколима не такъ темна,

Едвардъ, Едвардъ!

Кровь соколима не такъ темна,

Скажи мнѣ правду, чія она? — Охъ!

О, я коня убилъ моего

Мати, ахъ мати моя!

О, я коня убилъ моего

Того каштанка вѣрного — О!

Твой конь былъ старый и норовитъ,

Едвардъ, Едвардъ!

Твой конь былъ старый и норовитъ,

Скорбь нна грудь твою томитъ — Охъ!

О, я отца убилъ моего,

Мати, ахъ мати моя!

О, я отца убилъ моего
И скорбь сія лишь отъ того — О!

И якъ за грѣхъ покаешься твой,
Едвардъ, Едвардъ!

И якъ за грѣхъ покаешься твой,
Скажи, скажи мнѣ сыну мой — Охъ!

Оставлю домъ свой и отчину,
Мати, ахъ мати мой!

Оставлю домъ свой и отчину,
Пойду за море — въ чужину — О!

Тогда шо будетъ съ теремомъ твоимъ,
Едвардъ, Едвардъ!

Тогда шо будетъ съ теремомъ твоимъ
Великолѣпнымъ такимъ — Охъ!

Да онъ розсыплется во прахъ,
Мати, ахъ мати моя!

Да онъ розсыплется во прахъ,
Не жити мнѣ въ его стѣнахъ — О!

Съ дѣтьми — жь шо будетъ и шо съ женою,
Едвардъ, Едвардъ!

Съ дѣтьми — жь шо будетъ и шо съ женою
Когда розстанутся съ тобою? — Охъ!

Най за жабраньемъ пойдуть онѣ
Мати, ахъ мати моя!

Най за жабраньемъ пойдуть онѣ
Ихъ никогда не зрѣти мнѣ — О!

Шо матеря оставишь дорогой,
Едвардъ, Едвардъ!

Шо матеря оставишь дорогой,
Скажи, скажи мнѣ сыну мой — Охъ!

Проклятыя оставлю и ужась могилъ,
Тобѣ, о мати моя!

Проклятыя оставлю и ужась могилъ,
Съ твоей бо вины я отца убилъ — О!

пеев. Б. А. Д.

ПОСЛАНИЕ О ПЕРВОМЪ НАШОМЪ ПИСЬ- МЕННОМЪ ЯЗЫЦѢ.

(Продолженіе и заключеніе.)

Якъ велика сила слова живого видимъ изъ того, шо Кирилломъ и Меѳодіемъ оно засыано межъ Славянскими племенами черезъ многіи дѣйствуетъ столѣтія, и вліяетъ снова на тѣ народы, у которыхъ оно зачалося и такъ долго оставалось безжизнен-

но.*) Но нигде оно такъ постоянно не дѣйствовало, такъ не срослося съ жизнею всею народа якъ у насъ. Исторія церковного языка нерозривно связанна съ Исторією языка руского. Черезъ первый мы приняли въ себе многіи сокровища древныхъ нарѣчій намъ соплеменныхъ. Словено церковный языкъ былъ всегда и можетъ быти еще живымъ посередникомъ въ общенію словесномъ. Словенскій языкъ въ насъ покорялся также и вліянію устной народной рѣчи. Правописанье давнѣйше и теперѣйше до сихъ поръ носитъ въ основахъ своихъ слѣды письма Словено — церковного

Такъ встрѣчаемъ особенное явленіе въ развитію руского слова, которымъ мы совершенно отличаемся отъ западныхъ народовъ. Мы съ изытіемъ формъ не можемъ потягнути гранцію межъ чистымъ нашимъ и словенскимъ языкомъ, бо второй множество и множество изъ нашего народнаго принималъ — Языки Романскіи тамъ составились изъ двухъ стихій, враждебныхъ другъ другу: языка завоеваннаго и языка завоевателя. Первый даетъ словарь, второй налагаетъ Грамматику. Все литературное развитіе языковъ народныхъ представляетъ борьбу съ языкомъ Латинскимъ, — и постепенное освобожденіе отъ него сказывается въ важнѣйшихъ произведеніяхъ словесности. Языкъ Италианскій развивается въ

*) Ту пригадуемъ замѣчательныя слова Бандке: „Дай Боже, чтобы Словено — церковное нарѣчіе якъ первый или по крайней мѣрѣ древнѣйшій намъ извѣстный источникъ Словенского языка, было изучасмо всеми народами Словенскими, — хотя не ради высшего ученого образованія, но ради сохраненія Словенскон народности, для того чтобы намъ неотатариться, неотуречиться, для того чтобы неотпасти отъ общаго источника народности, который не изсякъ не смотря на бури десятилѣткыи.“

борьба съ латинскій, который подь конецъ его одолеваетъ. Языкъ Германскій представляеть, конечно, единство въ своемъ образовании: ту нема двоухъ стихій враждующихъ, якъ въ Романскихъ языкахъ; но за тое въ синтаксическомъ отношеніи онъ подвергается Латинскому и до сихъ поръ носитъ на собѣ его вліяніе

У насъ совершенно иное. У насъ ни языкъ меча ни языкъ насилія долженъ дѣйствовать на устное слово народа; но языкъ духовный, языкъ Вѣры, родный по племени, и долженъ вознестися надъ обыкновеннымъ, но при томъ быти понятнымъ для народа. Онъ имѣеть приносить съ собою сокровища Слова Божія и избранныи выраженія изъ другихъ нарѣчій. Онъ бо такъ слился съ мовою живою: що самъ подвергается ей вліянію. Хотя сохранилъ свои особнии грамматическіи формы. Сколько незабвенныхъ услугъ оказалъ той языкъ рускому слову и русской жизни!

Во времена удѣльныхъ усобиць, въ тяжкіи времена Татарскаго ига, онъ связывалъ всю древнюю Русь, онъ исполнялъ настоящее назначеніе языка по смыслу коренному того слова въ насъ, якъ силы связующей и соединялъ насъ духовно. Онъ служилъ отпоромъ противъ вліянія чужого.—

Рознати два языки: Словено-церковный и рускій, невозможно. Они срослися другъ съ другомъ во всей жизни нашего народа. Рознати ихъ значило бы, самую жизнь розорвати самую мизнь нашу на двѣ половинцы!—

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ.

рускій приходникъ изъ Соломянки.

Повѣсть, нимъ самымъ написанна.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Желая вчерашнюю сопережку нашу по доброму залагодити, постановили мы, уго-

стити себе на добрый обѣдъ серниною, и сей часъ взялись дѣвчата мои за дѣло. „Жалю” сказалъ я, „що нать у насъ нинѣ якого гостя, или друга, чтобы подчпнн его тѣмъ вкуснымъ яствіемъ! Такій обѣдъ бываетъ намъ въ десятеро пріятнійшій, когда поживаемъ его съ добрымъ другомъ.” — „Отъ, видите,” воскликнула жена моя, „о гостью мова, а гость у порога!” — И во истину заѣхалъ передъ домъ нашъ г. Раевичъ, молодой другъ родины моей. Вошедши въ комнату и пѣздоровившись съ нами сердечно сталъ онъ извинятися, що обстоятельства не сонзволили ему посѣтити насъ скорѣйше. Пріязнь сего чловѣка была для мене съ двоухъ причинъ дуже милою: во первыхъ, понеже зналъ я, що онъ яко убогій потребуеть моеи помочи, во вторыхъ, понеже казался онъ менѣ чловѣкомъ якъ бы сотвореннымъ для дружества. Въ розговорахъ его проявлялось иногда истинное просвѣщеніе; найчастіше однакожь любилъ онъ бавитися съ дѣтьми, которыми называлъ онъ непорочными сотворѣніями, и которыми розсказывалъ онъ народныи сказочки и байки или пѣлъ веселыи пѣсеньки; и рѣдко показывался онъ гдѣ либо безъ прѣдметковъ, застяжокъ и иныхъ того рода подарковъ. Онъ обывалъ въ поблизкомъ мѣстечку у одного изъ своихъ друзей; часто однакожь вызжалъ на своемъ буланомъ куда ни будь къ добрымъ сосѣдамъ. Тѣмъ разомъ осталъ онъ у насъ на обѣдъ и повинуюсь нашимъ запросинамъ такожь на вечеръ; жена моя не щадила сего дня солодкого меду.

Послѣ вѣчеры стали мы забавлятися розговорами; онъ спѣвалъ намъ потомъ козацкіи и наши народныи пѣсни, и розсказывалъ дѣтемъ забавныи и поучительныи повѣстки. Нашъ когутъ, который всегда пѣлъ о однадцатомъ часу ночи, пригадалъ намъ, що уже время думать о отпочинку; но, тутъ

зайшло одно невыгодное обстоятельство, о котором досель никто и ни не помнил: шло именно о том, где нашему гостю постелити? Въ свѣтлицѣ спали я, жена и наши дѣвчата; въ комнату оба хлопчики на одномъ ложѣ. Такъ и не стало мѣста для гостя, котораго на сѣно до стодола не радъ я былъ выслати. Наймолодшій сынъ нашъ Данилко избавилъ насъ скоро отъ того зашатаательства, предлагая, що онъ и съ братчикомъ спати будетъ сей ночи въ комнату на солому, котору можно бы для нихъ принести, а ихъ ложе, которое впрочемъ никому бы не отступило, да займетъ любилецъ ихъ, Панъ Раевичъ. Тое предложеніе менѣ дуже понравилось. „Хорошо мои дѣтоньки!“ сказала я къ нимъ ласкаво. „гостеприимство есть одною изъ первыхъ обязанностей Християнина; оно всегда было найкраснѣйшымъ свойствомъ Русиновъ. Дикій звѣрь знаетъ свою пещеру, а птица летитъ въ свое гнѣздечко; только безпомощный человекъ привужденъ убѣжища искати у своего ближняго. Найбѣднѣйшій чужинецъ въ свѣтъ семъ былъ Тотъ, который низошелъ спасенія нашего ради. Никогда не имѣлъ Онъ собственной хаты, яко бы желая узнати, сколько гостеприимства осталось еще между нами. Тетьяно! рекъ я къ моей женѣ, дай хлопчикамъ нашимъ по два куски сухару а Данилку дай и третій за то, що первый подалъ сію прекрасную думку.“

На другій день рано, роздавши каждому паробку свою роботу, позвалъ я Федора, щобы вышелъ со мною розгортати сѣно на поблизкой, позавчера скошенной сѣножатѣ. При такой работѣ люблю я самъ содѣйствовать а иногда идутъ со мною даже мои дѣвчата. Тамъ разомъ наперлись они конечно ити на сѣножати; было бо и утро прехорошее, и побуждалъ ихъ къ тому Панъ Раевичъ.

Съ такими сотрудниками работа ишла намъ скоренько; только Амалия не всегда успѣвала съ нами сровнати. оставая часто изъ заду. Но Панъ Раевичъ выбавляю тутъ отъ общего посмѣха своею помощію; и при томъ случаѣ захѣчалъ я не разъ, що моя Амалия благодарила своего помощника такимъ воззрѣніемъ, якимъ благодарила тогда, коли съ егоже помощію спаслася была отъ смертной гибели. Скончивши роботу въ полудне, мы возвращались домой; на пути осмѣлялся я розпрашивати Пана Раевича про его родъ и отечество: досель бо не зналъ ничего больше, якъ только имя его и благородное сердце. И ажъ теперъ дождався отъ него, що онъ происходилъ отъ шляхоцкой родины: що бывши высланъ на воспитаніе въ чужій край, ничего тамъ не учился, а только рсточалъ имѣніе своихъ родителей: що найкраснѣйша юности потерялъ въ распуствѣннѣ съ лихими друзьями и въ совершенномъ бездѣйствіи; що теперъ въ правдѣ опамятался, но опамятался надто поздно.

„И я вамъ откровенно скажу, честный Отче.“ продолжалъ онъ свою рѣчь съ якимъ то видомъ горести: „нѣтъ у мене теперъ ни якихъ либо средствъ, ни даже надежды, пріобрѣсти ихъ моими силами. Я не знаю ни якового ремесла, ни якого полезного занятія, которымъ возмогъ бы найти пропитаніе и самостоятельство въ свѣтъ. Къ счастью нашель я доброго друга въ сей окрестности, который не имѣя родины, охотно роздѣляетъ со мною мѣрныи свои приходы. Къ счастью остались при мнѣ еще нѣкыи дружки — спутницы странного моего житія, остались книжки въ большой части поетического содержания, въ которыхъ я отъ давна любовался. Чувствуячи въ собѣ великую наклонность къ поезіи, я составилъ нѣсколько большихъ твореній въ рускомъ

языцъ; и если подпомогутъ меня ревныи соотечественники, напечатаю ихъ въ мою пользу и пользу народа. Есть то одна звѣздка надъи, которая прельщала мене до нынѣ и отводила отъ совершеннаго отчаянiя!”

„Яко.” воскликнулъ я, „вы предаетесь надеждѣ, що поетическими плоды въ рускомъ языкѣ прiобрѣете средства къ пропитанiю, що заработаете ними на хлѣбъ насущный, и то заработаете въ нынѣшнее время? О сколь жалью васъ! Великiй Шплеръ оживалъ изъ голода подъ тѣнью нѣмецкихъ дубовъ, середь высокопросвѣщенной Германiи, а вы рускiй, неизвѣстный поэтъ хотите житьи утворами своего ума середь рускаго народа, который не купитъ ни одной вашей книжочки, хотя бы была самая лучшая, бо якъ всю да такъ и въ насъ стихотворенiе ажъ познѣе отвѣтну нагороду прiобрѣтасть! И я думалъ пайти на Руси свою Аркадiю; но сколь обманулся въ моеи надеждѣ! Цѣлую купу моихъ русскихъ сочиненiй грызуть голодныи моли въ старой скринь. О, молодой друже! послушай совѣта опытнаго соотечественника; покнишь оболѣстительную мечту, которая хотя прехороша и похвалительна, но не принесетъ тобѣ на Руси ни кусочка хлѣба. Если на правду хочешь прiобрѣсти вещественныи средства къ пропитанiю: такъ лучше иди въ широкiй свѣтъ, и поки еще молодыи силы, учись якого ремесла; — или въ крайномъ случаю рубай дрова, толчи камения на публичной дорожѣ, будь простымъ паробкомъ, пастухомъ или дякомъ, — а не рускимъ поетомъ; бо истощишь силы свои въ нуждѣ и недостатку, погибнешь отъ голода и недоли!... Поезiею можно бавитися, если доспѣешь такового становища, на которомъ не нужно тобѣ заботитися о житейскихъ потребахъ; но представити ю собѣ за единственное занятiе, то безрозсудно и въ настоящее время — на Руси — бесполезно!”

Пронзнося ти слова, подалъ я ему дружески руку, искренно желая щобы послушалъ онъ моихъ совѣтовъ, и устремилъ силы свои на нынѣ полезнѣйшии занятiя; но онъ опустивши взоръ свой къ земли, молчалъ безъустанно и только на лицѣ его отбилась глубокая тоска, яко бы жаль ему было розставатися съ любимымъ сердца предметомъ, съ найкрасивими юношеской жизни мечтами. И жецъ стало жаль его; для того перервалъ я печальную мою бесѣду, и завелъ рѣчь о иномъ предметѣ. Когда прiишли мы домовъ, уже жена моя ждала насъ съ обѣдомъ; во время того Пауль Раевичъ былъ дуже засумованъ и отвѣчалъ на мои вопросы полусловами; вскорѣ послѣ обѣда попрощался съ нами, и поѣхалъ на буланой кони во свояси. Я отвелъ его за ворота, и видя печаль его, которую мною всѣхъ успѣи не смогъ онъ предо мною скрыти, потышалъ надеждою на лучшую для словесности нашей будущность, которая однакожь по моему мнѣнiю еще далека. Возвратившись въ комнату замѣтилъ я у моихъ женщинъ нѣкто неудождество, которое особливо созерцалося на лицу Амалiи; понимая причину еи жалю, сталъ я разводитися надъ теперѣшнимъ направлениемъ юношества, которое предаваясь романтическимъ мечтанiямъ, забываетъ на существенность жизни и проводить младенческiи лѣта въ сентиментальномъ бездѣйствiи, и заключилъ бесѣду мою не много огорченъ теми словами: „Отъ, такимъ то житьемъ живеть и добросердечный, но легкомысленный другъ нашъ, Господинъ Раевичъ, который лишецъ теперѣ всякихъ средствъ къ пропитанiю гоняется за пустыми надѣями. Безъумный! не лучше было ему употребити за прежнихъ лѣтъ вещественныи достатки и помочь отъ своихъ родичей во свою пользу на будущее время? Кобы былъ чему ни будь полезно-

му научился, былъ бы и самъ счастливъ, и участвивти бы могъ другихъ; а такъ, при всемъ благородіи сердца, онъ теперь не доволенъ самъ собою и можетъ статися бременемъ для тыхъ даже друзей, съ которыми росточалъ онъ нѣкогда свое нивнїе. Мень жаль его, но при томъ и гнѣваюсь на него. Онъ бѣдный, и не заслужилъ можетъ лучшей доли для того, понеже не только не желалъ быти независимымъ, но и не заботился о томъ, статися когда то истинно полезнымъ свѣту.”

Признаюсь, що были у мене тайныя причины, для которыхъ я нивнїе свое о семъ достойномъ молодцѣ съ такимъ произнесеньемъ огорченїемъ; мимо того опровергала оно моя Амалия слѣдующимъ образомъ: „Сколько достойно есть прежнее житїе его порячанїя, то однакожь кажется менъ любимый Отче, тепершїи его обстоятельства должны бы хранити его отъ горькихъ поруганїй. Нынѣшная бѣдность его есть уже и такъ строгимъ наказаньемъ за прежныя поблужденїя, и не разъ говорили вы самъ добрый Отче, що не свободно разити новыми ударами несчастливую жертву, котору уже само небо наказываетъ бѣдствїями. Впрочемъ, мы даже не знаемъ ближе о его отношенїяхъ, которыми могутъ къ тому исправитися; мы только знаемъ о высокихъ души его достоинствахъ, которыя повинны бы усправедливити передъ нами всю жизнь его поручную.” Тїи слова, изреченныя съ жаромъ, открыли благородное дочери моему сердцу, они открыли и великую привязанность ей къ тому молодцу. Хотя любилъ я его отъ души, но еще больше любилъ я свои дѣти и желалъ истинного для нихъ счастья. И такъ, какъ предостерегалъ вчера Наталїю отъ блистательной но пустой и безнадежной мечты: такъ отклонялъ я нынѣ приспрастное сердце Амалии отъ раждающей

безплодной любви. Но все тое предоставилъ я времени, думая, що оно наилучше изцѣлитъ любовными ихъ раны.

ГЛАВА СЕМАЯ.

На другїй день рано стали готовитися женщины наши къ прїятїю вельможного гостя, который прирекъ вчера черезъ своего слугу быти нынѣ у насъ на обѣдѣ. Жена и дочери выстроились какъ можно наилучше и шастались по пекарни то по покоямъ. Около полудня завхалъ передъ домъ нашъ Панъ Долинскїй, съ своимъ тайникомъ и добрымъ своимъ управителемъ. Понеже однакожь изъяснилъ намъ вчера Раевичъ, що Панъ Долинскїй намѣреть свататися съ Панною Юлією К..., съ которою имѣлъ былъ мой Левъ женитися; то прїятїе его изъ стороны самой господини и моей Наталїи не было такъ сердечно, какъ бы могло быти, кобы они о томъ не знали: но случай уволинилъ насъ яко тако отъ сего замѣшанїя; когда бо никто изъ нашего общества вспомнулъ случайно про красоту Панны Юліи, увѣрялъ Панъ Долинскїй подъ клятвою, будь то не слышалъ еще такъ ложного утвержденїя, какъ то: що Панна Юлія хороша; „най съ мѣста не встану,” говорилъ онъ далѣе, „если не правду кажу? що волялъ бы я шукати собѣ невѣсти межъ сельскими дѣвками, какъ въчитатися съ дурною Панною Юлією.” Сказавъ сіе, засмѣялся громко, и все общество смѣялось съ нимъ; бо кто не нашель бы грубыя сказанїя богатого Пана остроумными и хорошими? Моя Наталїя замѣтила при той способности съ нѣякою несильностію, що Панъ Долинскїй имѣеть рѣдкїй вкусъ и хотя похваляетъ иногда сторонно и за много но осуждаетъ весьма справедливо. Не смотря на тое, я выступилъ въ оборонѣ честной Панны Юліи и изъяснилъ откровенно, що во всей окрестности Романовки, не

видѣлъ я нигдѣ такъ милой, такъ образованной дѣвицы, якъ есть Панна Юлія.

„Воронъ ворону ока не выколетъ,” сказалъ Панъ Долинскій. „Попы якъ жида свою вѣру боронятъ. Панна Юлія Поповна, такъ и выпадаетъ обстати вамъ за нею честный Отче. А однакожь скажу правду, она и не умылась до вашихъ прекрасныхъ дочерей.”

На дерзкіи слова тѣи не отвѣтилъ я ничего, разъ, понеже не узналъ ихъ достойными отвѣта, во вторыхъ не ручилъ я себя за удержаніе своего хладнокровія, и въ томъ случаю боялся уже при первой встрѣчѣ оскорбити священное право гостепріимства. Когда однакожь сговорились гости наши потомъ и о обрядахъ церковныхъ, и Панъ Долинскій сталъ ругатись надъ пѣніемъ русскихъ дьяковъ, я снова пропизнесъ нѣсколько рѣшительныхъ словъ во ихъ защиту.

„За чѣмъ не позаводите въ церквахъ вашихъ органы?” спросилъ Панъ Долинскій. „При звукахъ поважной гудьбы выдали бы ся твердыи слова мертвого старословенского языка пріятнѣйшимъ слуху, когда межъ тѣмъ дьяки ваши блятъ якъ бараны. такъ що услышавши ихъ рыкъ я всегда принужденъ былъ смѣяться на голосъ въ церквѣ.”

„Кому въ церквѣ смѣхъ, тому и весь грѣхъ,” отрекъ я съ огорченіемъ, „всякій языкъ да славить Господа, якъ знаетъ и якъ сможетъ; мы не порицаемъ ваши органы ни пѣніе въ латинскомъ языкѣ, вовсе не понятномъ польскому народу; языкъ старословенскій или лучше старорускій для насъ священный, якъ наша Церковь, и пѣнье руского дьяка понятно всему народу; кто надъ церковнымъ пѣніемъ или священными обрядами коого либо народа ругается, тотъ не достоинъ имени честного человѣка.”

„Извините, достойный Отче,” сказалъ Панъ Долинскій съ солодкимъ усмѣхомъ; „я не хотѣлъ васъ тѣмъ уразити; но опровергну-

ти мнѣніе ваше касательно церковного языка. По изслѣдованіямъ найлученнѣйшихъ историковъ нашихъ и философовъ, языкъ тотъ былъ искони языкомъ Полянъ или Поляковъ Надднѣпрянскихъ, которые съ теченіемъ времени, изобразовали и усовершили языкъ свой соотвѣтно требованіямъ просвѣщеннѣйшихъ вѣковъ; и онъ стался тѣмъ прекраснымъ языкомъ, которымъ такъ умно владеетъ нынѣ Мицкевичъ, Трентовскій, Кохановскій, Красицкій и пр.; надлежало бы всѣмъ Славянамъ, употребляющимъ въ богослуженіи языкъ такъ зовимый старословенскій или лучше старопольскій, приняти къ той же цѣли языкъ новославянскій или що одно и то же, нынѣшній сладокзвучный языкъ нашъ польскій.” —

Услышавъ такую небиллицу, я едва не сошелъ съ ума; правда, читалъ гдѣ то въ сочиненіяхъ Пана А. Б. будь то языкъ старословенскій принадлежалъ Полякамъ Надднѣпрянскимъ, которыхъ онъ окрестилъ по просту Поляками; но я не надѣялся, дабы таково заключеніе, яке предложилъ Панъ Долинскій, могло когда то сродитись въ голову тверезого человѣка.

Такъ рѣшился снова молчать, опасаясь, чтобы дальшіи его умствованія не помѣшали здоровый мой разумъ. Я любилъ тотъ многообильный, поважный, освященный памятью великихъ проповѣдниковъ Солуня языкъ старословенскій, якъ любилъ природу и все челоуѣчество; я посвящалъ его изученію два десятка лѣтъ моеи жизни; читалъ о немъ мнѣнія великихъ соподвижниковъ литературы всесловенской, и не встрѣтилъ нигдѣ такъ ужасной бредни, яку слышалъ нынѣ отъ Пана Долинского. Правда, языкъ тотъ есть источникомъ, есть матерью всѣхъ словянскихъ нарѣчій, но отнюдъ исключительно польского, который можетъ больше потерять изъ первобытной своей словенской

природы, чѣмъ которое нибудь иное изъ живущихъ словенскихъ нарѣчій. Мое молчаніе взбудило въ обществѣ тую мысль: будто я совершенно побѣжденъ былъ Паномъ Долинскимъ, которому приписывала съ той причины моя Наталія великую ученость. И вопстиню, когда гости наши розъѣхались по объѣзду, стала она снова разводиться надъ его высокими дарованіями. Болѣло мое отцевское сердце надъ тѣмъ не мало, що неопытное дитя мое пребываетъ въ такомъ обманѣ; и болѣзнь тая удвоилась, когда жена моя стала представляти менѣ, яка бы то хороша пара была: Панъ Долинскій и Наталія! „Видишь, любимый Игнатій,” говорила она съ умиленіемъ, „я казала правду, що Панъ тотъ добрый имѣетъ намѣренія; кто знаетъ, що еще на конецъ съ того будетъ!”

„О такъ, кто знаетъ, що еще на конецъ съ того будетъ,” отрекъ я съ глубокимъ вздохомъ: „но я съ моеи стороны во все тому не радуюсь; и убогій, праведный человекъ былъ бы менѣ стократно милѣйшій, чѣмъ тотъ вельможный Панъ съ своимъ своимъ богатствомъ и дурачествомъ. если бо онъ истинно такіи менѣ кажется, повѣрь Тетьянно, за нищо въ свѣтъ не выдамъ дочь мою за неуча!” —

„Я думаю однакожь милый Отче,” сказала на то Амалія, „що вы надто строго осуждаете Пана Долинского; хотя бо мнѣнія его были бы совсѣмъ блудныи и нерозумныи, должно ли заключати, що они мнѣнія его собственныи, а не чужіи? Можетъ онъ возрасталъ подъ вліяніемъ такихъ людей, у которыхъ было то правдою, що у насъ безсмыслъ. И въ томъ случаю, скажу откровенно онъ не такъ дуже виноватъ.”

„Моя любина,” отрекъ я, „можно бы то пропустити касательно мнѣнія его о словенскомъ языкѣ, которое у польскихъ у-

ченыхъ рѣдко досель бывало справедливымъ; но не пропущу ему злобныхъ израженій противъ Пани Юліи, противъ рускимъ церковнымъ обрядамъ и даже противъ нашимъ дякамъ! Израженія бо тѣи доказываютъ или дитинную пустоту легкомысленного человекъ, или що уже всего лукавоего его сердце.”

Слова мои якъ прежде такъ и теперь не много дѣйствовали на Наталію: взмагавшая чѣмъ разъ больше привязанность къ Пану Долинскому, не дозволяла ей узрѣти поблужденій испорченного его сердца. Любовь дѣлаетъ насъ слѣпыми, тая правда извила грудь мою. Съ тыхъ поръ сталъ я частше роздумывати надъ будущею судьбою дѣвчатъ моихъ. Она казалась мнѣ поираченною, и я глубоко опечалился. Я желалъ имъ смиренного счастья въ тихомъ усторонѣи сельскомъ, яке достигнути можетъ дочь руского священника съ своеплеменнымъ молодцемъ тогоже сословія, я желалъ имъ тойже пріятной доли, яку имѣла родная ихъ мати, добрая моя Тетьянна; а они предавались безполезнымъ мечтамъ: одна стремилась надто высоко, на которой то высокості однакожь не было ніякого счастья; другая наклоняла сердце свое къ молодцу, который, хотя найблагороднѣйшій, не былъ однакожь въ состояніи упевити ей долю! Ахъ куда все тое поведетъ?!...

(Продолженіе слѣдуетъ)

Короткая исторія Черной Горы.

(Конецъ.)

Когда російскій Царь, Петръ Великій, сталъ съ Турками новвати, воззвалъ онъ прежде всего Черногорцевъ, потомъ и прочихъ христіанскихъ Славянъ, дабы низвергли ярмо турецкой неволи. Черногорцы возбу-

рились противъ Турковъ и довели до того, що съ тѣхъ сторонъ ни одинъ Турокъ не возмогъ ставитись противъ Россіянамъ. Когда же Петръ Великій заключилъ миръ съ Турками, выправилъ Султанъ Ахметъ 1712 г. противъ Черной Горы 60.000 мужа. Владыка Данило поразилъ со своими Черногорцами велику сію Османскую силу. Когда потомъ Данило, довѣряючи Туркамъ которы поклялись на бороду Могамета не нападати больше на Черную Гору, пошелъ въ Россію, Турки пользуячися отсутствіемъ его, двинулись снова подъ начальствомъ башы Думана Джуприлича числомъ до 120,000 мужа противъ Черногорцамъ. Баша Думанъ позвалъ хитрымъ способомъ больше 30 черногорскихъ начальниковъ къ уговору, задержалъ ихъ у себе и велѣлъ убить; потомъ же ударилъ опъ на народъ вондоу своихъ лишенный со всею огромною силою. Къ тому помагали еще Туркамъ неблагодарныи Бенатчане. Тогда вдерлись Турки во внутрь несчастнаго края, и разносили по немъ смерть и разрушеніе; въ короткомъ однакожь времени повернулъ Владыка Данило, сгромадилъ народъ свой и прогналъ всѣхъ Турковъ, которыхъ вселились были уже въ нѣсколько городахъ Черной Горы. За того Владыки было много кровавыхъ борбъ съ Турками, которы однакожь не змогли завладѣти черногорскимъ краемъ. Года 1716 пораженены были Турки на голову и бѣжали безъ отдыха въ свояси; г. 1717 помагали Черногорцы Бенатской републицѣ; г. 1727 побили башу Бечира; 1739 отнесли жители одного только повѣта Кучи побѣду надъ Махмутомъ Беевичемъ; 1750 сбили герцоговинскихъ и боснійскихъ Турковъ; потомъ вошелъ снова боснійскій везиръ съ 40.000 мужа въ край черногорскій, но и тогда не повелось ему, 60 Черногорцы плѣнили много босній-

скихъ беевъ (турецкихъ начальниковъ) и вымѣняли ихъ потомъ за свиней. Когда Стефанъ Малый съявился на Черной Горѣ, ударили на край тотъ три турецкіи везиры съ неизмѣрнымъ войскомъ — Черногорцы подають число Османского войска на 180.000 мужа. И Бенатчане связались съ Турками. Стефанъ Малый выдавался за російского Царя, и съ той причины доминивались Турки и Бенатчане що онъ отбереть такъ однимъ ихъ другимъ всѣ, подъ ихъ владѣніемъ находящіяся сербскіи области. Для того впади они по взаимному уговору съ такъ огромною силою на Черную Гору; однакожь и теперь были побиты и оттягли съ великою потерю изъ поля жаркой битвы. Г. 1785, въ то время, когда Владыка Петръ I. пребывалъ въ Россіи, вдерлись они снова въ край черногорскій. Подкунивши грошми простой народъ на пограничій, загнались ажъ подъ Цетинье и снаили тамне монастырь. И тѣмъ разомъ не долго гостили они на Черной Горѣ; не прошло три лѣтъ — а Владыка Петръ ударилъ съ Черногорцами согласно съ волею Россіи съ нѣсколько сторонъ на Турковъ и прогналъ ихъ за родимыи горы. Г. 1769 напалъ Махмутъ, баша Скадерскій, на Бердинъ (Горинъ), но былъ побѣжденный и самъ покрылся ранами. Тойже баша, который отторгнувшись отъ Султана, и преслѣдованный за то по не покоренный трема везирами, выступилъ по другій разъ противъ Черногорцамъ г. 1796 съ 34.000 мужа, однакожь Черногорцы — числомъ 5 — 6000 мужа — привели не преодолимое войско его на Лешкополѣ 22 октобріи въ бѣгство съ такимъ успѣхомъ, що и его самого поймали, тѣло его снадили и голову и саблю занесли въ Цетинье, где донынѣ крыются они во память блестящей побѣды. Г. 1798. вознамѣрили Турки, немогше ничего сдѣлати оружіемъ, покорити Черную Гору ле-

стію. Прирекли они Черногорцамъ уступить Зету и Зетскіе города, если тише признаютъ надъ собою власть турецкого Султана и во знамя своего подданства отставляютъ ему 300.000 окъ (ока - 2¹/₂ австрійскихъ фунтовъ) волны. Владыка Петръ не хотѣлъ о предложеніи семъ ничего и чути лише отослалъ Вуича, Поляка, который предложеніе оно принесъ отъ Султана, назадъ до Цариграда. Во время французской войны ударили Черногорцы по уговору и въ союзѣ съ Россією на Турковъ въ Герцеговинѣ съ одной а на Французовъ въ Ботцъ Которской съ другой стороны, и выгнали послѣднихъ изъ Боки и съ Дубровницкаго повѣта. Тотъ повѣтъ уступили они по заключенномъ мирѣ и на желаніе Царя Александра Австріи. Борьбы съ Французами яко и съ Турками были ужасны.

Г. 1824 въ Апрѣлѣ напалъ Боснійскій везиръ на Черную Гору, навѣряючи отторгнути отъ неи Морачу; былъ однакожь побѣжденъ. Г. 1829 заключили Турки съ Черногорцами уговоръ, яко съ независимымъ народомъ. О зависимости Черногорцевъ нема и наименьшого слѣду въ цѣлой ихъ исторіи. Они вели съ Турками г. 1832 войну, которую сами розпочали. Корысти не было тогда никакой ни на одной ни на другой сторонѣ. Г. 1834 ударили на Жаблякъ, отняли Туркамъ двѣ пушки, крѣпость же саму отъ части розрушили. На одной съ тѣхъ пушокъ стоитъ написано: "Когда 1834 года побѣдоносные Черногорцы на Жаблякъ ударили, клѣнили мене старина и привели на Цетинское поле." Г. 1842 боролись они съ Арбанасами, которы хотѣли завовати Бѣлопавличи, но были поражены. Г. 1844 ишелъ Мостарскій везиръ Сточевичъ противъ Грахову, но Черногорцы стрѣтились съ нимъ на пути и принудили къ заключенію пере-

мирья, по которому одна половина Грахова досталась Черногорцамъ а другая присоединена была къ Герцоговинѣ. Тогда отняли Турки два острова (Вранину и Лесандру) на Скадерскомъ озерѣ, которые то острова были въ то время безъ сильной защиты. Упокоившійся передъ двома годы черногорскій Владыка Петръ Петровичъ Нѣгошъ не былъ въ состояніи ихъ пазадъ отобрати.

Тутъ исчислили мы важнѣйшіи битвы между Черною Горю и Турками; про ины меньшіи борьбы даже не вспоминаемъ, скажемъ только, що почти не было дня на Божиємъ свѣтѣ, абы не случилась якая битка между тими двома народами.

ИЗВѢСТІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ

— Ученый *россійскій* писатель г. В. М. Ундольскій открылъ въ одной старой книжцѣ старинную пѣснь, которую нарекъ: "*Слово о великомъ князѣ Дмитрію Изясковичу и братѣ его Владиміру, якъ побѣдили врага своего царя Мамая.*" Открытіе тое есть тѣмъ важнѣйше, понеже подтверждаетъ подлинность "*Слова о плъку Игоревѣ,*" сказано бо тамъ въ нѣсколько мѣстахъ о пѣсняхъ *Боляна*, который воспѣвалъ славу Игорю Рюриковичу, Владиміру Святославичу и Ярославу Владиміровичу, князямъ Кіевскимъ, къ тому же многіи израженія и поговорки дуже схоственны съ израженіями "*Слова о плъ Игорѣ.*" иногда даже слово въ слово тѣ же самыя. Ученый *Бласез* думаетъ, що новозобрѣтенная пѣсня сія принадлежитъ къ началу XV. столѣтія, когда битва на Куликовскихъ поляхъ была еще въ живой памяти.

(*Заключеніе преподаваемыхъ предметовъ въ теченіи лѣтнего полгодія 1853 на Львовскомъ Унверситетѣ.*)

41.) Практическіи упражненія относительно къ старинной исторіи въ филологично-историческомъ свѣщенствѣ, тотъ же 2 часы.

42.) Высшую педагогику, именно о образованіи чувства и воли, заступ. учит. *Малиновскій* 2 часы.

б) *Предметы математичні и природоислѣнны.*

43.) Высшую мат. анализисъ, преподаветъ проф. др. *Лемовъ* 4 часовъ.

44.) Стихи алгебры, тотъ же 4 часовъ.

45.) Физику экспериментальную для учительскихъ кандидатовъ проф. др. *Пьерре* 3 часы.

46.) Общую теорію силъ, дѣйствующихъ въ обратномъ отношеніи квадрата розтояній, тотъ же 2 часы.

47. О отношеніи науки діамнетизма къ науцѣ о магнетизмѣ и электричности. приватный доцентъ др. *Урбанскій* 1½ часа.

48.) Исторію натуральную (цѣлѣсловіе), проф. *Лобаржевскій* 5 часовъ.

49.) Прогулки въ ботанической цѣли два разы въ недѣлю тотъ же.

50.) Исторію натуральную (звѣтрословіе), проф. др. *Шмидъ* 5 часовъ.

21) Практично зоологическіи упражненія, тотъ же 1 часъ (безплатно).

52) Житіе звѣрей, тотъ же 1 часъ.

53.) Общую химию неорганическихъ существъ, проф. *Плесъ* 5 часовъ.

54.) Аналитическую химию, тотъ же 9 часовъ.

55.) Химию скотскихъ и человѣческихъ живностей, тотъ же 5 часовъ.

б) *Предметы языкословичи.*

56.) Греческую синтаксисъ, преподаветъ проф. др. *Кергель* 3 часы.

57.) Бѣсѣда Цицерона за Милономъ, тотъ же 2 часы (безплатно).

58.) Илиду Гомера тотъ же 2 часы (безплатно)

59.) Югурту Салустія, тотъ же 2 часы совокупно съ выкладомъ наукъ филологическихъ яко упражненій филологично-исторического сѣженща, тотъ же 2 часы (безплатно).

60.) Нѣмецкій языкъ совокупно съ практическими упражненіями, проф. *Глохъ* 3 часы (безплатно).

61.) О Фаустѣ Гета ч. II, тотъ же 2 часы.

62.) Сравнительную грамматику *русского языка*, а именно видословіе, проф. *Головацкій* 1 часъ.

63) Исторію *русской словесности* отъ XII до XVI вѣка, тотъ же 2 часы (безплатно).

64.) Теорію *поэзии, и краскорч.* тотъ же 2 ч.

65. Приготовленіе къ практичной грамматикѣ еврейского языка, приватный доцентъ др. *Игель* 1 часъ.

66.) Изъясненіе книги Кусари, тотъ же 2 часы.

67.) Изъясненіе книги Исремін, тотъ же 1 часъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЛЬНЫЯ И ГОСПОДАРСКІЯ.

— *Теплолоды Ериксона.* До сего времени употреблялись къ плаванію кромѣ обыкновенныхъ людей, кораблей и пр. такожъ паровыи лоды; но теперь прибудетъ къ тому же употребленію еще одинъ родъ корабля, о якомъ до сихъ поръ никому нежесть и не снлося; есть то *ново изобрѣтенная теплолоды Ериксона*, который за движимую силу своей лоды употребилъ вмѣсто водной пары *самъ только теплый воздухъ.* Англійскіи Новины возвѣщаютъ, що дня 3 януарія отбылась первая, а 11 тогожъ мѣсяца с. г. другая проба въ морской пристани мѣста Нью-Йорка, и обѣ повелись дуже хорошо. Мы подаветъ тутъ ч. читателямъ нашимъ о новомъ изобрѣтеніи семъ столько изъясненій, сколько сами знаветъ. И такъ, движимую силою оной лоды есть розогрѣтый воздухъ. О дѣятельности тойже силы можесть и въ каждой хатѣ найочевидѣнше пересвѣдчигися. Если возьмемъ *полунадутый свинскій мѣхуръ* (пухирь) завяжемъ и положимъ на теплою печи; увидимъ не задолго, що мѣхуръ надулся; если же положитъ тамъ долше то иногда и *пукне.* То справляетъ воздухъ, черезъ теплоту въ высшей степени розтягнутый и напаятый.

Для движенія лоды или машинъ употребляетъ и *Ериксона* туюже силу теплого воздуха, при чемъ не только *двѣ третины* дровъ можно зашадити, но и отстраняется совѣтъ оно небезпеченство, яковъ иногда случается при паровыхъ котлахъ, се есть: розрывъ тыхъ же котловъ. До сего времени не могли паровыи лоды пускаться въ путь на великій „Тихій океанъ,” понеже не могли брати съ собою столько угля, сколько нужно было употребити, абы доплыти до найближшого мѣстна на суши; но теплолоды Ериксона наберетъ столько палива, що можесть безъ отпочинку изъ Англій плыти до 5 части свѣта, до *Австрали.* Сія *теплолоды* есть 250 стопъ долгая, 40 стопъ широка, 26 глубока и унесетъ 38,000 нашихъ центнаровъ. Она переплыветъ въ теченіи одного часа 9 — 10 миль противъ вѣтру, и скорость таа дастся побольшити черезъ поднесеніе теплоты. Найзамѣчательнѣйшая часть машины есть такъ званный *regenerator*, т. е. онаа часть, где теплый воздухъ, по исполненіи своего содѣйствія, охоложается. Состоитъ онъ изъ 200 тоненькихъ, доротяныхъ свѣточокъ, сложенныхъ одна по надъ другою. Доротики тыхъ свѣточокъ суть такъ тоненьки, що въ цѣломъ регенераторѣ находятъ ихъ

100 миліонів. Тутъ, середъ доротяныхъ свѣточокъ охолодитъ теплый воздухъ якъ найскорше, що для порушенія машини конечно есть нужно. — Одинъ зъ найславнѣйшихъ испытателей природы вынѣшого вѣка, г. Морсе, изобрѣтатель чудовныхъ *электрическихъ телеграфовъ*, присутствовавшій онымъ пробаѣ, сказалъ при томъ случаѣ, що отъ изобрѣтенія книгопечатанія онъ не знаетъ *памятнѣйшого* вынѣденія для добра человечества, якъ *теплолодь Ериксона*.

— Великое вниманіе обратили на себе въ Англіи новыи *электрическіи паллицы*, которми продаются въ тамошнихъ купеческихъ лавкахъ. Тѣ паллицы содержатъ въ себѣ гальваническую машинку, и если однимъ концемъ ударится о яковъ твердое тѣло, на пр. о камень, выдаютъ они изъ себе ясное, далеко сягающее свѣтло, и такъ употреблены быти могутъ въ ночи не только для подпоры и охороны, но такожъ яко, латариѣ.

В С Я Ч И Н А.

— Замѣчанія достойно есть оно согласіе дать современной исторіи, що изъ владѣющихъ нынѣ въ Европѣ трехъ Цѣсарей, каждый вступилъ на престолъ державный для 2 Декабрія. Такъ Царь Николай вошелъ на престолъ 2 Декабрія передъ 27 лѣты, нашъ всемилостивѣйшій Цѣсарь Францъ Іосифъ тогоже дня передъ 4 лѣты, а Цѣсарь Л. Наполеонъ тогоже дня минувшого года.

— Въ г. 1852 спотребовано въ цѣлой Австріи: табаки 64,712 центнаровъ (!), тютюну 504,437 центнар., сигаровъ австр. 635,783,648 штукъ, сигаровъ заграничныхъ 9,060,005 штукъ. Табаки больше употребляютъ въ Тиролю, тютюну больше въ Солноградѣ, сигаровъ въ нижнихъ Ракусахъ и въ Терствѣ. Наименше табаки употребляютъ въ Уграхъ и въ сосѣднихъ краяхъ въ Семиградѣ, на Буковинѣ и Шлезску, тютюну наименше въ Венецкомъ ко-

ролевствѣ. Наша Галачина всего употребляетъ въ середной мѣрѣ:

— Въ волнахъ американской рѣки Миссисипи утонуло въ тепеніи минувшого года семдесятъ осемъ паровыхъ кораблей! При случаѣ майже каждого затопленія погибло по нѣсколько людей! Такая неосторожность случается только въ Америцѣ, где якъ извѣстно всѣ паровыи машины имѣють въ два и три разы большую скорость немъ въ Европѣ.

— Просторонъ города Лондина обоймаетъ с. г. уже 114 квадратныхъ англійскихъ миль. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ обоймали старинныи города Вавилонъ и Ниниве первое 225, второе 216 квадрат. англ. миль просторони. Такимъ дѣломъ были они почти въ два разы такъ великии якъ Лондинъ!

— Въ г. 1853 отбудутся въ Россіи слѣдующіи торжественныи рочнипы: 150 лѣтная во память заведенія флоты на Балтицкомъ морю г. 1703 — и заложенія Петербурга, 16 мая 1703 г. — 100 лѣтная рочяппа уничтоженія внутреннихъ лишій, и пловыхъ коморъ въ рос. державѣ, 20 грудня 1753. г. — 50 лѣтная во память оглашенія новыхъ статутовъ царской академіи наукъ 25 липца 1803. г. — Первого путешествія вокругъ свѣта Россіанами предпріятой въ 1803 г. — Заведенія института св. Катарины въ Москвѣ, 1803 г. — Присовокупленія Мингреліи къ Царству 2 грудня 1803. г. — 25 лѣтная заключенія мира съ Персією въ Туркманчау 10 лютого 1828, въ слѣдствіе которого Канаты Бривану и Накичевану присовокуплены zostали до Россіи. — Заведенія высшего института педагогичного 30 вересня 1828. —

ИСПРАВЛЕНІЕ.

Въ 3омъ числѣ Зори Галицкой случилась на сторонѣ 33 въ 20 ряду ошибка, которую исправить просимъ высто „сказала Аналія“ на „сказала Наталія.“

(Слѣдуетъ Прилога Поученій Церковныхъ Число 4).

Изданіемъ и типою Иститута Ставропигіальскаго.
Отвѣчательный Редакторъ Іоаннъ Гущалевичъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся въ седмично въ Середу два листы, по пять годовою въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверочно подучати платитъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ЖЕНА.

(Романъ по Гейне)

Такъ страстно двое любилось людей,
Она ледяно была, онъ злодѣй:
Що онъ украсть, она скрывала,
Тѣшилась тѣмъ и хохотала.

Ночи и дни такъ сладко имъ текли!
Однажды словили его и вели
Въ тюрьму: она въ окнѣ стояла,
Смотрѣла за нимъ и хохотала.

Съ тюрьмы сказати велѣлъ онъ жень:
„Прійди моя мила, прійди ко мнѣ,
Я гибну отъ тоски!“ Она покачала
Головою и хохотала.

О шестомъ рано стяли ему лобъ,
О семомъ тѣло сокрыли во гробъ.
Онажъ о осмомъ ужъ гостей пріймажа,
Вино пила и — хохотала!

Б. А. Д.

ОТЪ СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМИСИИ.

Отъ остатного оголошенія загальныхъ складокъ на Храмъ Господень и домъ народный во Львовѣ въ Числѣ Зори 60. зъ р: 1852. вплынули новыи жертвы, которыи до вѣдомости всенародной подаемъ. Значительна жертва честного и преподобного Господина Петра Мединского, приходника въ Ягол-

ници старой, выносяща 3.000. зол: ринс: ср. выказана уже въ Ч. Зори 84.

Кромѣ тыхъ вплынули отъ остатного липци до 1. листопада т. р. слѣдующи жертвы:

1) Всечест. и Высокопреп: Господинъ Оберъ Хомѣнскій, Намѣстникъ Бобрецкій, надзыратель школь народныхъ и приходникъ въ Миколаевѣ, жертвовалъ отъ себе самого 100. р. с.

2) Тойже самъ прислалъ собрану складку зъ Миколаева и Подсоснова 105 р. ср. зъ Гринева 33. рс: 13. кр. зъ Подяркова 15. р. ср. — разомъ 153. р. 13. кр.

3) Честный и преп. Господинъ Винкентій Лѣсенецкій, приходникъ Оугриня и Залѣса, прислалъ 25 рс. 45. кр.

4) Всеч: и Высокопреп: Господинъ Алексей Мойсеовичъ крилошанинъ, намѣстникъ Залозецкій, надзыратель школь народныхъ и приходникъ въ Милнѣ, жертвовалъ отъ себе 20. р. ср.

5) Вс. Г. Менѣвскій Іоаннъ. пр. професоръ гимназіальный въ Перемышли. 1. рс: ср.

6) Вс. Г Меруновичъ Клементъ, професоръ гим. въ Тернополи. 1. рс. ср.

7) Вс. Г. Сѣнкевичъ Іоаннъ, приходникъ Любина, округа Перемыского 5. рс. ср.

8) Чест. и Преп. Госп. Трохлинскій Іоаннъ, приходникъ въ Искани, Намѣст. Бѣрецкого, собиратель на 3. приходы 24. рс. 30. кр. ср.

9) Чест. и Преп. Госп. Алексевичъ Юліанъ, поднамѣстникъ и приходникъ Устрицкій, прислалъ 37. рс. 40. кр. ср.

10) Чест. Господ. Петрашевичъ, капелянъ Сникова, Золочевского округа, собралъ 10. рс. 40. кр. ср.

11) Чест. и Преп. Господ. Михаилъ Керекярто, приходникъ въ Липѣ и книгохранитель Намѣст. Бѣрецкого собралъ 18 рс. ср.

12) Всеч. и высокопр. Господинъ Воеводка, намѣстникъ Жуковский и приходникъ Обертына, собралъ 31. рс. 30. кр. ср.

13) Чест. и преп. Господинъ Антонъ Здерковскій, приходникъ Товстого и собиратель Намѣстнической прислалъ 90. рс. 4. кр. ср.

14) Всеч. и высокопр. Господинъ Іоаннъ Козловскій, Намѣстникъ Городенскій, прислалъ 128 рс. 30. кр. ср.

15) Всеч. и высокопр. Господинъ Михаилъ Бьельецкій, Намѣстникъ Городецкій и надзиратель школъ народныхъ прислалъ 6. рс. ср.

16) Честни и достохвальни громады въ Лучичи и Шарпанцехъ Жолковского округа прислали 85. рс. 30. кр. ср.

17) Честный и препод. Г. Мартинъ Прокоповичъ, приходникъ Сушна и Ордова 51. рс. 4. кр. ср.

18) Честный и препод. Господинъ Михаилъ Козловскій, приходникъ Утѣшкова 14. рс. 4. др. ср.

19) Всеч. и высокопр. Господинъ Лопатинскій, намѣст. Богородчанскій и надзиратель школъ народныхъ 86. рс. ср.

20) Всеч. и высокопр. Господинъ Грабовичъ Андрей, собиратель нам. Збаражского, приходникъ Любянокъ 148. рс. 9. кр. ср.

21) Всеч. и препод. Господинъ Теофиль Павликовъ, приходникъ Бережанъ и собиратель Намѣстнической прислалъ 35 рс. 36. кр.

22) Чест. и достохвальни громады Слѣсова и Перватына округа Жолковского зложили и привезли 195. рс. 30 кр.

23) Чест. и препод. Господинъ Іоаннъ Квашицкій бывший довр. Намѣстникъ, парохъ въ Буску зложилъ собравши въ Намѣстничествѣ жертвы 107. рс. 34½ кр. ср.

24) Чест. и преп. Господ. Аѳаназій Волошиновичъ, приходникъ Кролики Волоской округа Сяноцкого прислалъ 5. рс 24. кр. ср.

25) Ч. и преп. Г. Михаилъ Яцковскій, приходникъ Жукова зъ Жук: и Ремизовець 6. рс.

26) Чест. и преп. Госп. Штокаль Алексей. капелянъ Стремильча собралъ 5. рс. ср.

27) Благородный и высокодост. Госп. Щербинскій Петро прислалъ собрану въ Ришовѣ складку 48. рс. ср.

28) Благородный и достохвал. Госп. Дроздовскій Теодоръ, правитель школы головномъ въ Кентахъ жертвовалъ 2. рс. ср.

29) Всеч. и высокопре: Господинъ Шведицкій Намѣстникъ и приходникъ Львовскій зложилъ зъ Дмитровичъ и Сороки 11. рс. ср.

30) Всеч: и высокопр: Господинъ Алексей Мойсеовичъ, крилошанинъ, Намѣст. Залозецкій и приходникъ въ Мильнѣ прислалъ зъ Мильна собрани 3. рс. 30. кр. ср.

31) Честный и препод: Господинъ Іоаннъ Волянскій, приходникъ Чернева собралъ въ Черневѣ 34 рс. 39. кр. ср.

32) Всечест. и высокопрепод. Госп. Терентій Сметана, Намѣстникъ Олескій, школъ народныхъ надзиратель и приходникъ въ Туремъ собралъ въ Туремъ 100 рс. ср.

33) Н: Н: зъ Винограда не хотящій имени своего изъявити жертвовалъ на домъ народный 50 рс. ср.

Подаючи сіе до общої вѣдомости комісія примѣчае що:

а) всечестнии и высокопреподобнии Господиноу Хомвнській, намѣстникъ Бобрецькій и крилошанинъ Алексей Мойсеовичъ уже многократно щодроуги своей и ревности о добро народне явни дали доказы. Уже попередно взирали дѣланія рады головнои якъ долго тая существовала, а теперъ неустаютъ такъ собственными датками яко и вліяніемъ своимъ на собратію и соотчичей дѣланія и трудъ комисіи сильно вбирати; що

б) честный и преп: госп: Здерковскій Антоній собиратель намѣстничества Скалатскоу занялся ревн. собираніемъ складокъ; що

в) всечестнии и высокопреподобнии Господиноу Воеводка намѣст: Жуковскій, Козловскій Намѣст: Городеньскій; Лопатинскій Богородецькій; Павликовъ Собиратель Намѣст: Бережаньского и Шведцицькій Намѣст. Львовскій уже многократно значительными прислали складки; що

г) всечестное и достохвальное духовенство Намѣстничества Бѣрецкого такожъ дуже ревно занимается собираніемъ складокъ: що

д) честныи громады Лучичи и Шарпанць, Спасовъ и Первятинь, не токмо значительными сложили жертвы, но ти подъ проводомъ ревныхъ и достойныхъ своихъ душпастырей Или Мидзиньского приходника Лучичкого и Даміяна Магурского умыслными высланниками честными газдами: Иосифомъ Придатокъ и Феодороиъ Дѣгай провѣзоромъ Лучицкимъ и Иоанномъ Съдъ, провѣзоромъ Первятинскимъ и Иліемъ Куликъ провѣзоромъ Спасовскимъ комисіи заслали; при которой то способности ти честныи высланники цѣлу фабрику старанно оглянули, и величавостію поднятого предпринятія любовалися;

е) що честное и достохвальное духовенство Намѣстничества Збараньского и Буского не осталось бездѣльное але за примѣромъ собратій и содѣлателей заняло ся такожъ

съ многонадежноу ревностію собираніемъ складокъ и що

ж) и въ сторонахъ граничныхъ Руси Галичской живутъ мужи чувствующи сильно движеніе Русиновъ на дорозѣ вѣры и просвѣщенія.

Тое увѣреніе, що усилія комисіи побираютъ мужи съ сильнымъ и незломнымъ духомъ и постоянною волею, ободря комисію до дальшого дѣланія и укрѣпляя до вѣры, що съ упованіемъ въ Бозѣ всѣ препятствія, которіи доси утрудняли тое общенародное предпринятіе усунутся, а комисія въ состояніи будетъ распочатое дѣло до совершенія довести.

Комисія не залишаетъ такъ жертвующимъ яко и собираніемъ жертвъ трудящимъ ся свое искренное благодареніе изъявити, и до дальшого ревного содѣланія просити.

Отъ комисіи предстоящей справамъ создаемого дома народного и другои городскомъ церкви во Львовѣ для 7. (19) лист. 1852

*Кузьемскій.
Предсѣдатель.*

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

*рускій приходникъ изъ Соломянки.
Повѣсть, нимъ самымъ написанна.*

ГЛАВА ОСМАЯ.

Другого дня рано посѣтилъ насъ снова Панъ Раевичъ, и отъ того времени вступалъ онъ до насъ почти що другій вечеръ. За всякимъ разомъ приносилъ онъ то менъ то женщинамъ книжки до читанья. И той гостинъ его, такъ часто повторяемой, былъ я для нѣкихъ причинъ не дуже радъ. Хотя бо разговоры, съ нимъ веденныи, были вельми пріятныи; хотя онъ такъ пріязно и охотно поагалъ намъ въ домашной господарцѣ; однакожь надто великая приклонность его къ моеи Аналіи казалась менъ во

совсѣмъ пригожою. Мимо того, милое обхожденіе его прилягало чимъ разъ больше до сердца моея родины, и я самъ съ каждымъ днемъ привязывался къ нему чимъ разъ больше.

Однажды, укончивши работу нашу на добрый часъ передъ западомъ солнца, пошли мы всѣ разомъ за огородъ въ любимое наше пристанище подъ четырьма березами. Моя Аналія завела рѣчь про Основяненъку „Марусю.“ котору сими дни съ великимъ читала замилуваніемъ.

„Есть то найкрасшая цвѣтка изъ украинскихъ степей.“ сказалъ Раевичъ, она росла подъ пріятнымъ небомъ русской Италіи, куда влекутъ насъ воспоминанія дорогой старины; въ томъ краѣ, где когда то роздольно гуляли Козаки; въ краѣ чудныхъ думъ и сердечныхъ, тужливыхъ пѣсней!”

Я подтвердилъ мнѣніе Пана Раевича касательно Маруси, котору всегда уважалъ за наилучшую повѣсть, яку доселѣ пропозвала не только Украина, но и вся Русь Малая. Сожалѣлъ однакожь надъ тѣмъ, що вся новая украинская словесность заключается только въ сказкахъ, повѣстяхъ и пѣсняхъ; и не смотря на то що въ Кіевѣ писалъ Несторъ и ины славныи дѣлатели старинной нашей словесности; новѣйшіи украинскіи писатели не старались обогащати простонародный языкъ свой неизчерпаемымъ сокровищемъ старорусского, не тщались сдѣлати его соответнымъ высшому требованію нынѣшняго просвѣщенного вѣка. И того ради не появилась на Украинѣ дотоль ни одна вздохственна книга, ни одинъ вышестепенный учебникъ, съ той только, думаю, причины, понеже украинское парьчѣе, переходило лишь простолюдиномъ испорчено къ тому вліаніемъ сосѣднаго, не подасть уже нынѣ само собою словъ къ высшимъ понятіямъ.

„Хотя много правды въ томъ вашемъ замѣчаніи, достойный Отче.“ отрекъ Раевичъ, „однакожь я, яко преданныйшій любовникъ всего, що касается Украины, боронити ю долженъ передъ вами. Украина сдѣлала уже такъ много для словесности и общаго просвѣщенія, що желати отъ ней больше не можно. Въ старину былъ Надднѣпрянской край средоточіемъ всего образованія и могущества Руси; къ сожалѣнію, благосіятельное свѣтло Кіева потухло вскорѣ подъ насилиемъ Монгольскихъ дикарей. Но въ другой половинѣ средовѣчія возсіяла Украина свѣжимъ блескомъ славы и просвѣщенія; ретивыи сердца Козаковъ защищаютъ милую отчину, отъ вліанія и нашествія Литовцевъ и Поляковъ, а меже тѣмъ Бурсаки Кіевскіи засывають широкое поле Руси сѣменами умнїя и благочестія. Украина, столь вѣковъ борющаяся за свой бытъ, за вѣру праотцевъ, истощилась наконецъ совершенно, и въ груди ея осталась только великая тоска и глубокий жалъ за погибшую свободу, которыи иногда вырывалися изъ подъ сердца тяжкимъ вздохомъ и тужливою пѣснію. Къ тому выдала Украина довольно знаменитыхъ людей, заслужившихся въ новѣйшее время и у своихъ сосѣдовъ. Помяну только про Богдана Залеского, Гощинского, Максимовича, Срезневского, Бодянского, а сколько еще прочихъ! Ото, великіи заслуги и подвиги Украины, котора поле уствованія радо уступаетъ Галичанамъ, придерживая собѣ всегда пѣти на свой прекрасный ладъ и пѣніями своими восхищати племена сосѣдственныи. И такъ: да вѣчно поетъ Украина, а разумуютъ Галичане.“

Я ничѣмъ не могъ опровергнути рѣзкихъ доказательствъ приведенныхъ во оборону Украины Паномъ Раевичемъ, и призналъ ему неоспоримую правду.

Дабы поминку нашу объ Украинъ нмъшного вечера достойнымъ образомъ увнчати, просилъ я Раевича, чтобы заспввалъ намъ яку украинскую псню. Онъ не давалъ долго проситися, только взявши гитару и перегравши искусною рукою отвтный напвъ, сталъ спвати Пугача:

Ой сталъ пугачъ на могилъ
Тай гукнулъ онъ: пугу!
Чи не дасть Богъ Козаченькамъ
Хоть теперъ потугу.

Що день, що ночь усе ждемо,
Поживы не маемъ:
Давно была! про Липаровъ
Уже не стадаемъ!

Ой колсь мы воевали,
Та больше не будемъ;
Того счастья и той доли,
По вкъ не забудемъ.

Та вже сабли поржевля,
Мушкеты безъ курковъ:
А ще сердце Козацкое
Не боится Турковъ!

Пснь тая и голосъ Раевича подобались менъ такъ дуже, що я просилъ его, дабы повторилъ хотя послднюю строфу; онъ сдлалъ тую милость, но потомъ стали сновъ дьвчата понуждати его, чтобы восплъ нкую и для нихъ псню. Такъ и взялъ гитару, и при сумномъ ея созвучи пль слдующую балладу:

Свободно — якъ птичка — жилъ молодець
Безъ птл, безъ собственной хаты;
Отъ давня не зналъ онъ що мати, отецъ,
Що сестры и братья и сваты.

Съ тоскою въ груди и съ пснью въ устахъ
Онъ долго по свтъ блукался;
Никто его тоски не понялъ въ словахъ,
Надъ псню всякій ругался.

Но была младая дьвица одна,
Що радо его слухала,
И мило смотрла на него она,
И псню его понимала.

„О дьвичко красна,” сказалъ онъ до ней,
„Мене не слухай такъ страстно:
Бо влюбишься въ псню унылой моей,
Полюбишь мене, но несчастно.”

„Пйвецъ я убогий — безъ родины — самъ,
Якъ соколъ въ степи одиноий;
Якъ нищій скитаюсь по чужимъ странамъ
И свтъ обхожу я широкий.”

„Я не желаю любви твоей;
Когда бо мене ты полюбишь:
Разбудишь мученья въ груди моей,
И жизнь молодую свою стубишь!”

„О дьвичко красна не пробуждай
Моихъ терпнй на ново;
Жалтй надо мною лише — и подай
На отходъ ласкавое слово!”

А що отрекла дьвица ему,
Що дальше случилось, — не знаю;
Якій тамъ конецъ колсь будетъ тому,
Позднйше о томъ заспваю....

Содержаніе псни той и глубокое чувство, съ якимъ произносили онъ всякій стихъ, казали доминватися, що она была собственнымъ его твореніемъ. Мы сидли еще долго въ непрерывномъ молчаніи, якъ бы хотли сами догодатися конца прорваной баллады. При томъ случаю взглянулъ я на Амалию, и узрлъ слезы въ очахъ ей!

Наше молчаніе перервалъ намъ Федорій, который поспшино прибгъ возвстити намъ, що завхалъ до насъ въ гости приходникъ изъ Верховинки съ двома павичани. Чимъ скорше поспшили мы ннъ на встрчу. Сосъдъ мой поздоровившись съ нами, представилъ своихъ сопутниковъ яко уковченыхъ Богослововъ, изъ которыхъ одинъ былъ его сродникъ, а другій сынъ его старого друга, намъстника на Подолю: Потомъ сталъ извинятися, що такъ поздно къ намъ завхалъ, вертая бо изъ Львова коня его занемогъ въ дорожъ, и не можно ему нынъ дальше вхати; такъ и принужденъ про-

сити у насъ ночьюъ хотьбы где ни будь въ стодалъ.

Я изъявилъ свою радость надъ ихъ при- бытiемъ и просилъ въ комнату где они вско- рь розгостились. Тутъ представилъ я моло- дымъ Богословамъ мою родину и Пана Ра- евича, котораго Подолянинъ поздоровилъ яко своего знакомаго изъ Львова.

Оба молодые гости были якъ обыкно- венно наши юныи Богословы несмѣлы и ма- ломовны; но за то говорилъ много жарто- бливый сосѣдъ изъ Верховинки; иногда за- говорилъ онъ и про мой дорогоценный товаръ, съ которымъ я будто нигде не показуюсь, а только якъ скупецъ золото крыю его въ своей хатѣ. Дѣвчата мои румянились при тыхъ словахъ дуже, но мимо того старались по- казати и миную и словы, будто они во- все ихъ не понимаютъ.

Такии и тымъ подобныи жарты моего сосѣда возбудили радость въ цѣломъ нашомъ обществѣ; а только Панъ Раевичъ казался быти не совсѣмъ веселого расположеиія и часто поглядывалъ то на Аналію, то на мо- лодыхъ гостей.

Потомъ, видя общую радость и якъ бы не хотѣчи ей печалию своею мѣшати, по- пращался съ нами, и мимо моихъ силь- ныхъ сопротивленiй, повхалъ уже въ позд- ний вечеръ домовъ. Я былъ бы дуже радъ нынѣ его у себе переночевати; новыи го- сти имѣли великую охоту до разговоровъ и забавы; къ тому можно было потомъ еще развеселитися пзнемъ, особливо, когда най- шлося больше мужчинъ, а до того Руси- новъ. Все тое представлялъ я Раевичу, но онъ упорно стоялъ при своемъ и опустилъ веселый нашъ кругъ. О несчастливый дру- же мой, сколь люблю тебе, — и сколь сожа- лѣю, що не могу ничѣмъ помогчи тобѣ!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Не обманулась моя Тетянина, сказывая менѣ вчера вечеръ по тихомъ, що моло- дыи гости приѣхали нарочно ради дѣвчатъ нашихъ. Еще бо вчера намекалъ честный сосѣдъ изъ Верховинки жартобливо о моихъ дорогоценныхъ товарахъ, съ которыми я будто крыюсь; другого дня далъ онъ сrozumѣти менѣ, що если я самъ ползну- юсь возити мебли свои по сосѣдамъ, то до- брыи люди тии могутъ отомстити менѣ за оно преступленiе въ такой способъ, що са- мы привезутъ знатоковъ и любовниковъ на вышереченныи мебли, которы, по его мнѣ- нию, чимъ долше стоятъ въ нашей хатѣ, тымъ больше упадаютъ на своей цѣнѣ.

Тии слова открыли менѣ надто ясно цѣль, для якой привезъ онъ до насъ молодыхъ Бо- гослововъ. Хотя конь его поздоровѣлъ на другий день значительно, однакожь онъ самъ а еще больше молодцы не оказывали най- меньшей охоты поспѣшати до Верховинки, тожь и мы радовались гостинною ихъ чрез- вычайно и задержали у себе до вечера.

Былъ то день для мене дуже приятный. До полудня забавлялся я съ моимъ милымъ сосѣдомъ, когда межъ тымъ молодыи гости розсмѣялись мало помалу до моихъ дѣв- чатъ и заведи съ ними веселыи разговоры. По обѣдъ поишли мы въ нашу паську, где приготовано было выгодное мѣстце для го- стей. Они подивляли порядокъ и все устрой- ство моей паськи, и хвалили мене за то яко опытного пчеловодителя.

„Порядокъ той въ моей пасьцѣ;” ска- залъ я, „приноситъ славу не только менѣ, но и Пану Раевичу, который передъ нѣ- сколько днями прилжно помагалъ менѣ въ уставленiи ульевъ и цѣломъ внутренномъ ей устройствѣ. Къ тому сообщилъ онъ менѣ одну дуже замѣчательную книгу о пчело-

водства, котора подала менѣ думку сдѣлать въ пасыца моей значительныи перемены такъ во пользу пчель самыхъ якъ и мою и моихъ веселыхъ гостей.”

Молодой Подолянинъ, услышавши споминку про Пана Раевича, сожалѣлъ надъ тымъ, що онъ вчера такъ скоро опустил наше общество. „Я познакомился съ нимъ во Львовъ,” прѣдложилъ молодецъ съ Подоля, „и хотя мое съ нимъ сообщеніе не тревало долго, но оно принадлежитъ къ сладчайшимъ воспоминаніямъ въ моей жизни.”

„Кажется,” замѣтилъ я при томъ, „вы такожъ преданный любовникъ русской словесности, и для того сообщеніе ваше съ нимъ яко рускимъ постомъ, было само пріятнѣйшее.”

„Признаюсь,” отрекъ молодецъ, „я стался любовникомъ русской словесности, стался Русиномъ съ тыхъ поръ, якъ позналъ Раевича.”

Я зачудовался надъ тымъ его страннымъ признаніемъ; не могъ бо поняти, для чего пужно было ему ажъ статися Русиномъ, когда онъ, яко сынъ руского священника, былъ Русиномъ уже отъ роду.

Молодой Подолянинъ усмѣхнулся и объяснилъ свое признаніе слѣдующимъ образомъ: „Вы преподобный Отче, — проживая въ сельскомъ уединеніи между самымъ рускимъ народомъ, къ тому переживши юность въ Закарпатской Руси, — и поняти не можете, абы рускіи молодцы, живущіи въ большихъ городахъ Галичины, могли быти чимъ инымъ якъ только Русинами. Русинами надлежитъ имъ быти, но къ сожалѣнію, Русинами не всегда они бывають. И не диво; въ городахъ не помнятъ люди про Русиновъ; тамъ все идетъ на польскій ладъ. Въ старинномъ руского Льва городѣ нынѣ польское жительство, польская бесѣда, польскіи обычаи. И якъ же лѣтнѣ руской, привезенной туда

родителями на воспитаніе, сообщающейся безъустанно съ горожанками, не приняты изъ которыхъ ихъ нравы, обычаи, особливо же ихъ бесѣду, котора, яко вѣтъ словенского языка, съ нашою столь много имѣетъ подобія? Не дивно, що вліяніе тое и на насъ подѣйствовало. И мы забывали уже языкъ отцевъ нашихъ. Къ счастью, сошелся я передъ двома лѣты съ Раевичемъ; разговоры, съ нимъ веденныи, отворили менѣ очи: я прозрѣлъ, взглянулъ ближе въ рускіи книги, понялъ ихъ при его помочи — и возродился тымъ, чимъ сотворилъ мене Богъ, возродился Русиномъ. Жаль только, що таковое возрожденіе рѣдко случается.”

Признаюсь, що зналъ я о спольщеніи рускихъ городовъ, но думалъ однакожь, дабы оно могло такъ сильно вліяти на рускихъ юношей, именни приготавлиющихся къ Богословскому стану. Я уважалъ по всѣхъ моихъ старыхъ сосѣдахъ, що за ихъ время такъ не бывало!

Послѣ тыхъ разговоровъ бавились еще молодцы съ дѣвчатами на просторномъ подворьи въ обруча, и по добрымъ подвечерку отъѣхали съ нашимъ сосѣдомъ до Верховинки. Передъ отъѣздомъ вручилъ молодой Подолянинъ Наталіи вторую часть „Вѣлка,” изданого во Вѣднѣ ч. Ивановъ Годовацкимъ. Такъ и было снова чимъ забавлялись нынѣшного вечера.

Про молодцевъ не говорилъ я съ дѣвчатами ничего, былъ бо увѣренъ, що въ такъ короткомъ времени не могли, еще молодые люди добре познакомиться. Я только самъ въ собѣ утѣшался мыслію, що хоть разъ появились у насъ такіи молодцы, якихъ отъ сердца желалъ видѣти въ нашей хатѣ, которыми чей возмогутъ отвлечи Наталію и даже Амалію отъ пустыхъ мечтаній; — и тая мысль наповала мене солодкою надеждою. Съ тыхъ поръ пребывалъ въ

душъ моей милый сопокой; но жаль, онъ вскорѣ снова возмущился.

Въ слѣдующу Недѣлю завхалъ до насъ неожиданно Панъ Долинскій съ двома Паниами, которыя представилъ намъ яко свои сестрѣнницы. Мои дѣвчата приступали къ нимъ съ великими почестями, или лучше реку съ великою несмыслостію. Дамы тѣмъ говорили много, а все съ тымъ высокимъ тономъ, якій употребляется нынѣ на великомъ свѣтѣ. Они стали разводитися надъ пріятностями городского и скукою сельскаго житія; надъ „Вѣчными Жидомъ” и иными твореніями Евгенія Си и Балзака, надъ нововыдуманнымъ способомъ, якъ забывать скуку житія — игрою въ „виста” и пр.

Мои дѣвчата, которыя о тихъ предметахъ не много знали говорить, сидѣли встыдячись своего несвѣдомства. Мимо того замѣтила одна съ Вельможныхъ Панъ, що наша Наталія отличается красотою и значительнымъ образованіемъ, которое могло бы поднестися еще на высшую степень, кобы только она близше познакомила съ великимъ свѣтомъ. Другая додала, що нѣсколькомѣсячное пробываніе во Львовѣ перемѣнило бы мою Наталю въ истинну королю салоновъ. Моя жена соглашалась съ ихъ мнѣніями и благодарила за совѣтъ другой сердечно; къ тому прибавила она, що ничего больше не желаетъ, якъ только послати дѣвчата хоть на одну зиму до Львова.

Я не могъ сокрыти мою нетерпимость, и представлялъ достойнымъ гостямъ, що дѣвчата якъ на свой станъ и скудное наше мѣстѣ, довольно образованны, и що высшая политура (якъ выразилась одна съ Вельможныхъ) была бы только иронією ихъ убожества и возбудила бы въ нихъ желаніе за такими вещами и увеселеніями, до которыхъ они ниже имѣютъ права.

„И до якихъ увеселеній они не имѣютъ права,” спыталъ Панъ Долинскій. „они, которыя столь много увеселеній подати могутъ другимъ? Що мене касается,” прибавилъ онъ, „я имѣю гроши, имѣю достатки; гасломъ моимъ: любовь, свобода и увеселенія; однакожь, кобы запись половины моего имѣнія примести могла красненькой Пани Наталья нѣкую радость, най мене чортъ возьметъ, если не сдѣлалъ бы то для ней: и той лишь одной нагорды желалъ бы отъ ней, що бы въ додатокъ сего дару припяла мене самого.”

Такъ не свѣдомымъ не былъ я въ свѣтѣ, дабы не могъ узнати въ словахъ тихъ пустое болтанье, за которое подобныи люди стараются укрыти подлоту своихъ замысловъ: но я принужденно утлумилъ свой гнѣвъ и съ видомъ ураженнаго достоинства проговорилъ слѣдующіи слова: „Ласкавый Пани! родина, когору вы посѣтити благоизволили, дорожить честію своею не мене васъ. Всякое покушенье, дабы славу ей оскорбити, могло бы повлечи за собою опасныи наслѣдства. Честь, вельможный Пани, то все, що еще нынѣ намъ остало, и тое послѣднее сокровище должны мы беречь съ подвоенною старанностію!”

Панъ Долинскій казался вовсе не ураженнымъ тыми словами; онъ вопреки подаль менѣ по дружески руку и похвалилъ мою великую ревность въ томъ случаю, где идетъ о славу моей родины; замѣтилъ однакожь, що мое недовѣріе къ нему несправедливо, понеже мысль подобная ниже повстати бы могла къ благородномъ его сердцу.

Сестрѣнницы Пана Долинскаго стали потомъ весьма многорѣчиво толковать про дѣвочу славу, и высокопарныи слова ихъ не дуже менѣ подобались, казали бо ся или выученными или не подходящими отъ непо-

рочного сердца! Но жена и неопытны дѣвчата пріймали все тое за добрую монету.

Къ вечеру попрашали насъ вельможныи гости и просили, абы дѣвчата наши съи съ ними до повоза. и сопровождали ихъ хотѣя черезъ село. Дѣвчата не были отъ того; но я пропзнесъ за нихъ нѣсколько извиненій, которы и они самы узнали маловажныими; то розсердило мене, и я по просту отказалъ просьбѣ вельможныхъ, за що сего же вечера и на другій день снести долженъ былъ неудовольство и однословныи отвѣты.

(Продолженіе слѣдуетъ)

АФОРИСМЫ

о народной словесности

(соч: Турявъ)

I. Народная мова.

Вола рогами, человекъ словами . . .

А человекъ и человекъ бесѣдою . . .

Чимъ красивѣе будешь говорити, тѣмъ ты будутъ просвѣщеннѣйшимъ человекомъ почитати.

И что скажется о одномъ лицу, то само будетъ говоритись и о всемъ коимъ либо народѣ.

А и мы Русины народъ, и о насъ можетъ нѣчто сказатись . . . не лучше будетъ, коли въ передъ сами о себѣ будемъ сказывати . . . въ передъ приукрасимъ собственный дворокъ, чтобъ насъ входящій чужоземецъ не осудилъ . . .

Досыть насъ судили . . . досыть учили куда путь въ горохъ!.. а мы познали куда путь до словеснаго просвѣщенія.

И что намъ осталось? . . .

Нѣсколько книжонокъ, на коихъ ломимъ голову, чтобъ разумѣти ихъ — днесъ завтра было уже и мовы отрекати ся матерныя, —

учитись ей мало, а образывати ю никто не хотѣль . . .

Но она однакомъ zostала.

И теперь приходитъ намъ пора, поиматись до ней, безъ которой всегда только останемъ *amphibium*, кое днесъ червакъ, завтра бабка, позавтру приберется миним барвами и будетъ мотыль, а на четвертій день останеть *progenies nos villosior* . . .

Тал по крайней мѣрѣ судьба наша, ежели до народисй мовы не поймемъ и движеніями ея движеніе словесности, и побѣду просвѣщенности не произведемъ.

Но гденъ найдемъ поприще, на коемъ бы можно выступити и боротись съ чуждушнымъ провинціализмомъ словеснымъ?

Где найдемъ великій словарь для словесности, который намъ не слова еще, но и предѣлы употребленія ихъ выявитъ?

Где найдемъ источникъ, съ кового неоскудываемо почерпивати будемъ вещество нѣкое — якбы оливу — на непрерывное блестаніе просвѣщенія словеснаго?

И поприще — и словарь — оливу найдемъ въ литературѣ.

II. Литература.

Что есть то за чудо?

Есть ли то орелъ, который летитъ прямо до солнца, и летитъ до высоты человеку не дозримой? . . .

Нѣтъ. Литература не двигается выше людей, и блескъ свой вмѣсто блистательныхъ солнечныхъ лучей зъ темныхъ комнатъ, спорошенихъ музей, и отъ однихъ малоцѣнныхъ свѣщи получаетъ . . .

Естьли то ачей золото, кое богато, и цѣнно, — и можно ли нимъ даже цѣлаго человека покупити?

Нѣтъ. — Литература не есть только про богатога, якъ золото, — и нею не бу-

дешь скоро богатымъ. хотя банкротирова-
ти можешь . . .

Что же за чудо она?

Зри тамо!

Зри то поле великое, и пространное;
предѣла нѣтъ! Где поглянешь, цвѣтъ и
опять цвѣтъ . . . Но зри, се приходитъ
двое твореній животныхъ. Одно летитъ
рябыми крилами — другое маленькое и пре-
зрѣнное двигается на маленькиихъ крилцяхъ
а третье спускается зъ былины на былинку.

Зри далѣй!

Тыя три творенія животная становля-
ются на цвѣтахъ, и кушаютъ ароматы ихъ. . .
равное лакомство, равныи плоды земли, и
коли повертають домовъ то несетъ пчелка
солодкій медъ . . . паукъ горкій вѣдъ от-
равы . . . а пестрый мотиль якъ пришло
такъ пусто ссалъ . . .

И то есть Литература! —

Есть поле на коимъ можно плодити,
обробляти, производити чудесныи цвѣты,—
творити и творитись — и сберати медъ
или вѣдъ, даже и порожнюю позостати голо-
вою; рябыми чужими барвами обвито . . .

Не есть иначе!

Литература есть термометромъ одного
народа, якъ загорода есть примѣромъ од-
ного скородника, — но якъ одна загоро-
да множествомъ былинъ и растѣній обса-
жена есть школою для лѣкаря: такъ лите-
ратура должна быти такожь и школою для
народа, — термометромъ просвѣщенія его.

Гдежь тая школа для насъ?

Где тая загорода для русина?

Термометеръ для насъ весьма низень-
кимъ показываетъ степени . . .

Но тьма отидеть, и приблизится цар-
ствіе литературнаго свѣта и литературнаго
свѣтла . . .

ИЗВѢСТІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ

Межи давнѣйшими книгами рускими на осо-
блившу увагу заслугуетъ книжочка напечатана въ
Львовѣ року 1591 подъ заглавіемъ: Аделфотисъ.
Грамматика доброголаголиваго Еллино — словенскаго я-
зыка. Совершеннаго искусства осми частей слова. Ко
показанію многоименитиу Россійскому роду.
Во Львовѣ вдукарни Братской. Року 1744. Далѣй
на сторонѣ 5. „Грамматика сложена отъ различ-
ныхъ грамматикъ, спудейми (студентами) иже въ
Львовской школѣ. Всѣхъ листовъ 182. или сторонъ
364. типомъ неозначенныхъ; въ маленькой осмусть.
беть — то найперша Грамматика на русской земли,
а особливо въ Львовѣ головономъ мѣстѣ восточной
Галичини напечатана, о котрой вже вспоминано въ
Памятнику Львовскомъ 1816. Том. I стор. 119, по-
добне Юсифъ Дубровскій во своѣй Словенской Грам-
матицѣ во Вѣдани р. 1822. друкованой, на стор. LVII
ведля Алтера и Форт. Дурпча о ней нагадуеть, же
выраженія техничскія зъ этимологій греческой до
русскихъ Грамматикъ введены. Денисъ Зубрицкій
во своѣй книжочцѣ: О друкарняхъ Русско — Словен-
скихъ Львовѣ 1836. на стор. 16 а Самуилъ Богу-
миль Линде во своемъ начертанію Исторіи Словес-
ности Россійской ведля Греча. Варшава 1823. стор.
55. 56. такожь о ней дещо пише хотя ен не малъ
въ рукахъ. Находить ся ще зъ того изданія два
экземпляри (такъ думаю:) имѣю ихъ передъ собою:
единый цѣлкомъ добре сохраненъ безъ наименьшого
вреда, съ подписомъ, же належалъ колисъ — то до
ученого Юанна кавальера Могильницкого; а другій
съ переду немающій 8. а съ конца 3. листовъ,
котрѣя постаральемъ ся съ добре сохраненного пе-
реписати. Тотъ экземпляръ имѣлъ колисъ — то на-
лежатъ до Бібліотеки монастыря Лавровского въ окру-
зѣ Самборскомъ. теперь оба экземпляри суть досто-
яніемъ Бібліотеки Всечестнѣйшого руского крылоса
Перемыского. Денисъ Зубрицкій опровергаетъ во Па-
мятнику Львовскомъ мнѣніе Юсифа Дѣржковского у-
тверждающаго. якобы таковая въ четвертцѣ напеча-
тана была, та доказуе, же во осмусть малой была
издана, бо неподобна, щобы одного року двое изда-
ній могло при такъ маломъ запасѣ греческихъ буквъ,
наступить, котрый — то недостатокъ и настоящаго изда-
нѣе лишь по полъ аркуша друковати словаль; —
но мнѣть ся въ числѣ листовъ не означенныхъ пе-
чатію, числячи ихъ лишь на 169. коли каждый листъ
пискомъ означенный не допускае жадного сомнѣва-
нія ся, же ихъ всѣхъ на всѣхъ есть 182;тому о
13. больше. Самуилъ Линде во своемъ начертанію

россійскои Словесности сомнѣваеь, щобы таа Грамматика Славено-Греческая могла быти уложеновъ спудейми, т. е. студентами Львовскои школы, лишь налучи за мнѣніемъ усопшого Модеста Гриневецкого, котрый таковой экземпляръ имѣлъ, та быти може, Іоанну Могильницкому тотъ отступити могъ, — утверждаеь справедливо, же она еьт плодомъ учителя тои школы Арсеня Митрополита Димонитского и Еласонского; такъ бо во предисловію до тои Грамматикаи сказано: „Понеже святѣйшій патриархъ великіа Антиохія Божія града, киръ Іоакимъ во Богохранимый градъ Львовъ прійде, р. 1747 мѣсяца генуарія. увидѣже нераденіе о исправленіи въ росскомъ родѣ; совѣтова сіа изрядитъ полезнѣйша быти: Братство, школа, и друкарня, и ко вселенскому патриарху о сихъ возвѣсти. Въ то же лѣто, мѣсяца юнія, отъ вселенскаго патриарха ексаршеки прійде Митрополитъ Димонитскій и Еласонскій киръ Арсеніе; иже школьное ученіе наченше пребыть зде во градѣ Львовѣ уча двѣ лѣтъ. Всесвятѣйшій же вселенскій патриархъ киръ Іеремія привилейнимъ писаніемъ своимъ отъ Константинополя вся сіа укрѣпи; таже и самъ зде во страны росскія пришедши року 1748 мѣсяца мая, совершилъ неразрушно и неподвижно во вся роды симъ такъ быти повелѣ; школу и книги всякаго наказанія по православію друковати братству увѣри. — Таже и архіепископъ всея Россіи, митрополитъ Кіевскій и Галицкій Михаилъ (Рагоза) его же во пришествіи свое вселенскій патриархъ киръ Іеремія рукоположеніемъ своимъ соверши, соборне сіа укрѣпи.“ — Кромѣ сего предисловія, доказуетъ ще и печать на остатной сторонѣ Грамматикаи изъображенна, въ котромъ серединѣ имя Арсенъ выразне читати можъ; оже на листку 5. поставленныя слова спудейми иже во львовскои школѣ, разумѣти подобае: попеченіемъ или тщаніемъ тихже. Въ тое самое время заложена была и Академія Кіевская, котра въ самомъ дѣлѣ больше, нежели школа львовская до просвѣщенія цѣлои загальнои Руси причинялась и во своемъ блеску до нынѣ существуетъ. Грамматика шо но описана ведля мнѣнія ученого Модеста Гриневецкого и другихъ добре языкъ греческій выкладающая, причинялась и до образованья руского языка во обще, толкуючи по правой сторонѣ все греческое на лѣвой выложено; тому выраженія техническіа рускіа во употребленіе ведля етимологіи греческомъ вошли, котрыя до сихъ поръ по цѣлой Руси грамматическимъ выраженіемъ за основаніе служатъ и для того самого ведля организаційного плану австрійского

для Гимназій зъ р. 1849. стр. 123. захвалены суть. Смыло теперь можемо гордиться тимъ же Львовѣ во томъ взглядѣ выпередилъ Кіевъ, сталъ ся образцемъ во терминологіи руской и возбудилъ зависть нашихъ соревнителей; понеже р 1591. Акваина генераль изуитскій зъ Риму прислалъ Мартина Латерну и Каспра Нагая для взнесенія школы польскои во Львовѣ. Сія грамматическіа выраженія суть слѣдующія : писмо (буьва), гласныя, съгласныя, полгласныя, слогъ; имя, существо, свойственно или общевъ знаменуемо; мѣстоимя, глаголъ, причастіе, предлогъ, нарѣчіе, союзъ, родъ мужескій, женскій, средній, общій; число единственнов, двойственнов, множественнов; падежи: именовный, родной, дательный, виновный, склоненіе (склоненіе), видъ первообразный, производный, правило, числительныя имена; степени: налагаемая, разсудительная, превосходная; умалительное имя; лице, указательное мѣстоимя; залогъ, супружество, изложеніе (наклоненіе): изъявительное, побелительное, молитвенное, подчинное, необавное; залогъ дѣйствительный, страдательный, средний, общій или посредственный, оглоный; время настоящее, мимошедшее, протяженное, пресъвершенное, непредѣльное, будущее, безличныи глаголъ, непредѣльный глаголъ, вынѣтіе, сочиненіе, строптивый глаголъ (апострофъ), оксія, вѣрія, облеченная, соединительная —
Отъ! маете ко вѣчной памяти сіа во Львовѣ, сли Арсеній не имѣлъ добре по руски, цевне студентами толкованыи выраженія грамматическіа. — И ктожи ними нынѣ цуратись дерзнуть? та яко изъ за границъ привезенныя осуждати? — Лаврентій Зизаній 1596, Мелетій Сморисскій 1618 (употребляютъ тихъ выраженіи, и таковыя по Руси роспространили. — Сли недовѣдаемъ ся зъ періодическихъ писмъ, чи ще деякій экземпляръ того изданія не находится, котре то съисканіе недостатокъ першихъ и послѣднихъ листковъ утрудяеть, во истинну было бы славы достойне мужа ревнителя; тую грамматикку для общои вѣдомости въ наше время перепечатати. Выдобуваймо тому все древній писменности памятки и подаваймо ихъ до всеобщои вѣдомости. —

Іосифъ Лѣвицкій.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЕЛЬНЫЯ И ГОСПОДАРСКІА.

— *Колѣ съати, рано чи поздно?* Касательно того вопроса и найопытнѣйшимъ господамъ неогласны; одни совѣтують орати подъ яровъ збожы

уже въ половинѣ Марта (разумѣется, если можно), другимъ думаютъ сдержаться, пока не прилетитъ до села первая ластовка. На которой же сторонѣ правда? По нашему мнѣнію не дастся о часѣ первого оранія ніякое общее правило установить; то бо зависло отъ погоды вообще, а потомъ отъ весенней мокроты въ особенности. Два суть доказательства, которыя произношены бывають во пользу раннего оранія; во первыхъ, понеже по обыкновенной зимѣ (т. е. если было довольно снѣгу) при ранномъ засѣвѣ не бракуетъ сѣменамъ потребной мокроты, когда бо преки позній орачь часто вздыхаетъ за дождемъ и не можетъ его дожидаться. Другое доказательство: що при ранномъ ораніи трудъ земледѣльческій роздѣлится лучше, нежь если тое оставится на послѣднее время. Доказательства тѣмъ имѣють въ собѣ много правды; часто бо замѣчаемъ, що ярове збоже, рано засѣянное, отличается густотою колосья, красотою и полнотою зерна, когда напротивъ поздно засѣянная рожь, не выдаетъ богатаго плода шо иногда случается въ слѣдствіе поспѣшности въ работѣ и недостатку потребной мокроты. При томъ однакожь додати нужно и то, шо при доброй погодѣ красныи бывають и поздныи засѣвы, когда межи тѣмъ ранныи, если потомъ приидуть морозы, бывають неудачныи. Такъ и гуть будетъ *середная мѣра наилучшая.*

ОТВѢТЪ РЕДАКЦИИ ЗОРИ Г. НА ВПЛУНУВШИИ КОРЕСПОНДЕНЦИИ.

Благородному. Г. Тур. зъ Гомон. засылають Редакція за надосланныи сочиненія. Пов. Подат. будемъ въ состояннн по не долгомъ времени издати по Лаб. позднѣе.— Пс. встрѣтятъ трудности не изъ стороны Редакціи но изъ инов; про тое сомнѣваемся о ихъ помѣщеніи.— Впрочемъ соглашамся во всемъ, шо Ваше Благородіе предложили и будемъ усильно старатися ожданіяма удослестворити.

— Г. М. Онуф. въ Тарнополи изъявляемъ за додержаніе слова благодарность. Надосланое сочиненіе всѣ наши повитали чувствительно.— Скоро надолжете еще прочіи части начнемъ помѣщати вашъ трудъ. Съ вторымъ вопросомъ соглашамся и просимъ для блага общаго приступитъ до дѣла.— Замѣчамъ шо Вы сельми добре собѣ поступили съ надосланнымъ сочиненіемъ. — Здається намъ, шо бы не эле было такъ и съ другимъ поступати а даже и инов заглавіи оному дати и совершенно до нашихъ сторонъ и обстоятельствъ отнѣсти. Но Вы наилучше понимаете и дѣлайте по своему чувству и розчету. —

(Слѣдуютъ Прилога Поученій Церковныхъ Число 5).

3 Относительно до воззванія зъ дня 18го Лютого (2. Марта) т. г., въ которомъ изъяснено было заданіе нашего письма и росчотъ меже нами и Вч. препумераптами пригадуемъ, шо для тыхъ Вч. Г. предплатителей, которымъ еще черезъ мѣсяць Мартъ належалася Зоря Галицкая изъ минушого года, начинаеся предплата отъ 1го Цвѣтня т. г. по латинскому мѣсячочисленію. Про тое просимъ, чтобы Г. Пр. прислали скоро предплату на Зорю, бо онакше неможемъ розмърити наклады нашего письма. Если бы кто хотѣлъ отъ первого Марта получить нешое письмо, то будетъ ласкавъ за Мартъ 30. крайсаровъ м. к. додати. При той случайности неможемъ тое замолчати, шо первыи родимцы наши изъ многихъ сторонъ приславши принумерату изъявили искренне свое удовольствіе изъ нашего предпріятія. Тое будетъ всѣмъ намъ правдивымъ поощреніемъ до дальшого труда, абы наше письмо сдѣлало чимъ разъ полезнѣйшимъ и занимательнѣйшимъ. —

Издаваніемъ и типою Института Ставропигіянскаго.
Отвѣчательный Редакторъ Іоаннъ Гушалевичъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Среда два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверточко получить платятъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

СЛАВА ВО ВЫШНИХЪ БОГУ!

Стихъ, во память совершеннаго выздоровленія Его Величества нашего Царя Францъ Іосифа.

Слава во Вышнихъ Богу слава!
Веселіе странъ родной!
Благоволенье и покой
Тебѣ, Австрійская держава!

Нашъ юный Царь, нашъ Владѣтель
Сновь мощный, крѣпкій и здоровъ;
И съ Нимъ владѣть миръ, любовь
И благочестъ, и добродѣтель.

О дай Ему, Всевышній Боже!
Во многи лѣта сильну власть;
А всѣхъ враговъ и всю напасть
Ты розжени на бездорожье.

И дай Ему всю мощь правленья,
Здоровье, крѣпость юныхъ силъ,
И славу, щобъ вѣкъ прослылъ
Усердіемъ благоволенья!

А мы и вся Его держава
Молитась будемъ всякій часъ:
„Помилуважь Всевышній насъ,
Слава во Вышнихъ Богу слава!“

Б. А. Д.

О НАЧАТКАХЪ ПЕРВАГО ЕПИСКОПСТВА ВЪ ГАЛИЦКО-РУССКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ. *)

Начатки перваго Епископства въ отечествѣ нашеѣ совпадаютъ почти съ началомъ

основанія Перемышельско-Галицкаго Княжества. для того скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о первоначальномъ образованіи того отдѣльнаго гусударства, составляющаго нынѣ большую часть Королевствъ Галиціи и Владиміріи. Первый зародышъ упомянутой державы состоялъ исперва изъ Перемышля, Червеня и другихъ городовъ, сего достоянія Св. Владиміра (981). и принадлежалъ ко Владиміро-Волинской области. Такъ городъ Владиміръ, какъ и находящаяся въ немъ Епископія была основана Св. Владиміромъ, въ второй половинѣ X. столѣтія и, естли станемъ вѣрнѣе позднѣйшихъ преданій, самъ сей Равноапостольный князь, во сопровожденіи двухъ Епископовъ, отправляясь къ берегамъ Днѣстра, очистилъ водою Св. купели Христовой всю югозападную нашу Русь. Преподобный Несторъ разсказавъ подробно крещенію Князя Владиміра, не говоритъ намъ ничего съ обстоятельностью о крещеніи земли русской, огра-

*) На желаніе всп. Автора утѣшаемъ сію статью безъ всякаго отъѣна. Понемѣе пришло многихъ пренумерантовъ новыхъ, которы не имѣютъ Зори изъ минувшаго года, того ради для полности начинаемъ отъ отдѣльнаго параграфа, послѣдующаго изъясненію многихъ нашихъ читателей. —

начиваясь однимъ замѣчаніемъ общимъ: „и нача (Владиміръ) ставити по градамъ церкви и попы и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ” (Лавр. Лѣт. 83).

Съ времянъ просвѣщенія земли нашей святокъ Евангелія Христова, подчинилась она духовному вѣдомству Владимірскихъ Святителей. пока съ разширеніемъ предѣловъ нашего отечества и умноженіемъ послѣдователей Христовыхъ въ немъ, не явилась потреба отдѣльнаго, мѣстнаго Епископства. Въ городѣ Владиміръ, какъ княжеской и Святительской столицѣ, исперва господствовали сыновья Св. Владиміра Всеволодъ, Святославъ, убитый окаяннымъ Святополкомъ, за котораго господствованія заняты были Червенскіе города Болеславомъ Храбрымъ, но Владиміровичи Ярославъ и Мстиславъ присоединили ихъ снова съ русскою державою (1031 г.) Послѣ кончины В. К. Ярослава (1054) достался Владиміръ на долю младшаго сына его Игоря, который по томъ посаженъ былъ братьями своими въ Смоленскъ, упраздненный смертью Вячеслава (1057). Ростиславъ сынъ старшаго Ярославича, Владиміра князя Новгородскаго (скон. 1052), въ слѣдствіе преждевременной смерти отца, не могъ быть сонаслѣдникомъ съ дядьми, которые однако послѣ перевода Игоря въ Смоленскъ дали ему городъ Владиміръ. Тойто князь Ростиславъ былъ славнымъ родоначальникомъ первыхъ нашихъ Перемышельскихъ, Теробовельскихъ и на конецъ Галицкихъ Князей. Но Ростиславъ, недовольствуясь данною себѣ дядьями волостью, покинулъ семейство во Владиміръ и бѣжалъ въ Тмуторокань въ 1064. году. Городъ Владиміръ оставался теперь въ посяданіи его дѣтей: Рюрика, Володара и Василька, подъ покровительствомъ Вк. Изяслава и Святослава, до 1078 года; первый

изъ нихъ вывелъ даже князя Олега Святославича изъ Владиміра, когда онъ хотѣлъ завладѣти упомянутымъ городомъ. По кончинѣ В. князя Изяслава, принявъ старшинство въ русской землѣ, братъ его Всеволодъ, и распорядя въ ней, отдалъ онъ Владиміро-Волинскую область племяннику своему Ярополку Изяславичу съ придачею Турова (1078), что было поводомъ къ долгимъ усобицамъ: ибо такимъ образомъ Вк. Всеволодъ лишилъ наслѣдства такъ трехъ нашихъ Ростиславичей, какъ Игоревичей, Давида съ братомъ, которы всѣ видѣли въ Владимірской волости свою отчину. Ростиславичи исключены изъ Владиміра, поселились теперь въ Перемышль, и можетъ быть, что самъ даже Вк. Всеволодъ, надѣлая Ярополка Владиміромъ, отступилъ имъ Перемышельскую волость, награждая новаго Владимірскаго князя, за тотъ убытокъ на югозападѣ, съ востока придачею города Турова. Сидя въ Перемышль, ожидали Ростиславичи только надобнаго времени къ отисканію своей отчины, и пользуясь отсутствіемъ князя Ярополка, бывшаго въ Кіевѣ у дяди; отняли у него городъ Владиміръ (1084 г.): но В. князь послалъ на нихъ сына своего Владиміра Мономаха, который опять возвратилъ Ярополку отнятый ему городъ. Ярополкъ Изяславичъ однако не княжилъ долго въ Владиміръ, ибо В. князь Всеволодъ, надѣлвши теперь Давида Игоревича Волинскимъ городомъ Дорогобужемъ, чтобы онъ не беспокоилъ греческую торговлю, озлобилъ тѣмъ поступкомъ Ярополка, видѣвшаго въ томъ намѣреніе Всеволода, уменьшенія его Владиміро-Волинской волости (Лавр. Лѣт. 88. Кенигсб. Лѣт. 128); и когда Ярополкъ стался вооружати противъ В. князя, Всеволодъ отправилъ снова сына своего Мономаха противъ нему. Ярополкъ бѣжалъ въ Польшу, а Мономахъ отдалъ Вла-

дмиръ Давиду Игоревичу (Лавр. Лѣт. 88). Изгнанный Волынской князь увидѣвъ, что отъ Польши, ослабленной внутренними волненіями, ожидать ничего, примирился съ В княземъ и Мономахъ въ имени отца своего возвратилъ Ярополку Владиміръ. Съ примиреніемъ Ярополка съ дядею рушились надежды Ростиславичей и Давида Игоревича; ибо первые не могли быть спокойны въ городахъ Червенскихъ, видя союзника Польши снова на Владимірскомъ столѣ, который Давидъ принужденъ былъ уступить Ярополку. Но они не гнушались теперь злодѣйствомъ освободиться отъ Ярополка: на дорожъ отъ Владиміра къ Звенигороду (нынѣ деревня Бережанскаго округа) несчастный князь пораженъ убійцею, который убѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику Ростиславичу (1086). В. князь не хотѣлъ оставить сего братоубійства безъ наказанія, и ходилъ еще сего года на Рюрика къ Перемышлю, но походъ его кончился на ничѣмъ (Лавр. Лѣт. 89): Ростиславичи остались въ Червенскихъ городахъ, а Давидъ сталъ опять княжить въ Владиміръ.

Такимъ образомъ подѣлили Ростиславичи съ Давидомъ Игоревичемъ прежнюю Владиміро-Волынскую волость, на два отдѣльные княжества, съ столицами Владиміромъ и Перемышлемъ.

Послѣ кончины Перемышельскаго князя Рюрика (1092) раздѣлились оставшіеся братья его Червенскими городами, — Володаръ сталъ княжить въ Перемышль, а Василько въ Теребовли, которые города призналъ за ними В. князь Всеволодъ послѣднимъ своимъ распоряженіемъ (1093). На основаніи того же великокняжескаго Всеволодова распоряженія, на первомъ съѣздѣ въ городъ Любечъ, собравшіеся князья съ общаго согласія, утвердили за Володаромъ Пе-

ремышль, а за Василькомъ Теребовль (1097). Мужественный Володаръ, даже послѣ ослабленія Василька, и оттуда происшедшей у-собицы за Владимірскую волость, а оконченной на съѣздѣ въ Витичевъ (1101), удержалъ за собою Перемышль и Теребовль, вопреки рѣшенію соединенныхъ князей: но Владиміръ былъ отнятъ у Давида Игоревича, какъ виновника всѣхъ тѣхъ смутъ и ослабленія Василька, и достался Ярославу сыну В. князя Сватополка. Непокойный Ярославъ, по смерти отца своего, былъ изгнанъ изъ Владиміра Ростиславичами и В. княземъ Мономахомъ, который исперва посадилъ въ немъ сына своего Романа зятя Володара, а по кончинѣ его другаго сына Андрея (1118). Поляки покровительствуя, убѣгшаго къ нимъ Ярослава, возбудили на себя нелюбіе В. князя Мономаха, отправившаго сына своего Андрея изъ Владиміра воевати Польское порубежіе (1120). Въ слѣдующемъ году явился снова Ярославъ съ Польскою помощію подъ Червенемъ, но былъ отраженъ. Въ такихъ обстоятельствахъ не могли ничего взяти силою, рѣшились Поляки дѣйствовать лукавствомъ противъ, заклятыхъ своихъ враговъ — Ростиславичей: Володаръ былъ схваченъ тайно и уведенъ въ плѣнъ въ Польшу (1122), а Князь Василько долженъ былъ истощити почти всю казну Перемышельскую, чтобы выкупити пленнаго своего брата. Въ 1123 году, Ростиславичи выступили еще въ послѣдній разъ, принуждены своимъ положеніемъ, съ войсками Венгерскаго и Польскаго Государей, на помощь Ярославу добывать Владимірскаго стола, но когда Ярославъ былъ убитъ подъ стѣнами Владиміра, выскочившими изъ засады двумя Поляками, союзники его, не имѣя уже болѣе цѣли, примирились съ Андреемъ и возвратились долой (Ипат. Лѣт. 9).

Скоро потомъ приставились Володаръ и Василько Ростиславичи (1124), оставивъ потомству своему никакъ уже неоспориваемо право наслѣдія владѣемыхъ ими областей. Самый славнѣйшій изъ сыновей ихъ былъ старшій Володаревичъ — Владиміръ или Владимірко, по своему характеру, совершенно въ уровень своему затруднительному положенію. Окруженный со всѣхъ сторонъ соседями гораздо сильнѣйшими его, далеко отомедшій отъ господствующихъ лнній на Руси, Владимірко только въ необыкновенной изворотливости, хитрости, неразбираяніи средствъ, игрѣ договорами и клятвами видѣлъ свое спасеніе и силу. Со временъ Владимірка становится исторія нашего отечества уже яснѣе и опредѣлительнѣе, особенно, когда по смерти двоюроднаго брата своего, Іоанна князя Теробовельскаго (1141), мужественный Владимірко, соединилъ въ одно государственное тѣло всѣ три подчиненныя себѣ области т. е. Перемышельскую, Звенигородскую и Теробовельскую, избравъ для онаго Галичь на рѣцѣ Днѣстрѣ, столичнымъ городомъ. И такъ стался Владимірко первымъ настоящимъ Галицкимъ Государемъ, государствуя почти независимо, въ сравненіи съ прочими русскими князьями, надѣ довольно пространнымъ Государствомъ, т. е. отъ горъ Карпатскихъ и рѣки Дунайца ко верховьямъ обоихъ Буговъ, а на югъ даже до устья Серета и Прута. И такую обширную укрѣпленную державу оставилъ Владимірко сыну своему и единственному наслѣднику, знаменитому Ярославу Осмомыслу, о которомъ воспѣлъ пѣвецъ о полку Игоревѣ: что онъ, сидя на златокованномъ престолѣ, загородилъ путь (Венгерскому) королю, отворяетъ врата Кіеву, и кидая тяжести чрезъ облака; править суды даже до Дуная!

На томъ окончиваю я мой краткій очеркъ основанія и возвращенія Галицкаго княжества дозволивъ себѣ какое отступленіе отъ предмета единственно для лучшаго его изъясненія.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

рускій приходникъ изъ Соломянки.

Повѣсть, нимъ самымъ написанна.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Второе посѣщеніе Пана Долннскаго забилу совсѣмъ голову моею Наталіи. Похваля, якіи наслухалась она то отъ него самаго; то отъ его сестренницъ льстили ей самолюбію, которое якъ ствержено опытомъ у дѣвчатъ бываетъ въ большей степени, чѣмъ у молодцевъ. Прійдется ли она за яку работу, все то не идетъ во складъ; пойдетъ ли въ огородъ, то все задуманца, що и не слышитъ, когда ю кличуть до стола. Таково безъумно состояніе ей погоршилось еще, когда однажды заблукалась къ намъ знахарка — Цыганка, котора выворожила ей, що не пройдетъ годъ а она выдастся за Дѣдича. Къ тому стало все село говорити про любовь Вельможнаго Пана къ моею Наталіи. И такъ она влюбилась; — а мнѣ сердце рвалось; бо видѣлъ всю пронасть, яка ей загрожала, а не могъ ю, ни же-ву мою о тѣхъ удоговорити. У нихъ былъ преобладающимъ несчастливый нравъ: руская легковѣрность! Признаюсь, доврчивъ былъ и я, но не въ такъ высокой степени, и долговременныя опыты научили мене яко тако познавати людей по словамъ ихъ или обхожденію. Одною потяхкою было для мене то, що отъ нѣякого времени сталъ частѣйше посѣщати насъ веселый соседъ изъ Верховинки съ своею родиною и знакомыми молодцами. Хотя моя Наталія при-

нимала сердечным изразенію юного Подолянина съ нѣкимъ хладнокровіемъ; но онъ не терялъ отваги, и оказывалъ ей все больше и больше склонности.

Сближался день св. Петра и Павла, и честный сосѣдъ изъ Верховинки запросилъ насъ всѣхъ — не исключая и Пана Раевича — до себе на праздникъ. Мои дѣвчата готовились къ празднику цѣлу недѣлю, бо дождались, що будетъ тамъ и Панъ Долинскій съ своимъ дворомъ. Въ павахиду св. Первоапостоловъ пріѣхалъ и нашъ любезный сынъ Романъ, совершившій тогда гимназіяльныя классы, изъ Львова на вакаціи. Изъ того была радость велика: разъ понеже привезъ онъ намъ письмо отъ Льва, во вторыхъ, понеже въ нашихъ сторонахъ былъ обычай такій, що приходники съѣзжались на праздники къ сосѣдамъ съ цѣлою родиною. У мене не доставало вправдѣ ипійстаршого сына Льва, но тотъ былъ уже тогда на своимъ. Писалъ онъ къ намъ, що завѣхалъ на мѣстце своего учительского дѣйствованія въ Угорщинѣ здоровъ и все ведется тамъ ему счастливо, и только тужно въ сердцѣ за родиною и Панною Юлією.

Другого дня по свершеніи священныхъ обрядовъ въ нашей церкви поѣхали мы двомъ бричками на праздникъ до Верховинки. Панъ Раевичъ сопутствовалъ намъ на своимъ ворономъ. Въ Верховинцѣ засталъ мы численное собраніе гостей: въ большей части священники съ своими родинами съ которыми честная хозяйка вскорѣ насъ познакомила. Столъ былъ уже накрытый, ждано только еще на Пана Долинского. Межъ тѣмъ забавлялись мы разговорами, преимущественно о сеголѣтнемъ урожаѣ. О трехъ часахъ по полудни надѣхали наконецъ Панъ Долинскій и его сестрышницы. Обѣдъ былъ весьма вкусный и тревалъ около полтора часа. Во время обѣда болтали дворскія дамы

про всякую всячину, и не давали даже прійти къ бесѣдѣ старшимъ, достойнѣйшимъ лицамъ. Иногда только прерывалъ щебетанье ихъ Панъ Раевичъ, который одинъ осмѣлился приличнымъ образомъ противорѣчить нѣкоторымъ ихъ ложнымъ вѣстямъ или понятіямъ. Однажды проталъ онъ имъ дуже рѣзко за то, понеже высказывали нѣку велими благородную и всему обществу изъ добрыхъ дѣлъ извѣстную Графиню, будь то она по цѣлымъ днямъ такъ прилѣжно читаетъ въ набожныхъ книгахъ, що ажъ ослѣпла, и хотя не стара, а уже не обходится безъ окуляровъ, въ которыхъ женщины дуже не пристойно.

„Пристойно, или не пристойно,“ сказалъ Раевичъ, „а таки лучше женщинѣ читати хоть бы на ослѣпъ священныя книги, чѣмъ клеветати на побожныхъ.“

Дворскія дамы поехали раки и замокли, якъ бы ихъ не стало. Изъ лицъ многихъ, вычиталъ я при той способности, що дуже возмутились противъ дерзости Раевича; но мужчины радовались въ духу надъ тою его побѣдою.

Панъ Долинскій, желая укореніе своихъ сродницъ залагодити, сталъ хвалити честного господаря дому за доброе угорское вино; но узрѣвши при томъ, що я выпорожилъ свой стаканъ вина, сказалъ съ насмѣшкою: „Панъ Отецъ изъ Соломянки хорошо знаетъ подданныхъ моихъ отводити отъ горьки; но не смотря на то, самъ душкомъ испиваетъ стаканъ доброго вина.“

Принимая то за жартъ, отвѣтилъ я, що не отводилъ бы такъ усиленно, кобы прихожане мои столько же пили горьки, сколько я пью меду или вина. Честный додалъ къ тому, що доброе вино не мутитъ голову якъ простая горька; оно только розграваетъ сердце, которое, по его мнѣнію, чѣмъ теплѣе, тѣмъ лучше.

„Признаюсь,” сказал потомъ Панъ Долинскій, що вовсе не понимаю, для чего священники, особливо рускіи, съ такою ревностію отводятъ хлопа отъ напитоковъ; когда правду сказавши они сами на томъ много страдаютъ.”

„Яко,” спросилъ я, „священники страдаютъ, если стадо ихъ живетъ по тверезому; если неблагоуравныи люди устаютъ злодѣяти? Таже Господь Богъ радуется надъ кающимся грѣшникомъ, и чемужь намъ не радоватися надъ сокрушеннымъ сердцемъ нашего брата?”

„Высоко оцѣняю ваши слова, благородный Отче!” сказалъ Панъ Долинскій, „и со всѣмъ съ ними соглашаюсь; но таки необходимо уважати и на себе. Поки хлопы пили, были добрыи времена; были достатки у Пана и у священника; теперь хлопы перестаютъ пити, и всѣ нарекаютъ на злыи часы. Откуда то происходитъ? ото, простой хлопъ, когда устаетъ пити, незная, и для того и не требуя ніякихъ выгодъ житія, стается скупцемъ, и гроши скрываетъ въ землю: уже наслушался я повѣстей о такихъ хлопахъ, которые присягая на воздержанность, присягали за разомъ себя въ душу, излишніи гроши въ земли закопати; и отъ, тѣхъ ради позакопыванныхъ грошей для другихъ бѣда и злыи часы! Инакше было, когда хлопы пили; тогда не скупили они ни для Пана, ни для Пана-Отца, ни для корчмаря, который такожъ потребуеть жити. Сердца ихъ были теплѣйшими,— а що жъ лучшого въ свѣтъ, если не теплое сердце, якъ сказалъ милый нашъ господарь, въ егоже здоровіе за то пью сію чашу, и кто его любить, выпьетъ со мною!”

Всѣ гости поднеслись изъ мѣсть и пили во здоровіе господаря, который поблагодаривши ихъ за то красненько, сталъ говорить о погодѣ, желая тѣмъ дѣломъ запѣ-

бѣгчи моему отвѣту на безъсмысленныи слова Пана Долинского. Было то въ прочемъ разумно съ его стороны, бо моимъ отвѣтомъ былъ бы можетъ розсердился Панъ Долинскій, отъ того возстала бы соперечка, можетъ и свария великая, и такъ нынѣшній праздникъ закончилъ бы ся былъ не весело. Съ той только причины не перебивалъ я уже болтаній Пана Долинского, и тойже политикѣ держался любимый другъ нашъ Раевичъ.

Однакожь передъ концемъ обѣда не смогъ я воздержати языкъ свой отъ нѣсколько терпкихъ словъ, вытѣренныхъ противъ мнѣнію Пана Долинского, по которому хлопъ сотворенъ нѣяко на тое, дабы робилъ панщину а иногда въ свободнѣйшее время дабы пилъ горьлку. На счастье, мое опроверженіе перервалъ снова честный господарь, который поднесшись изъ мѣстца сталъ въ голосъ говорити пообѣдную молитву, по совершеніи которой рускіи молодцы пѣли всѣмъ гостямъ „Многая лѣта.”

Послѣ обѣда вышли гости на прохладу въ садъ, где молодыи люди подъ тѣнью старинныхъ орѣховъ забавлялись въ пташка; мы же старшіи позасѣдавши на лавкахъ подъ липами, розсказывали себѣ поочередно милыи жизни нашей приключенія. И такъ солодко было намъ — тажъ подъ липами — слухати любопытныи розказы нашихъ содрузговъ, и глядѣти при томъ на веселую дѣтей нашихъ ягру.

Къ вечеру сойшлись всѣ гости въ покояхъ, и тутъ роздѣлились они снова: старшіи позасѣдали въ двоухъ прибочныхъ покояхъ, одни до картъ, другіи ради продолженія дружескихъ розговоровъ; молодыи же люди пустились въ первой, довольно просторонной комнатѣ въ пляску. Старшіи женщины сидѣли въ той же комнатѣ на боку и присматривались скочному мазурку. Ино-

гда подходилъ и я къ плясующимъ, абы приглядаться: бо якъ сказалъ, люблю гудьбу но не мензе и танецъ. Въ первой паръ плясалъ Павъ Долинскій съ моею Наталією, въ другой съ Аялією молодой Подолянинъ. Всъ подивляли легкое и невинужденное уложеніе моихъ дочерей, которыи учились плясати отъ тетки Ярославы. Моя Тетьянна прибрала по той причинъ видъ триумфальный, особливо когда даже дворскіи дамы хвалити стали пляску Наталіи. Послѣ каждого танцу бавились они въ яковую игру; первая была въ Пана Пастора; и понеже жену мою одноголосно избрано Пасторовою, такъ принудили и мене къ той игрѣ и поручили званіе Пастора. Потомъ наступила снова пляска и снова игра, и такъ дальше.

Не стану пространно описывать различныя забавы, якіи обыкновенно бывають въ рускіи праздники; скажу только, що всъ убавидись до воли, и исключая нѣкоторыи неприятности, якіи произошли съ причины не добранныхъ къ намъ дворскихъ гостей, праздникъ у моего сосѣда отбылся съ наилучшимъ успѣхомъ. Наибольше подобалось менѣ, що межи гостями преобладалъ истинно рускій нравъ: радуніе и неживая откровенность.

Уже поздно въ ночь розъѣзжались гости во свояси веселы и весьма довольны.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

О празднику семъ было черезъ нѣскольکو дней много у насъ бесѣды. Жена и Наталія укоряли Раевича за его смѣлость, съ якою выступалъ противъ достойныхъ дамъ. Съ тѣхъ поръ перестали они его такъ любить и переименили совершенно судъ свой о бѣдномъ молодцу, которого теперъ называли по просту грубіяномъ.

Досталось и менѣ отъ нихъ не мало ударовъ; но я не уважалъ на тое, только уходилъ съ Романомъ моимъ где либо въ

удиненіе и забавлялся съ нимъ разговорами о различныхъ предметахъ. Я пересвѣдчился, що знанія его были далеко большіи якъ были мои въ его языкъ. Особенно зналъ онъ хорошо рассказывать о нѣмецкой литературѣ, изъ которой — правду скажу — не читалъ я больше, кромѣ сочиненій Шиллера, Гете и нѣсколькихъ лучшихъ историковъ, занимавшихся достопамятностями Словенщины. по тому рассказы его были для мене весьма любопытны и даже поучительны.

Иногда читалъ онъ менѣ свои собственные поэтическіи сочиненія въ нѣмецкомъ языкѣ, и особливо подобалось менѣ описаніе села и мирной сельской природы, въ которомъ то описаніи видѣлъ я образъ Романовки, колыбели моего Романка. где онъ прожилъ дѣтинныи свои лѣта; где ребенкомъ бѣгалъ по тучнымъ полонинамъ, и вслушиваясь въ сумныи напѣвы верховинцевъ, вырзывалъ изъ вербовой коры свирѣлку и выгривалъ на ней, що уловилъ слухомъ, или що истекало изъ собственного сердца. Я искренно полюбилъ поэтическую его душу; но сколь опечалился, когда подумалъ, що може и онъ поидеть во слѣды Раевича, що можетъ и онъ пристрастно предаться безплоднымъ мечтаніямъ, и наконецъ будетъ съ него — жалкое созданіе: рускій поеть въ Галичинѣ!...

Боязнь о будущую судьбу моего сына побольшилась съ тѣхъ поръ, отколь Раевичъ сталъ снова частѣйше къ намъ загощати. Уже за первую встречу прильгнулъ сынъ мой къ Раевичу якъ дитя къ груди матери. Хотя Раевичъ укорялъ его за нѣмецкіи стихи, которы по его мнѣнію надто посредственны, и въ сравненіи съ меньшими даже поетами высокоумной Германіи не удостоились бы нынѣ ни малѣйшого вниманія; то Романъ мой уважалъ сперва уко-

ренія тін несправедливими, потомъ же откровенно призналъ ничтожество нѣмецкихъ своихъ рнемовъ.

„У Нѣмцевъ,“ говорилъ однажды Раевичъ, „есть всего вдоволь: и любонудрецовъ, и богослововъ, и историковъ, и поетовъ; къ тому же поетовъ такихъ, съ якими едва сровнаться могутъ пѣвцы Великой Британіи. Но що у насъ Словенъ? Коляровъ. Пушкиновъ, Гупдуличевъ, Мицкевичевъ не много. Такъ лучше тебѣ, молодой орле!“ рекаъ онъ къ моему сыну, пожавши руку его сердечно, „лучше парити въ воздухахъ по надъ рускою землею. лучше ударити въ гусли Бояню! то гусли многозвучна, гусли родина, и не измѣнитъ истинному вдохновенію Русина! Тамта чужда, и только съ трудомъ къ ней привыкнешь; тая своя, и для своихъ на ней заиграешь!“

Тии слова убѣдили моего Романа, онъ предалъ нѣмецкіи своя сочиненія всеожженію, и сталъ читати Коляреву „Дочь Славы“ котору подарилъ ему Раевичъ. И такъ сынъ мой осталъ поетомъ, перемѣнивши только направленіе свое касательно народности

На счастье, отъ того времени, якъ, они подружались, не замѣчалъ я въ Раевичу того пристрастія къ моей Амалии; кажется, онъ потерялъ — послѣ столь многихъ, терпкихъ противъ нему моихъ изреченій — всю надежду на ей руку, и занимался исключительно дружбою съ моимъ сыномъ. Но за то овладѣла Амалиєю глубокая тоска. Иногда прїѣдетъ Раевичъ со взходомъ солнца и поздоровкавшись только съ нами уходитъ съ Романомъ въ долину, и тамъ будь полагаютъ они нашими работниками. будь идутъ въ гущи поблизкаго лѣса — и не возвращаютъ скорше, якъ надъ вечеромъ; а мѣжь тѣмъ моя Амалия скуча-

етъ цѣлый день за милымъ гостемъ, — наконецъ узреть его на часъ передъ заходомъ солнца только на то, чтобы чѣмъ скорше снова попрощатся. Ей состояніе въ то время было жалкое: но я утѣшался надеждою, що оказанное къ ней хладнокровіе Раевича приведетъ ю само тѣмъ скорше на разумную думку.

Наталія во преки сталась отъ Верховинецкого праздника далеко веселѣйшею. Панъ Долинскій бывалъ у насъ будь самъ, будь съ сестрянницами почти всякую недѣлю, и съ тѣхъ поръ перемѣнилъ даже свое обхожденіе къ Наталіи оказывалъ онъ всегда тѣмъ же самыми любовными чувствами; а относительно ко мнѣ сизнилъ онъ свой сварливый нравъ и соглашался съ каждымъ моимъ мнѣніемъ. Иногда говорилъ онъ такъ соотвѣтно моимъ помышленіямъ, що почти вѣрилъ я въ метаморфозу человечества. Однакожь не забывалъ я при томъ, що тѣмъ именно прельщеніемъ ставался онъ для насъ чѣмъ разъ опаснѣйшимъ. Мимо того, жена моя утверждала упорно, будь то Панъ Долинскій никогда не былъ сварливый, но всегда прїятный; будь то теперь онъ еще прїятнѣйшій къ намъ, понеже, якъ видно, рѣшился на правду думати о нашей Наталіи. Наталія же убѣждена пѣлко уже о своемъ триумфѣ, перестала тосковати и повеселѣла значительно. Только когда кто нибудь вспомнулъ въ присутствіи ей про Панну Юлію, она мѣшалась, и принимала видъ дуже печальный. То мене возмущало, видѣлъ бо въ семъ ревнованіи дѣвственнаго сердца. Ревнованіе же таково уважалъ я за великій порокъ, за недоброжелательство для другихъ. И у моей дочери замѣтилъ я тотъ порокъ; — якъ болестно для родительского сердца! — Но такъ ли, кажется, созданы мы люди: — въ юности былъ я ревнивъ; и менъ былъ когдато другъ молодой жены моей недру-

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедельно въ Середу два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверьечно получать платятъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

КЪ ЮЛІИ.

Я зналъ, что ты любила
Мене, давно я зналъ;
Когда жь то мнѣ открыла,
Якъ листъ я задрожалъ.

И побѣжавъ межъ горы
То пѣлъ, то скакалъ я;
Вознесши въ небо взоры,
Сновь плакалъ якъ дитя.

Тогда ужь соизне крылось;
А серденько мое
Въ груди такъ сильно билось, —
Ахъ, сердце бѣдное!

ЧУДАКЪ.

Куда идешь — всегда и всюду
Якъ тѣнь влачуся за тобою;
Чѣмъ строже поступишь со мною,
Тѣмъ больше ты любиши буду.

Мене твой гнѣвный видъ пѣвнаетъ,
Твоя же мнѣлость отгоняетъ;
Такъ хочешь ли мене посбытись.
Должна въ мене лише влюбитись.

Б. А. Д.

О НАЧАТКАХЪ ПЕРВАГО ЕПИСКОП- СТВА ВЪ ГАЛИЦКО-РУССКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

(Сочин. Антон. Петрушевича)

(Продолженіе.)

Такъ видѣли мы, что наши мужественные Ростиславичи, изключены преждевременною смертію отца своего отъ притязаній на старшинство въ родѣ, не дались одичко исключити изъ родовой собственности т. е. изъ владѣнія какою-то областью земли русской: что болѣе, они успѣли даже первые въ родѣ Ярославъ, владѣемую ими волость, обратити въ отдѣльную собственность для своего рода, подобно Всеславичамъ, господствующимъ уже съ временъ Св. Владиміра въ Полотскомъ княжествѣ. Уже внуку Ростислава — Владимірку удалось избавитися отъ всѣхъ родичей и стати единовластителемъ въ Галичѣ, которое единовластіе продолжалось и при единственномъ сынѣ и наследнику его Ярославѣ. „Такимъ образомъ (говоритъ С. Соловьевъ стр. 243), когда остальная Русь представляла зрѣлище безпрерывнаго движенія и перехода, въ княженіи Галицкомъ не было никакого движенія, никакого переименія князей, въ слѣдствіе сего и бодрѣе княжескимъ

была возможность установиться въ странѣ, получить значеніе постоянныхъ землевладѣльцевъ, пріобрѣсть великое вліяніе на дѣла страны: вотъ почему Галицкіе бояре имѣютъ другой характеръ, чѣмъ бояре въ остальной Руси; касательно различія между обоими можно выразиться такъ: бояре въ остальной Руси были бояре князей, бояре Галицкіе были бояре княжества. Такимъ образомъ на двухъ концахъ — сѣверо-западномъ и юго-западномъ въ Новгородъ и Галичъ обнаруживаются въ формахъ быта отъзны противъ быта въ остальной Руси, а именно въ Новгородѣ, въ слѣдствіе непрерывной сѣкны князей, усиливается народовластіе, тогда какъ въ Галичѣ, въ слѣдствіе осѣдлости, неподвижности князей усиливается боярство, при чемъ разумется, сосѣдство Венгрии и Польши не могло остаться безъ вліянія.” 46)

По такомъ историческомъ обозрѣніи вѣдшаго и внутреннего развитія Галицкаго княжества, возвращаясь опять къ моему предмету, дѣлая на основаніи выше сказаннаго мною, слѣдующія замѣчанія о началѣ перваго словено-греческаго Епископства въ галицко — русскомъ отечествѣ нашемъ:

46) Не можемъ, на мѣстѣ томъ, пренебречь того замѣчанія, что, такъ Новгородское народовластіе, какъ Галицкое боярство, не наблюдающее мѣры, было въ послѣдствіи причиною паденія тѣхъ обоехъ державъ: и когда Новгородская волость соединена съ Велико-Русіею слялась съ нею въ одно могущественное государство, окрѣпившее самодержавіемъ — тогда на противъ тому Галицкая область, отправши къ древней Польшѣ, усилила только своимъ боярствомъ польское вельможедержавіе кончавшееся раздѣленіемъ Польши и большимъ укрѣпленіемъ Великой Руси. Такимъ образомъ судьба Польши и Руси кажется быти нераздѣльною.

а) Съ временъ раздѣленія Владиміро-Волынскаго княжества, на Владимірскую и Перемышельскую волость, и постоянного поселенія въ послѣдней Ростиславичей, было единственнымъ стремленіемъ тихже, удержаніе за собою владѣемой ими области, въ посяданіи которой затверждены уже на двухъ княжескихъ сѣздахъ въ Любечѣ и Витичевѣ, и лишены надежды отгсканія отцевскаго Владимірскаго стола, чѣмъ болѣе заботились они объ умноженіи городовъ, народонаселеніи и устройствѣ признаной за ними волости 47) Мужественные Ростиславичи въ продолженіи пятьдесятлѣтняго господствованія своего, расширивъ русскую державу при скатахъ горъ Карпатскихъ даже къ Черному морю, должны были имѣти попеченіе и о душевномъ блазѣ ими обладаемыхъ единовѣрцевъ: для чего, по всей вѣроятности, постарались они уже объ основаніи отдѣльной Епископіи въ своихъ обширныхъ земляхъ, которыхъ главными городами стали быти Перемышль и Тересбовль. Каждый почти городъ Руси, бывъ мѣстопробываніемъ князя, какой-то области княжеской, имѣлъ также своего Епископа, чего требовало такъ благо и самостоятельность державы, какъ достоинство господствующаго въ ней князя. Такимъ образомъ, едва пе

47) Мы увѣряемся о томъ изъ откровенной рѣчи, сказанной ослѣпленнымъ Василькомъ въ темницѣ къ инокъ Василію, посланному къ немъ Давидомъ Игоревичемъ. Лавр. Лѣт. 113. Предпримчивый Василько питалъ геройскіе замыслы: ибо хотѣлъ онъ нанести рѣшительный ударъ польской державѣ: Возму землю Лядскую (говорилъ Василько) и мѣщю Руськую землю” (кажется за походъ Болеслава); потомъ вознамѣрилъ итти на Дунайскихъ Болгаръ и населити ихъ у себе, наконецъ думалъ онъ ударити на Половцевъ сказывая: „да любо малъзу себѣ славу, а любо голову свою слою за Русскую землю!”

съ первымъ введеніемъ христіанства, съ концемъ десяятаго столѣтія, возникли Епископскія столицы въ городъ: 1) Кіевъ (Митрополія), 2) Новгородъ (съ 1166. г. Архіепископія), 3) Ростовъ, 4) Владиміръ на Волини. 5) Бѣлгородъ близъ Кіева, и 6) Черниговъ; въ послѣдней половинѣ XI. вѣка: 7) въ Юрьевъ на рѣцѣ Росѣ. 8) Переяславль — Русскомъ, 9) Тмуторокани близъ Азовскаго моря въ концѣ тогоже вѣка Половцами уничтожена; въ началѣ XII. вѣка упоминается уже Епископія 10) въ Полотскѣ. (съ 1115 Архіепископія), 11) въ Туровѣ. (послѣ въ Пинскѣ) и 12) въ Смоленскѣ. (съ 1475. Архіепископія) 48). Вся упомянутые города были вмѣстѣ и княжескими столицами; следовательно почти одновременно съ основаніемъ и упроченіемъ какого-то княжества, каковымъ то княземъ изъ Рюрикова дома, появляется такожъ въ престольномъ городѣ его и Епископія. По той причинѣ съ большимъ правдоподобіемъ можно полагати, что въ началѣ тогоже XII. вѣка, въ городѣ Перемышль, какъ столицѣ обширной русской волости, уже стараніемъ князя Володара Ростиславича, учреждена бы-

ла отъ Владиміро-Волинской Епархіи отдѣльная Епископія, которую въ послѣдствіи князь Владимірко Володаревичъ перенесъ въ новую столицу основаннаго имъ Галицкаго княжества, въ городѣ Галичѣ. 49). Такое предположеніе получитъ еще болѣе вѣроятности, когда подумаемъ, что Ростиславичи, Рюрикъ (скончавшійся 1092. г.) а по немъ братъ его Володаръ, успѣли первые въ семьѣ Ярославичей, подобно Всеславичамъ въ

48) Сочинитель Описанія Кіевософійскаго Собора и Кіевской Іерархіи. Кіевъ. 1825. стр. 245; и Исторія Россійской Церкви СПб. 1838. стр. 27. относитъ ошибочно учрежденіе Холмской Епархіи къ послѣдней половинѣ XI. вѣка, ибо городъ Холмъ основанъ Даниломъ около 1220. года, куда перенесъ онъ Епископію изъ города Угровска. Плат. Лѣт. 196. „Данилови князю во Володимерѣ (съ 1114. г.) созда градь Угорескъ (Угровескъ) и постави въ немъ пискупя.“ Тамъ же стр. 163. полъ 1223 годомъ: „Бѣ 60 преже того пискупъ Асафъ во Угровескъ, (т. е. прежде Іоанна перваго Холмскаго Епископа), иже скочи на столъ митрополичь и за то свержень бысть стола своего — и переведена бысть пискупья въ Холмъ.“ Угровескъ лежитъ на лѣвомъ берегу Буга, противъ города Опална.

49) Такимъ образомъ есть Галицкая Епископія на Руси съ ряду 13-ая. Въ началѣ XIII. вѣка возникли Епископскія столицы: 14) въ Перемышль, 15) Холмъ (прежде въ Угровескъ), 16) Муромъ и Рязани, 17) въ Суздали и 18) Переяславль Залѣсскомъ. Послѣ того до раздѣленія Митрополіи прибавилось еще шесть новыхъ Епархій т. е. 19) въ Саравѣ съ 1261. года въ столицѣ Монголо-Татарскихъ Хановъ, послѣ переведенная въ Москву и называвшаяся Крутицкою, 20) Тверѣ съ 1271. г. 21) Луцкѣ на Волини, около 1289. года. Въ XIV. столѣтіи упоминается Епископія 22) въ Коложѣ съ 1353 г. 23) въ Бѣнискѣ съ 1354 г. 24) Звенигородѣ близъ Москвы съ 1391 г. — Подъ 1414 годомъ приводитъ Писковская лѣт (V. 51. Карамзинъ II Г. Р. V. 238.) между Епископами созванными В. ки. Литовскимъ Витолдомъ, изъ поставленіе отдѣльнаго Литовскаго Митрополита, послѣ Епископа Холмскаго Харитона, еще Червенскаго Епископа Павла Червенская Епископія была кажется потомъ названа Бѣлзскою и канонически соединена съ Холмскою Епархіею, подобно какъ въ послѣдствіи Берестская съ Владимірскою. Въ Политиковскомъ и Софійскомъ Литописныхъ спискахъ (Schlötzer russ. Annalen. Геттингенъ 1802 часть III. 104.) поставлено въ числѣ русскихъ Епископовъ, Галицкое, Перемышельское, и Сямборское Епископство. Въ городѣ Сямборѣ и Сянокѣ, со времени раздѣленія Перемышельской Епархіи на униатскую и не-униатскую часть въ XVII. вѣцѣ пребывала вѣ-когда неуниатскіе Епископы, будто бы въ отдѣльной Епархіи; для чего по послѣднемъ введеніи униѣ Перемышельскіе Епископы стали

Полотскъ, обрати Перемышельскую волость въ неотъемлемую собственность своего рода, и не ния никакихъ правъ на инья волости, старались освободити отъ всякой зависимости отъ другихъ княжествъ, а тѣмъ самимъ и отъ подчиненности сосѣднимъ Епархіямъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

русскій приходникъ изъ Соломянки.

Повѣсть, нимъ самымъ написанна.

(Продолженіе)

Не перейшло 4. недѣль отъ св. Петра и Павла, и мой Романъ выбрался снова ради продолженія школьныхъ наукъ до Львова. Передъ выездомъ давалъ я ему такіи наставленія: „Дотолъ былъ ты поетомъ, теперь станешь ученикомъ Любомудрія. Скажу тебѣ, мой сыну! яково есть различіе между поетомъ а любомудрецомъ: первый смотритъ на свѣтъ очима своихъ мечтаній, согрѣтыхъ чувствами теплого сердца, и для того часто ошибается; другій видитъ въ немъ то, що есть во истину, и по тому судъ его справедливъ. Чувствуй сердцемъ первого, розсуждай умомъ второго.— Якій ни будешь: славный человекъ, или безыменный бѣднякъ, всегда будь благороденъ; благородіе души, то сокровище данное всякому человеку съ

писатись такожъ Самборскими и Сяноцкими Епископами. Наконецъ съ 1539. годомъ восстановлено уничтоженную древнюю Галицкую Епископію въ городъ Львовъ. Львовскіе Епископы назывались такожъ Епископами Галича и Каменца Подольскаго, гдѣ они нѣли своихъ наѣстныхниковъ, но съ обновленіемъ Галицкой митрополіи стали тѣ же писатись Митрополитами Галицкими, Архіепископами Львовскими и Епископами Каменца Подольскаго.

Выше, которое, если только разъ погубить, не набудеть потомъ всемъ золотомъ свѣта.— Да будетъ всякое дѣло твое добро: отъ добрыхъ дѣлъ покой души и совѣсть чистая; совѣсть же чистая дастъ тебѣ внутреннее удовольствіе и веселіе сердечное, съ которыми праведному человеку такъ мило жити на Божіемъ свѣтѣ! — Люби ближняго всегда и вѣрь ему дотоль, пока не убѣдишься, що зло помышляетъ во сердцѣ. На томъ полагаешь счастье твое въ общественномъ житіи, которого желаю тебѣ отъ сердца. Прощай и поминай насъ!”

Послѣ того поѣхалъ мой сынъ. Нѣжная мати и сестры сопровождали его до каменного креста, где попрощавшись съ нимъ, вернули со слезами до хаты.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

По выездѣ нашего сына Романа, стала жена моя раздумывати надъ тѣмъ, якъ бы выправити и наши дѣвчата хоть на сю зиму до Львова. И теперь случилась къ тому наилучшая способность, понеже достойныи сестрѣвницы Пана Долинскаго, выезжая на зиму до Львова, обѣщались взяти ихъ съ собою и издерживати черезъ зиму во властномъ своемъ домѣ. Такова милость ихъ и снисхожденіе подобались женѣ моеи чрезвычайно и она занялась на правду выправкою дѣвчатъ, которы самы дуже тому рады были. Я не противился теперь ихъ планамъ, понеже надто былъ увѣренъ, що съ нихъ не будетъ ничего.

Однажды позвано мене къ больному, у которого забавившись черезъ весь пополудень, возвратился къ вечеру домой. Но що узрѣлъ я тутъ! жена и дочери въ слезахъ; я спрашиваю о причинѣ слезъ! они не отвѣчаютъ. Едва въ полъ часа узналъ я отъ нихъ, що недавно былъ Панъ Долинскій и

съ глобокую печалію обвѣстивъ имъ, що съ зды мнѣхъ дочерей не будетъ ничего, понеже сестрѣнницы его, передъ которыми нѣкійто подлый знакомецъ нашъ наклеветалъ много на пасъ недоброго, отъахали уже нынѣшняго утра во Львовъ; що онъ (Панъ Долинскій) не можетъ открыти намъ ни намѣреніе, ни содержаніе, ни виновника сей клеветы, що мимо того онъ всегда пребудеть найискреннѣйшимъ другомъ и покровителемъ всей нашей родины.

Выслухавши повѣсть тую до конца засмѣялся я и сталъ имъ представляти неувѣренность панскихъ ласкъ и приреченій; но онъ и слухати мене не хотѣли а только выплакавшись належито, стали розбивати собѣ голову надъ тѣмъ, кто могъ быти тотъ подлець, который очернилъ доброе имя нашей родины, родины мирнецько со всеми живущей и не имѣющей такого богатства, щобы въ комъ либо возбудити могла зависть или ревнованіе.

Цѣлый тотъ вечеръ и половину будущаго дня раздумывали онъ, якъ бы открыти врага нашей родины: не было сосѣда, на котораго не падало бы ихъ подозрѣніе; но все таки доказательствамъ ихъ не доставало вѣроятности. Едва стали онъ и по объѣдъ тѣмъ же предметомъ заниматься, принесъ одинъ изъ мальчиковъ нашихъ не великій свитокъ записанныхъ папѣровъ, который нашель онъ случайно въ огородъ. Розвинувши свитокъ, сей часъ узнали мы письмо Раевича, и що найбільше удивило насъ: между папѣрами находился запечатанный листъ съ адресою: „Благороднымъ господамъ сестрѣнницамъ Пана Долинскаго въ Соломянцѣ.“ Сейчасъ прійшло женѣ моей на мысль, що можетъ онъ былъ тѣмъ подлымъ доносчикомъ, и мы стали совѣтоватись межъ собою, распечатати ли письмо, или нѣтъ. Я противился тому рѣшительно, но

жена и Наталія, доказывали упорно, що никто больше якъ только Раевичъ могъ допуститись таковой подлости и для того нужно листъ его перечитати. Въ сю же минуту растворила жена моя письмо и читала слѣдующее:

„Вручитель сего листа скажетъ Вамъ, кто его писалъ; Вы узнаете, що писатель тотъ есть ревный другъ невинности, и готовъ препятствовати ея возвращенію. Узналъ бо я, що Вы желаете взяти съ собою до мѣста двѣ дѣвицы на воспитаніе подъ Вашимъ попеченіемъ. Понеже однакожь святымъ есть обязаніемъ всякаго человека, хранити невинность другихъ отъ угрожающей погибели, то перестерегаю Васъ за благовремѣнно передъ найопаснѣйшими слѣдствіями, якіи могутъ съ того для Васъ возникнуть. Никогда не выступалъ я противъ злонамѣренныхъ людей; но теперь принужденъ употребити строгіи мѣры, бо легкомысленность тая доведеть къ преступленію. Для того прошу усильно, услухайте совѣтъ сего друга, и не берите съ собою реченны дѣвицы, бо тѣмъ обезчестится родина, котора дотоль поживала въ невозмущенномъ супокое и невинности.“

По перечитаніи сего листа изъявила жена моя сейчасъ, що въ немъ вмѣщается клевета противъ нашей родины. Правда що содержаніе его можно было и на противную сторону толковати; и я замѣтилъ що укореніе въ немъ изреченное, можетъ вымѣренно быти противъ сестрѣнницамъ Пана Долинскаго; но жена не дала менѣ дальше розумовати, а только стала нарекати на безчестнаго клеветника. Съ нею соглашалась и Наталія: Амалия же плакала сердечно. Я не могъ сперва повяти, щобы Раевичъ былъ человекъ столь неблагородный; но перечитавши еще разъ письмо увидѣлъ въ немъ тоже само що замѣтила жена и Наталія. Таково подлое дѣло бы-

ло въ очахъ моихъ найчернѣйшею неблаго- дарностію. Я не могъ даже розобрать, що его привести бы могло къ тому, если чей- же не желанье. удержати мою Амалію на се- лѣ, чтобы тамъ частше имѣлъ способность видѣтись съ нею и говорити.

Такъ сидѣли мы и размышляли надъ тѣмъ, какъ бы помстити сію обиду: когда надбѣгъ другій хлопчикъ и донесъ намъ, що Панъ Раевичъ сближается къ нашимъ воро- тамъ. Смѣшавши чувства болю надъ поне- сеннымъ недавно оскорбленіемъ и радости надъ близкою мѣстію волновали въ сию ми- нуту наши груди. Хотя вознамѣрили мы толь- ко упрекать его благодарностію, одна- кожь постановили сдѣлати то въ такой спо- собъ, чтобы заболѣло его сердце. Для то- го условились мы, приняти его съ обыкно- веннымъ радушіемъ, сначала говорити съ нимъ какъ найпріятнѣйше; дабы такъ его тѣмъ больше къ себѣ приманити, а потомъ, середъ того милого спокойствія, напасти на него, какъ иногда буря нападаетъ на стран- ника середъ прекрасной околицы, и дати ему почувствовать тую подлость, яку упо- требилъ къ поврежденію нашей славы. Моя жена, подавшая намъ тотъ остроумный планъ, обязалась привести его къ успѣшному кон- цу. И для того, какъ только вошелъ Рае- вичъ въ нашу хату, поздоровила она его пріятно, и стала говорити о томъ, съ якимъ восхищеніемъ вспоминалъ сынъ нашъ его до- стойное имя при своемъ отъѣздѣ, какъ мно- го пользы принесла ему глубокоуинны на- ставленія Пана Раевича во время вакацій, и вообще, яка то велика радость и слава, быти такъ ученымъ человекомъ, якимъ есть Панъ Раевичъ.

„Признаюсь,“ сказалъ Раевичъ „ученіе мое приобрѣлъ я собственнымъ трудомъ, но къ тому силъ и розумъ далъ мнѣ Господь Богъ.“

„Ученіе и розумъ,“ отрекъ я на тое, „суетны безъ праведности; только правед- ность и постоянный нравъ даетъ человеку цѣну. Самъ несвѣдущій простолудинъ, не сдѣлавшій ничего злого стоитъ выше, не- жели философъ, который обремененъ мно- гими преступленіями; що убо розумъ, що геній безъ благодѣтельного сердца? Най- лучшее дѣло Господне праведный человекъ!“

„То истинно, однакожь только въ поло- вичъ;“ сказалъ Раевичъ, „какъ убо при оцѣ- неніи нѣкой книги не пытаемъ о то, суть ли въ ней погрѣшенія, а только есть ли въ ней красота и изящность, такъ должно намъ не по недостатку грѣховъ оцѣнити чело- века, а по величинѣ дѣлъ его добродѣтельныхъ; ученому можетъ недоставати общежитія, у- рядникъ можетъ быти гордый, а воинъ твер- дого нрава; но свободно ли намъ ставити вы- ше нихъ простолудина, который, не за- слугивая ни на похвалу, ни на укоры, всю жизнь проживаетъ въ работѣ, какъ бездуш- ная машина? Такимъ дѣломъ можно бы пер- вого лучшего селянина поставити надъ Але- ксандра Великого, надъ Цезара и Наполе- она I, которы все мимо великого генія, и- мѣли свои грѣхи.“

„Ваше замѣчаніе справедливо тогда,“ отвѣтилъ я, „коли при малыхъ поблуждені- яхъ сіяютъ великіи благодѣтели; но если случится, що въ одной и тойже душѣ по- мѣщаются и великіи грѣхи и необыкновен- ныи дарованія, тогда характеръ такой за- служилъ на общее презрѣніе.“

„Можетъ быти,“ сказалъ Раевичъ, „що существуетъ где либо такой уродъ, въ ко- торомъ получены великіи дарованія съ ог- ромными грѣхами; но о сколько менъ свѣтъ извѣстенъ, не нашелъ я нигде принаръ то- го рода, во преки всегда замѣчалъ, що тамъ, где душа была велика, находились

и добрыя склонности сердца. И востину само провидѣніе кажется сдѣлало такъ уже во нашу пользу, що ослабленъ бываетъ разумъ тамъ, где испорчено есть сердце. и такимъ образомъ уменьшается сила злодѣянія, где къ тому воля склонна. По видимому, даже звѣрята подвержены тому же закону; меньшія овады бываютъ всегда злобы, жестоки и робкіи; вопреки же сильнымъ и воликіи звѣры благородны, храбры и кроткіи."

"Все то хорошо сказано," отрекъ я, „однакожь легко прійшло бы менѣ въ сей же часъ указать чловѣка," — и при тѣхъ словахъ вперилъ я очи свои неподвижно въ него — „чловѣка, которого разумъ и сердце творять ужасное противенство. Такъ, Пане Расвичъ," продолжалъ я возвышеннымъ голосомъ, „менѣ случилось открыти васъ въ мнимои вашей безпечности. Узнали вы тотъ свитокъ?"

"О такъ достойный Отче," отвѣтилъ онъ съ непонятнымъ спокойствіемъ, „тотъ свитокъ мой, и я дуже радъ, що его снова нахожу."

"А тотъ листъ?" воскликнулъ я, „узнаете ли его? не мѣшайте; смотрите менѣ прямо въ лице! Еще разъ пытаю: узнали вы тотъ листъ?"

"Тотъ листъ?" рекъ онъ хладнокровно, „розумѣется, узналъ: я таки самъ его писалъ."

"И якъ могли вы быти столь неблагодарнымъ, столь подлымъ, чтобы листъ такий писати?"

"А якъ могли вы," отрекъ онъ съ безпримѣрною спокойностію и почти безстыдствомъ, „якъ могли вы быти столь нечестивымъ, абы листъ мой распечатати? Тайну листовъ повелѣно наблюдать, закономъ,

а вы законъ тотъ переступили; тайна листовъ освященна у всѣхъ просвященныхъ людей свчаємъ, а вы свчай тотъ стоптали ногами! Въ первый разъ узналъ я при томъ случаѣ, що честь ваша — вамъ не дорога!" Такое злословіе розсердило мене до крайности. „Неблагодарный чловѣче!" воскликнулъ я съ гнѣвомъ, „уступи съ моеи хаты! не осквернай пороговъ ей твоею подлотою! Единая кара, яку для тебе желаю, да будетъ тая: чтобы пробудилась твоя совѣсть и ты почувствовалъ все бремя обиды, яку нанесъ на мирную нашу хату!"

Послѣ тѣхъ словъ кинулъ я ему письма его подъ ноги, и онъ поднесши ихъ усмѣхаясь съ земли и поправавши насъ съ спокойнымъ лицемъ, вышелъ изъ хаты, оставляя въ насъ негодованіе надъ его неблагодарностію и хладнокровіемъ. Моя жена особливо сердилась за то, же нищо не могло возбудити въ немъ якового стыда.

"Мое сердце," сказалъ я къ ней, желая усмирити гнѣвъ, который насъ обохъ повлекъ былъ за далеко, „да не будетъ намъ дивно, що злыи люди не знаютъ стыда; они стыдятся лишь тогда, коли застанемъ ихъ на добромъ дѣлѣ; въ своемъ же лукавствѣ ищутъ они чести."

Такъ сказалъ я къ женѣ; но иначе проговорило въ скорѣ потомъ мое сердце: ахъ можетъ онъ безвиненъ, и для того такъ смѣло смотрѣлъ намъ въ очи! И правда не стыдится дѣлѣ своихъ благодатныхъ. Можетъ листъ той писанъ былъ во нашу пользу;— ахъ, въ такомъ случаѣ рзорвалъ я своевольно священную связь, котора соединяла насъ съ найблагороднѣшимъ чловѣкомъ!

Продолженіе слѣдуетъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЕЛЬНЫЯ И ГО- СПОДАРСКІЯ.

— *Якъ заховати жареное (пращенное) мясо, абы робаки до него не достались.* Жареное мясо, солонина, колбасы и пр. наилучше переходуются въ перестѣянномъ сухомъ пепелѣ съ букового дерева. При томъ поступается такъ: въ скриню, на сухомъ перестѣянномъ мѣстѣ, сыплется не много сухого пепелу, на который кладутся жареное мясо, шинки и пр., тѣмъ засыпуются снова пепеломъ, и такъ поступается, пока не выполнится вся скриня. На верху засыпается цѣла скриня густо пепеломъ, абы овады не могли яйчекъ своихъ въ мясъ укладывать. Хотячи такъ переходованое мясо взяти до ужитку, потребно прежде очистити оно сухою или мокрою щеткою изъ пльси, на верху повставшей; впрочемъ пльсь тая во все не вредитъ вкусу. Жареное мясо, сокрытое въ такой способъ, переходуется цѣлый годъ и бываетъ сочистое, понеже толстота въ немъ не топится и не стекаетъ якъ на открытомъ мѣстѣ. Для захованія чистоты можно такое мясо, передъ его сокрытїемъ въ пепелъ, въ папѣръ завинуть.

— *Многорозличная польза изъ смолы.* Смольная вода, котора составляется изъ смѣшенія смолы и воды въ ровныхъ мѣрахъ, стоявшая въ тепломъ мѣстѣ 24 годия, оказалась успѣшнымъ средствомъ противъ геморойдѣ, котора, якъ опытни лѣкари твердятъ, происходитъ отъ робаковъ. Употребляется средство тое съ слѣдующій способъ: когда смола опадетъ на дно блюда, пьется вода на верху стоящая три разы на день мѣрною склянкою, и кромѣ того попеременно или еже другій день, отваръ изъ яловцового кореня, заправленный будъ сенесомъ будъ круглымъ анижемъ; при томъ смазуется хребетъ и боки козлинымъ лоемъ.— Всякое четырехножное звѣря, немѣющее апетиту, или бѣднѣе а худое (що найчастше происходитъ отъ робаковъ), если напьется такой, но густо смолою заправленной воды или чистой смолы, достаетъ на другій день сильный апетитъ, пьетъ добре, и вскорѣ подпасется. Реченной воды дается въ слѣдующемъ розмѣрѣ: коню, рослому бизлагю, разъ въ тыждень не больше якъ полъ кварты, сванѣ квартирку, псу пятую, овцѣ десятую часть кварты, а молодшимъ звѣрятамъ и меньше. Случалось, що и во время сухотъ лѣчились зараженными скоты смолою успѣшно.— Сверблячку у людей лѣчатъ

въ нѣкоторыхъ сторонахъ тѣмъ же средствомъ; къ той цѣли мѣшаются двѣ части смолы съ одною горячою водою и тѣмъ натирается хорый; по истеченіи одной годины наступаютъ поты, и тогда смывается тѣло и смазуется елеемъ.— Абы имѣти сухое жилище, ставляючи новый домъ; подобаетъ запобѣгти мокротѣ слѣдующимъ способомъ: выпровадивши муръ надъ верхъ земли, обливается сухой муръ смолою, по крайней мѣрѣ на полъ цѣля грубости, выготованною въ котлахъ черезъ 20—30 годия, остпшою и пережѣннвшоюся въ смолу шевскую, и ажъ на ней муруется якъ звычайно дальше, а мокрота уже не пройдетъ.— Если кладется во внутри хаты подлога, и поливается каждую доску подъ сподомъ на $\frac{1}{2}$ цѣля такую смолою, то подлога становится долготревалюю, не спачется, не розходится и бываетъ неповредною отъ мышей и робаковъ.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ПЗВѢСТІЯ.

Слово во время торжественного Богослуженія въ пресвятый праздникъ Богоявленія Господа нашего Исуса Христа в. Ячурія 1853. года въ церкви Ставропигіанской, Успенія Пресвятыя Богородицы говоренное Иосифомъ Кульчицкимъ гр. кав. Львовскою духовною Семинарію Исповѣдникомъ. Типомъ и издженіемъ Института Ставропигіанского 1853. Достопочтеннымъ Старѣшинамъ, предстоятелямъ и всемъ членамъ Института Ставропигіанскаго посвящаетъ Авторъ. Въ осмерицы.—

Пригадуемъ нашему Всепочтенному Читателю, що уже съ 5. Числомъ предплата 1го четверрочія укончилась. Просимъ протое о найскорше надосланіи предплаты на второе четверрочіе 1853. года, дабы возможно намъ было наклады нашей Часописи отвѣтно розмѣрѣти и всякіи недогодности изъ опозненьяся въ присланію предплаты такъ для Редакціи якъ и для Вс. Предплатителей происходящимъ усунути.—

Уравненія ради „Поученій церковныхъ“ съ теченіемъ Евангелій цѣлныхъ прибавляемъ теперь изъятно цѣлымъ листъ оныхъ.

Издженіемъ и типомъ Института Ставропигіанскаго.
Отвѣчательный Редакторъ Іоаннъ Гушалевичъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедѣльно въ Середу два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающій четверточною получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ВСПОМНАНІЕ НАДНѢСТРОВЬЯ.

Залѣщики! вы не моя
Колибельная сторона —
За чѣмъ я васъ такъ возлюбилъ:
Що я гдѣто мое, в Бугъ,
Издѣтка мой наймильшій другъ
Не естъ менѣ уже такъ милъ.

Я весь, якъ естъ, лишилъ бы свѣтъ,
И калыкъ мнѣ сужденныхъ лѣтъ
Самой жизни, кобы мнѣ
Отдать кто ничу свободу
И Кришатицкую гору
И тѣ острова на Днѣстрѣ!

Тамъ бы въ думнью я сдѣлалъ родъ
Зѣ горы на Русь мою бы зрѣлъ,
Ябъ красна мила тамъ она!
Подлинна такъ, якъ сельскій цвѣтъ,
Весела, якъ весны розвѣтъ,
Богата, якъ Украина.

Тамъ народъ Русинъ всевъ душовъ,
Неповрежденъ чужинщиновъ,
Тамъ древна ширость, древній нравъ;
Въ лицахъ тамъ цвѣтъ и красота,
Въ свѣтлицахъ ладъ и чистота,
Въ гостинахъ дружескій уставъ.

А пѣснь якая тамъ живеть,
Тамъ всякъ пѣвецъ и всякъ поеть!
Тамъ танецъ мужескій арканъ
Дрожить подъ нимъ свята земля
Сама неслышна в гудьба
Въ гуляндъ жвавыхъ Подднѣстрьянъ.

Тамъ старецъ съ сѣловъ бородавъ,
Юношеску пѣсень кровъ,
Безжурче сердце козака!
Видати можно тамъ не разъ
Прадѣла съ молодцами вразъ
Ще вытнати гонака!
Спроси, въ войнѣ кто перамъ былъ,
Царя кто, итру зацѣпалъ?
То тѣ жлани молодѣ
Огъ Буковины, що ихъ тамъ
Есть возлюблений той арканъ
Що воспитались при Днѣстрѣ
Ой добре съ ними всякому
Кто любить Бога, Отчину,
Кто чить Царя и законъ свой,
Тамъ бы я вѣкъ прожити хотѣлъ
Кобы я кости тамъ зложилъ
Где широрусскій народъ той!

И. Г. Н.

ОТЪ СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМИСІИ.

Оголошеніе загальныхъ складокъ на добръ народный и другу городску церковь, ае зѣ нашей причины долшій часъ перерванѣ прѣ-
должаемъ въ слѣдующій способъ.

Въ числѣ 5. Зоря зѣ г. 1853. мы по-
дали до общей вѣдомости списъ жертвъ впаде-
ннвшихъ до сѣдня 1. Листопада, и до того
времени впынули новыя жертвы!
1. Честъ и прѣп. Г. Вислѣкскій, ирхонникъ Ма-
цинскій, и первый членъ комисіи собира-

железную колѣю, которая вѣдущая, будетъ не долго будовать. Уже составилось особое общество, которое нацѣляетъ дѣло оно въ семь еще году распочати. На той подземной колѣи заведена будетъ такъ звана атмосферическая система, по которой напоръ воздуха въ порожныя, пожежь колѣю въ земли укрытыя руры, пхати будетъ самъ собою скоровозы. И такъ стануть ѣздити жители великанского того города сквозь подземную тьму, итъя надъ своими головами все бремя лондонскихъ зланий. Чего еще не выдумаютъ остроумныя Англичане!—

— Съ Виртембергін согласилось 200 родитъ, валежащихъ къ сословію богатыхъ селянъ, желая вселитись въ пустынныхъ окрестностяхъ Угорщины. Австрійское правительство отвѣтило имъ, что переселенію ихъ никто не будетъ препятствовать, если только выкажутъ свидѣтельствами благоправного житія. Такожъ съ Баваріи и иныхъ нѣмецкихъ краевъ пришли подобныя желанія.

— Въ Калифорніи найдено кедровое дерево, которое числится можно къ наибольшимъ въ свѣтѣ. При земли имѣетъ оно 91 стопъ въ объемъ, на 14 стопъ выше надъ землею 61, вышина его выноситъ 285 стопъ а числи обручки слоя, можно вѣкъ того дерева опредѣлити на 2,500 до 3,000 лѣтъ.

— Съ Америки возвѣщаютъ о новомъ открытіи золотыхъ жилъ въ старинныхъ лѣсахъ Канады, о существованіи которыхъ никому ниже случилось.

— Достоянники турецкого войска. Чинъ достоянниковъ въ турецкомъ войску раздѣляется на три разряды. Къ первому ряду принадлежатъ генералы, которыя присвояютъ себѣ имя башы. Полковникъ и подполковникъ зовется бей. Достоянники низшіи отъ полковника именуются ефенди; всѣ же прочія ага. Турецкіи достоянники вообще не пользуются такимъ почитаніемъ якъ въ иныхъ евр пейскихъ войскахъ. Тожъ не рѣдко случается, что полковникъ выбѣетъ по лицу передъ рядами войска маіора, маіоръ сотника и пр. Уважается правиломъ, дабы никого не подвысхати надъ маіора, если незнаетъ хотя не много читати, писати и числити. Намъ кажется то почти невѣроятнымъ, дабы маіоромъ могъ стати неграмотный человекъ: но такъ есть во истину, бо въ Царгородѣ есть много такихъ маіоровъ и даже одинъ бригадовый гене-

ралъ. который не знаетъ перечитати ни одной буквы!

— Въ Америкѣ есть великій недостатокъ женщинъ. Отъ двохъ столѣтій умножается тамъ число мужчинъ, которыя значительно превышаютъ число женъ. И чѣмъ дальше на западъ Америки, тѣмъ рѣдше встрѣчаются женщины. На противъ въ Европѣ мужчинъ далеко меньше якъ женщинъ; понеже первыя переселяются оттуда въ различныя свѣта стороны найчастше же въ Америку не возвращаясь къ намъ уже никогда, а послѣдніи, не такъ скоры къ переселенію, остаются въ отечествѣ. и тѣмъ число ихъ не уменьшается. Мимо того недостатка женщинъ въ Америкѣ удивительно есть, что тамъ же существуетъ въ нѣкоторыхъ сторонахъ религіиная секта Мормоновъ, у которой заведено многоженство.

— Въ Лондонѣ показуетъ теперь проф. Андерсонъ двое карликовъ, которыя обращаютъ на себѣ великое вниманіе тамошнихъ жителей. Карлики тѣи принадлежатъ къ особой расѣ Антекъ званой и происходятъ изъ средней Америки. Одинъ изъ нихъ хлопчкъ, несполна 3 стопъ высокій, друга дѣвчонка только 2 стопъ и шесть частей. Кости у нихъ и составы суть майже пичьей тонкости: голова чрезвычайно маленька, покрыта мягонькимъ, чернымъ и немного кудрявымъ волосемъ, очи черны, блестящи, чело низкое, носъ дуже въ гору задртыи, барва тѣла оливная. Замѣчательно и то, что мимо такъ маленького тѣла, они довольно разумны.

Извѣстія торговельныя.

— На торгу дня 19 с. я. въ Львовѣ продавано корецъ пшеницы по 19 р. 13 кр.; жита 12 р. 55 кр.; ячменя 11 р. 26 кр.; овса 6 р. 32 кр.; гречки 13 р. 25 кр.; земляковъ 6 р. 57 кр.; цетнаръ сѣна 2 р. 19 кр.; околотовъ 1 р. 56 кр. вѣд. в.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣднѣской дня 20 Септ
 Ажіо ц. червонцевъ 16 1/2
 „ серебра 9 1/2

Переписка

съ ч. Редакцію „Вѣстника.“ Мы перечитали Вашу „Отвѣтъ.“ похвальный въ 67. ч. Вашей временописи — и не нарушаемъ мира.

Ред. З. Г.

(Слѣдуетъ Число 29. „Поученій Церковныхъ.“)

Изданіемъ и типомъ Института Ставропигіянскаго.

Отвѣтательный Редакторъ Богданъ А Дядицкіи.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедично въ Середу два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. н. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. н. — Желающимъ четвертьрочно получать платать въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. н. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. н.

ДА БУДЕТЬ МИРЬ!

Да будетъ миръ на Руси всей
Межъ неученымъ и ученымъ:
Намъ надобно теперь людей
Къ дѣламъ великимъ и священнымъ.
Такъ кто учалый, да учитъ
Другихъ съ охотой, снисхожденемъ,
А неученый — да молчитъ,
И да пользуется ученемъ.

Да будетъ миръ, бо ужъ и такъ
Междоусобій много было,
И тѣхъ пристрастныхъ споровъ, дракъ,
Что вспоминати ажъ не мило;
Вся древня лѣтопись полна
Изображенемъ борьбъ и военъ;
Но въ мирѣ днесъ всѣ племена,
И ты, нашъ роде, будь спокоенъ!

Да будетъ миръ, бо то и встыдъ
За букву, за языкъ сваритись.
Когда еще полнѣйшій видъ
Не могъ у насъ дотоль развиться;
Когда еще не былъ такімъ
Писатель межъ Русинами,
Чтобы рекли о немъ: то свой,
То нашъ и духомъ и словами.

Да будетъ миръ, бо нужно намъ
Трудитись всѣмъ по Божьей волѣ,
Народный созидати Храмъ,
Святя на пустынномъ полѣ:

А въ непогоду, въ бурный часъ
Робота всяка перервется,
И недругъ обругаетъ насъ,
И злобнымъ смѣхомъ засмѣется.

Да будетъ миръ, бо ужъ давно
Мы въ дѣлѣ важномъ согласились:
Приняти отъ Старыхъ оно,
Чѣмъ передъ свѣтомъ прославились,
А именно: тѣмъ слова,
Въ которыхъ наша жизнь и сила, —
Да не смотришь: что и Москва
Языкъ свой ними украсила.

Да будетъ миръ, да пишетъ всякъ
По собственному розсужденію.
И что и що, и якъ и какъ,
По слуху нль обмысленію.
А где прекрасный и объемъ
И чисто — русски будутъ звуки,
Тамъ всѣ мы съ радостію прильгнемъ,
То жь сдѣлають и наши звуки.

Да будетъ миръ, — нль если кто
Начнешь спорити за азбуку,
Не сѣй же намъ сквозь решето
Свое самую черну муку;
Не называй своихъ друзей,
Занятыхъ тѣми же трудани,
Преданныхъ Матери своей:
„Ея невдичными сынами!“

Богданъ А. Д.

ВСПОМИНКИ СТАРОСЛОВЕНСКІЯ.

VII.

Соотношеніе древнихъ Словенъ къ ихъ божествамъ. Поганскіи предки наши изражали свою зависимость отъ высшего существа именно тѣмъ, что признавали надъ собою покровительство нѣкоторыхъ божищъ. И такъ, всякій вѣкъ жизни препоручано покрову нѣкого божества, съ тѣмъ соединены были различныи обряды.

Главнымъ божествомъ, покровительствующимъ все житіе человека, уважано божество Жива. Божище убо тое воображало себя яко мужеску и женскую стихію въ соединеніи, и приписывано ему, будто оно даетъ, удерживаетъ и развѣваетъ а потомъ погубляетъ и уничтожаетъ все житіе. Такимъ дѣломъ божество Жива было вообще жизнедательнымъ существомъ. Тоеже существо подъ образомъ божища Поренука имѣло попеченіе надъ дѣтми въ материнской утробѣ, и яко женская стихія подъ именемъ Злата — Баба бдѣла надъ породами. По той причинѣ приносили мужи во жертву молодыи звѣрята божищамъ Живъ, Поренуцъ и Златой — Бабѣ. — Въ дозрѣвшемъ вѣцѣ бдѣла надъ человекомъ Лада, богиня любви, которой преимущественно поклонялись дарами молодыи женихи. — Надъ сопругами имѣли особое попеченіе: Лель (любовь) Дѣдъ (взаимная любовь) и Полель (сопругество). Въ народныхъ пѣсняхъ донынѣ сохранились израженія: Дѣдъ — Ладо! Лель — Полель! которыи нужно уважати яко возванія тѣхже божищъ.

Въ каждомъ народѣ встрѣчаемъ освященныи обряды, вводящии дѣтей въ общественное житіе. Такимъ обрядомъ у поганскихъ Словенъ были пострижины. Родители давали 7 лѣтнимъ дѣтямъ въ первый разъ торжественно стрѣгчи волосье; при

томъ случаѣ надавано дѣтямъ имена, посвящено ихъ богамъ, научая познавати божескіи силы и величіе; остриженныи же волосы складано въ жертву Богамъ. На томъ обрядѣ основанъ свѣчай стриженія волосовъ уже во временахъ поганскихъ въ цѣлой Словенщинѣ.

Якъ пришествіе на свѣтъ человека, такъ и его отшествіе изъ свѣта соединено было съ побожными обрядами. Мертвыхъ хоронено двоякимъ образомъ: или похоронено ихъ яко обыкновенно въ гробъ, или сожжено и пепель въ похоронныхъ блюдахъ складано въ землю. Однакожь похороны были въ большинѣ обыкновеніи. Они отбывались слѣдующимъ способомъ: Обыто мертвого, вынято внутренности, наполнено благоуханными мастями, сошито разпоръ яко найстараніе и мащено снова все тѣло. Въ гробъ складано, обыкновенно всѣ вещи, которыи покойнымъ въ житіи были милыми, яко: оружіе, коня, гроши и пр. Тѣло укладывалось на взнакъ, лицемъ въ гору, или такожь въ спячей поставѣ. На гробахъ насыпывано землю и каменя, яко на гробіе, и съ тѣхъ то время удержались именно на Руси и въ Польщѣ надгробныи насыпи, извѣстныи подъ именемъ: могилъ или кургановъ. Въ Чехахъ хоронено мертвыхъ въ дѣсахъ и по полямъ, давано имъ подарки для духовъ, надъ мертвымъ ставлено хлѣбъ и свѣчу, яко жертву для божествъ смерти. Послѣ похоронъ брали присутствующии на лице маски и кидали по-за себе каменя, землю и дрова. На перекресткахъ (крестовыхъ дорогахъ) воздвигали каплички для божищъ смерти и за души мертвыхъ.

Сожженіе тѣлъ случалось рѣдше, и тогда обыкновенно ишли на всесожженіе за мужами вѣрныи жены. Послѣ похоронъ отбыв-

вались пиры, званны тризнами и стипами.

Понеже древнии Словене вѣрили въ безсмертіе души, то сготовляли таковыи тризны во честь покойниковъ ежегодно; тризны тѣи были извѣстны у Поляковъ подъ бѣсѣдою дѣдовъ или праздникомъ стариковъ. Словене вѣрили даже, что души мертвыхъ присутствуютъ и участвуютъ въ такихъ тризнахъ, для того запрашали ихъ торжественно на гостину, а при концѣ изгаяно тѣми словами: „Вы душечки наѣлись, напились, бывайте здоровы, оставите благословеніе живымъ, а сему дому миръ и тишину.“

Посмертное состояніе душъ воображали себѣ древнии Словене надто смыслово; вѣрили бо въ соединеніе души съ тѣломъ, и для того давали мертвецамъ до гробу оружіе, яствія, гроши и пр. Антовцы, пребывавшіи долше въ поганствѣ, представляли себѣ посмертное состояніе совсѣмъ такимъ, якимъ было предсмертное на земли, а только украшали оно себѣ совершенѣйшими радостями и роскошати и думали, что тамъ будутъ: веселое общество, хорошіи жены, вкусныи яствія, солодкіи напитки, въ лѣтѣ бѣлое свѣжее одѣнье, въ зимѣ теплыи шубы, пріятный отпочинокъ на великихъ мягонкихъ ложахъ, неизмѣнное здоровье, веселья, игры и всякіи радости. Жилище покойныхъ именовалось Нева или можетъ нива, съ чѣмъ вѣроятно стоитъ въ отношеніи и богиня мертвыхъ Нія. Судицы судили мертвыхъ и опредѣляли имъ нагороды. Когда еще запитіи сѣ обстоятельство, что во всѣхъ словенскихъ нарѣчіяхъ находится множественное число слова небо, яко: небеса и неба, то легко можно домыслитися, что Словене вѣрили въ большее число небесъ, въ которыхъ мертвыи по различнымъ степенямъ своего совершенства помѣщались.

Духъ и дѣла, въ словенскомъ языкѣ имѣютъ тое же само происхожденіе, что дуновение или отдыханіе. Предки наши воображали себѣ оживляющее существо человека въ дуновеніи, будто существо съ воздухомъ сходственно, и такимъ дѣломъ найтоншее, найнѣжнѣйшее. И яко воздухъ всякому созданію къ жизни конечно нуженъ: такъ имѣла въ немъ человѣческая душа наилучшее изъображеніе. Кромѣ того представляло себѣ душу въ подобіи птицы, которая опустивши тѣло мертвого, дотолѣ не имѣла сопокою, пока тоеже не сожжено или не похоронено. Воображано ю найчастше въ видѣ голубки, чего доказательствомъ есть именная надпись на гробъ польского короля Болеслава Храброго: *Nic jacet in tumba principis, gloriosa columba* (здѣсь лежитъ во гробѣ князь, славная голубка).

Дружба, гостепріимство и почитаніе старшихъ были всегда найкрасшими свойствами Словенъ. Другъ уважанъ былъ ровню яко родственникъ, и оттуду то до сихъ поръ сохранилось межъ Сербами, такъ зовимое побратимство, якого примѣра не встрѣчаемъ больше у жадного съ народовъ. Побратимство состоитъ въ томъ: двѣ особы познакомившись и полюбившись, даютъ себѣ торжественное приреченіе взаимной любви и помощи, и съ того времени стаются найвѣрнѣйшими, неразлучными друзьями во всѣхъ случаяхъ жизни. Такой другъ именуется „Побратимомъ въ Бозѣ.“ Такимъ дѣломъ побратимство уважается у Сербовъ за сродство по душѣ а не по крови, яко родня отъ Бога а не отъ человека, которая съ той причины должна быти неповрежденною, неоскверненною. Якъ мужчины, такъ и женщины завязываютъ межъ собою подобную дружбу, и такіи подружки зовутся „посестрими.“ О томъ обычаѣ починаетъ Талъви съ почестію и говорить

нежь прочии „У Морляковъ вознеслась дружба на нѣкій степень религійного освященія. Я былъ свидѣтелемъ, когда два дѣвѣнцы въ церквѣ въ Перузицѣ присягали себѣ посестримство. Давши себѣ торжественный образъ святое приреченіе взаимной дружбы, видно было, яка радость изъ очей тѣхъ посестримъ сіяла. Есть то доказательствомъ, якъ нѣжны чувства грѣются въ сердцахъ людей тѣхъ необразованныхъ.” Къ тому хорошій тотъ и священный обычай предрекаетъ слабому защити а опущенному помощь во всякихъ случаяхъ. Есть то безспорно найкрасшее свойство народа, доказывающее о искренномъ Словенъ челоуколюбіи и добросердечіи, и сожалемъ надъ тѣмъ дуже, что у нынѣшнихъ Словенъ съ изытіемъ Сербовъ изъ обычая того само только имя остало. Найстаршіи лѣтописцы хвалятъ такожъ гостепрїимство Словенъ, которое было такъ необмежено, что ради того ни нужденныхъ ни жебраковъ у нихъ не бывало, якъ о томъ говоритъ Гельмольдъ: „Не знаю благочестившого народа якъ Словенъ ради ихъ гостепрїимства. Когда кто изъ нихъ пригнетенъ болзнію или лѣтани, есть обязанностию родины взати его въ свое попеченіе. Дружба убо и любовь къ родителямъ есть у Словенъ найвысшимъ достоинствомъ. Для того нѣтъ у нихъ ни бѣдняка ни жебрака.” Гостепрїимство тое было столь необмежено, что во время работы выходя въ поле и не затворяя дверей, — бо ради сей благодѣтели не было у нихъ ни даже причини опасатись злодѣя, — оставляли хлѣбъ и сыръ на столѣ, чтобы путешественникъ, посящающій случайно ихъ хату, нашель нужное пропитаніе.

Почтеніе, якого дознавали старшіи кромѣ попеченія, было всегда соединено съ первоначаліемъ въ родинѣ, того ради бы-

ли старики начальниками родинъ и громадъ и въ томъ достоинствѣ исполняли разомъ домашніи богослужбении обряды.

Художество и умѣніе. Истуканы божищъ, отъ части до нынѣшняго дня сохранены, суть доказательствомъ, что Словене изъ давнѣхъ знали ваятельное искусство. Старинныи лѣтописцы удивляютъ часто красоту ваятельныхъ дѣлъ, якими обыкновенно украшаемы были стѣны храмовъ, и то доказываетъ, что Словене любовались въ ваятельномъ искусствѣ и привели оно къ значительному совершенству. Кромѣ того искусства любили Словене больше гудьбу и пѣніе, чувствуя въ себѣ особливый даръ и склонность къ тому хорошему умѣнію, якъ о томъ доселѣ свидѣтельствуеетъ неисчисленное множество народныхъ нашихъ пѣсней.

Письмо знали Словене уже во временахъ идолопоклонства, чего доказательствомъ само названіе священниковъ, которы для того звались кнезами, понеже разумли книги т. е. письмо, и содержащїися въ нихъ науки; и утверждаютъ даже преданія лѣтописцевъ, что законы свои на доскахъ писали. Якое однакожь письмо ихъ было о томъ не можемъ рѣшительно сказать, понеже не остало намъ изъ него нїякихъ памятниковъ. — Тѣмъ дѣломъ были у Словенъ книги и знаніе уже во временахъ поганства, и отъ того легко заключити можно, что они имѣли такожъ нѣкій родъ школъ, пишетъ бо Балбинъ: „школа поганска была въ Будецѣ, чешскомъ городѣ въ Сланскомъ округу, недалеко горы Рипы. и къ той магической Зороастра школъ стремилась вся чешская шляхта (*ad hanc magicam et Zoroastris scholam tota properabat bohémica nobilitas.*) По преданію обучались въ тойже школъ такожъ Любуша и Преиисль.

О образѣ жизни Словенъ упомина-
емъ лишь коротко, что они преимущественно
занимались земледѣліемъ и скотопаше-
ствомъ. Торговля однакожь процвѣтала у
нихъ уже передъ введениемъ Христіанства
и посредствомъ ней воздвиглись великіи го-
рода. Такожъ рудокопнею занимались древ-
нии Словене, но тую въ большей части усту-
пали чужинцамъ. Надовсе однакожь не лю-
били войны, хотя въ нуждѣ доказывали
свою храбрость, именно, когда шло о за-
щитиніе отечества. У нихъ не было бжи-
ща войны, якъ у иныхъ народовъ; бо Сло-
вене были преимущественно земледѣльскимъ,
миролюбивымъ народомъ.

Гл. II.

МАЧИХА И ПАННОЧКА.

Украинская повѣстка.

V.
(Конецъ.)

Раненько встала Панночка, умылась сту-
денною водою, помолилась Богу и вы-
шла въ лѣсъ посмотреть на братей Ивановъ.
Утро было во всей красѣ: солнце ярко иг-
рало на росистой темной зелени дубовъ и
ясеней; сѣтковая тѣнь отъ вѣтвей ихъ рос-
кинулась по дорожъ; въ свѣжомъ воздухѣ
вѣяло вонями дикой мяты; сѣрый заяцъ ве-
село скакалъ межъ орѣшникомъ; птицы при-
вѣтствовали ясный день громкими пѣснями;
въ чаще лѣса свистѣли дрозды, стонали и-
волги; въ кустахъ пѣли малиновки, а весе-
лый кобчикъ, кружась надъ боромъ, рѣз-
кими криками своими будилъ дальнее эхо.
Якъ прекрасно всякое твореніе Божіе! хо-
рошъ бываетъ и лѣсъ.

Долго смотрѣла Панночка на дорогу,
теряющуюся между лѣсомъ — на дорожъ
никого не было; сумно стало Панночцѣ,
такъ сумно, что она хотѣла заплакать. Ажъ
тутъ — передъ нею, якъ изъ земли вырос-

ла старушка, въ синей юбцѣ, въ лаптахъ
съ посохомъ въ руку, съ кошникомъ и тык-
вою за плечами.

Вы вѣрно не разъ видѣли лѣтомъ та-
кихъ старушекъ; они идутъ со всехъ сто-
ронъ Руси поклонитися святынь Печерской
въ Кіевъ.

Подошла старушка къ Панночцѣ, и на-
чала просити милостыни.

— Ты вѣрно на богомолье? спросила
Панночка.

— Да, дитятко.

— А издалека?

— Охъ, издалека, мой свате, изъ са-
мого Харькова.

— И ты все пѣшкомъ идешь?

— Пѣшкомъ; я была больна, упира-
ла, и дала обѣтъ пойти до Кіева, теперь
Богъ помиловалъ, воднялась на ноги, до-
бреду якъ нибудъ; терплю и голодъ и жа-
жду. Вотъ вчера вечеромъ здѣсь въ бору у-
пала отъ усталости; да тамъ и ночь про-
вела.

— Ты голодна? пойдн ко мнѣ, я тебе
накормлю и успокою, сказала Панночка.

И скоро въ свѣтлой комнатѣ были по-
ставлены передъ старухою лучшіи яствія и
напитки. Панночка приглашала старуху по-
больше ѣсти.

— Нѣтъ, не хочу, мое дитятко, от-
вѣчала она: я сыта; пора мнѣ въ дорогу.

— Да останься, отдохни.

— Нѣтъ, я не выполню моего обѣта,
когда буду идти съ отдыхомъ и съ рос-
кошью. Прощай, мое дитятко, вотъ — на те-
бѣ на память золотый перстень; возьми его.

— Не хочу; Богъ съ тобою старушко!

— Возьми его, говорю тебѣ, не бу-
дешь каяться; тотъ перстень дала мнѣ моя
покойная бабка; опъ предохранитъ тебе отъ
всякого зла.

— Якій бы онъ ни былъ, я его не возьму; я не торговка, Господи прости, чтобы брала гроши за угощеніе.

— Яка упрямая, ну хоть надънь его, посмотри; якъ онъ заблеститъ на твоей хорошенькой ручцѣ!

Перстень горѣлъ якъ огонь. Пяночка взяла его въ руку, посмотрѣла и надѣла на палецъ — Пяночка была женщина!... Въ сей часъ ей сдѣлалось дурно, въ очахъ потемнѣло, грудь затрепетала тоскою, будто тяжелый камень лягъ на ню; она рвала перстень съ пальца, не тутъ — то было; якъ змѣя обвилася онъ около ей бѣлого пальчика; Пяночка пошатнулась и упала на землю.

— Теперь Пяня будетъ спокойна, проворчала въдьма, и вышла изъ свѣтлицы, свиснула не человѣчьимъ повистомъ, отъ котораго закрутился вихоръ на пыльной дорогѣ; схватилъ вихоръ скверную бабу въ свои объятія, прикрылъ ю пескомъ и листьями, и выше бора, стоячого понесъ на хуторъ Пяна.

Ей, нечестая сила розыгралась, говорили братья Иваны, подѣзжая къ своему дому, когда увидѣли летящій черный столбъ вихря. Они слѣзли съ коней, и привязавъ ихъ, пошли въ свѣтлицу. Тамъ лежала мертвая Пяночка; она была также хороша якъ и живая, румянецъ не сбѣжалъ со щекъ ея; опущенныя ресницы, казалось такъ и поднимутся, такъ и засвѣтятъ изъ подъ нихъ два блестящія очка; а безъ дыханія лежала она; надармо братья будили ю, — она была безответна, безжизненна.

Опустивши руки, поникнувши головами, стояли Иваны передъ Пяночкою.

— Надармо мы склякали добрыхъ молодцевъ, говорили они; теперь мы не можемъ выполнить даннаго слова, якъ честными православными, козаки: мы поклялись или умерти или унизили передъ очами нашей

гостыни ей злую мачиху; теперь Пяночка умерла, и намъ остается умерти и тѣмъ выполнить свое слово. А якъ хороша она и по смерти! Мы ю не похоронимъ въ землю — жаль будетъ такую красоту засыпати сырымъ пескомъ; мы ю положимъ въ стеклянный гробъ и накроемъ гробъ хрустальною крышкою; мы ю поставимъ подъ открытымъ небомъ — да соловій перелетомъ полюбуется на красоту, и запоетъ про ню, соловку пѣсню! Да солнце, съ высоты смотря на ню, захочетъ заткати такими цвѣтами широкіи луга! Якъ хороша она будто живая! говорилъ Ивасы, закрывая раковъ хрустальною крышкою, и слезы сбѣжали по ихъ загорѣлымъ лицамъ.

Четыре наездники — Козаки, закалены въ войнѣ, у которыхъ не исторгли бы ни одной слезы, ни вздоха ніякіи пытки въ Варшавѣ или въ Крымскомъ полону, которыи умѣютъ умерти съ усмѣхомъ, проклятая своихъ враговъ, тѣ люди рыдали передъ трупомъ дѣвочки!

Недаромъ въ Сѣчи не было ни одной женщины.

Далеко надъ Днѣпромъ есть непроходимая пуща: клены, дубы и яворы роскинули тамъ въ розныи стороны свои вѣтви, переплели ихъ, перепутали и составили одну свѣжую, зеленую стѣну. Топоръ дровосѣка никогда не стучалъ еще въ той пущѣ; она не слышала выстрѣлу стрѣльца. Въ томъ лѣсу есть небольшая поляна, трава якъ шелкъ розлагается по ней, а посерединѣ растетъ дубъ великанъ, дѣдъ дубовъ Кіевскихъ; десять людей взявшись за руки едва обнимутъ грубый его пень; подъ тѣню вѣтвей его укроется отъ дождя сотня козаковъ съ вѣрными конями. На томъ дубѣ стоитъ стеклянный гробъ, въ гробѣ лежитъ Пяночка; надъ дубомъ на всѣ четыре стороны бѣлого свѣта роскинулись мертвыи тѣ-

ла братьей Ивановъ. Умерли добрыи козаки, своими върными саблями сами убили себе и сдержали свое слово.

IV.

Летитъ время, летитъ быстрое — не остановишь его, не умолишь. Осъдай, козаче, черкесского скакуна; несись, козаче, по степи! Любо тебѣ! соколы остаются за тобою, а время быстрѣе отъ тебѣ. Пожалѣй, козаче, доброго коня, дай ему перевести духъ. Ты остановился, а время ушло впередъ, и никогда не догонишь его.

Ждутъ люди весны: пришла она цвѣтущая; когда бы скорѣе лѣто! вотъ и лѣто шумитъ жатвою: скоро ли созрѣютъ плоды? и осень несетъ вамъ румяныи плоды. Плоды хороши, но якъ же пусто въ природѣ, пора бы снѣгу — явился снѣгъ. Несносная зима! скоро ли ты минувешь, скоро ли будетъ весна?... Такъ бѣгутъ годы — и мы все недовольны. Смотримъ завистливо на будущее: тамъ есть чтось такое, тамъ чериѣтъ точка. Вотъ она растетъ, близится, вотъ она передъ нами: темный гробъ! И человекъ не успѣлъ оглянутиса, якъ прошелъ путь жизни.

Пролетѣли пятьдесятъ лѣтъ со времени смерти Паниочки. Пятьдесятъ лѣтъ; полвѣка, жартъ ли?... О, якъ скоро прошли они: несчастный ихъ не пережилъ, счастливцевъ ихъ не замѣтилъ! А Паниочка все лежала въ хрустальномъ гробѣ также хороша. Днемъ надъ поляною вились лѣсныи орлы, и перекликаясь въ небѣ, любовались чудною смертію козаковъ; почью соловѣй садился на зеленой вѣтвѣ надъ гробомъ и, до восхода солнца, въ звучныхъ пѣсняхъ розсказывалъ тѣнному бору о красотѣ Паниочки.

Въ то время у воеводы Кіевскаго Черноуса былъ молодой сынъ красавецъ. Высокій ростъ и черныи кудры, смѣлая постава, пріятная бесѣда, дѣлали его замѣ-

нымъ между весьма молодыми Кіевлянами. Никогда куля его не пролетала въ синемъ небѣ мимо быстрого сокола; ни одинъ конь не смѣлъ вольничати, когда рука Черноусенька управляла нимъ. Цѣлый былъ бы козакъ, говорили добрыи люди, но загубить отецъ сына: къ чему онъ учить его во всякихъ наукахъ?

А якъ сядетъ бывало на коня Черноусенько, и поѣдетъ прогулятися межъ народомъ — вы никогда бы не сказали, что онъ такіи грамотный: такъ красивый, такъ ловкій, такъ удалий! Посмотрите, вотъ онъ съ добрыми товарищами выезжаетъ на охоту. Конь подъ нимъ такъ и дрожитъ, такъ и пышетъ, взвился на дыбы, скочилъ въ сторону — сидитъ Черноусенько, якъ гвоздемъ прикованныи, только червоная кита козацкой шапки закружилась въ воздуху. Почуялъ конь на себя доброго съдока и гордо пошелъ по Кіевскимъ улицамъ. Подлѣ Черноусенька ѣдутъ его товарищи; и они храбрыи козаки, и у нихъ кони черкесскіи, и они хороши, но такъ, якъ звездочки передъ свѣтлымъ місяцемъ.

Помалу вхалъ сынъ воеводы съ своими товарищами; легкая пыль кудрявою волною разбѣгается по слѣдамъ ихъ. Ихъ оружіе блеститъ золотомъ и дорогими каменьями. Любо было посмотреть на нихъ; люди снимаютъ шапки и почтительно кланяются, дѣвочки смотрятъ изъ оконъ. Вотъ выехали козаки за городъ, поворотили по берегу Днѣпра... Ажъ тутъ выстрѣлилъ сынъ воеводы за дикою козою: раненная коза кинулась въ чашу лѣса, стрѣльцы за нею, а лѣсъ стаетъ все густѣйшій, коза скачетъ все быстрѣе. Уже всѣ товарищи Черноусенька остались на задѣ; того скинула грубая вѣтвь изъ сѣдла; тотъ упалъ съ конемъ въ лѣсный оврагъ, тотъ, якъ въ сѣти запутался въ дикій хмѣль и терновникъ;

одинъ Черноусенько скакалъ по слѣдамъ раненой козы, но лѣсъ ставался все густѣйшій и густѣйшій. Вотъ уже конь совсѣмъ зашелъ въ густвину, а тутъ терновникъ колесть его въ морду; онъ кидается въ сторону, а коза уже далеко въ переду. Соскокнулъ Черноусенько съ вѣрнаго коня, выхватилъ саблю и побѣжалъ за добычею, бѣгалъ долго и выбѣжалъ на поляну.

На полянѣ, середѣ зеленого ясного лужка, стоялъ дубъ. на дубѣ блестялъ стеклянный гробъ, подъ дубомъ лежали четыре человѣческія остовы. Видно было, что давно они лежатъ здѣсь; по бѣлымъ костямъ ихъ вились лѣсныя цвѣты и зеленая трава. Кривыя козацкія сабли были въ рукахъ остововъ. Подошелъ Черноусенько къ стеклянному гробу, взглянулъ на него, и опустилъ руки. А коза давно уже исчезла; въ первый разъ ушла добыча послѣ выстрѣла воеводскаго сына.

Скоро пріѣхали и товарищи Черноусенька, сняли съ дуба стеклянный гробъ, и поставили на зеленой муравѣ. Прекрасная, якъ ясная зоря, лежала въ немъ Панночка, румянецъ игралъ на ея лицу; губки, казалось, такъ и усмѣхнутся, такъ и заговорятъ; она сложила на груди крестомъ руки, на указательномъ пальцѣ правой руки ея горѣлъ перстень.

Хорошо, что зналъ Черноусенько всякія науки! Только взглянулъ онъ на перстень, тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло, сказалъ якинсь ученныя слова, схватилъ перстень съ руки Панночки, и кинулъ его на землю: где прокотился онъ, тамъ трава выгорѣла, тронулся дерева, дерево засохло.

Тихо открыла Панночка очи, поднялась изъ гроба и сказала: „якъ долго спала я!“ Тутъ... тутъ я не скажу ничего; я не былъ съ Черноусенькомъ въ то время, я менѣ

никто не розсказывалъ, что тамъ говорилось и дѣлалось.

Вечеромъ Панночка уже сидѣла въ домѣ воеводы. Воевода и сынъ его ласкали Панночку и выпытывались ю, и кормили яствами, и поили напитками, а козакъ на быстромъ скакунѣ летѣлъ уже далеко отъ Кіева, въ хуторъ старого Пана — кликати его на радость великую и просити благословенія на сватьбу дочери съ воеводскимъ сыномъ.

VII

Якъ ты красивъ, старинный Кіевъ! добрый городе, святой городе! якъ ты красивъ, якъ ты свѣтлый, мой сѣдый старику!

Что солнце между планетами, что князь между народамъ: то Кіевъ межъ городами. На высокой горѣ стоитъ онъ, опоясанъ зелеными садами, увѣнчанъ золотыми маковками и крестами церквей, словно святою короною; подъ горою широко разбѣжались живыя волны Дняпра — Словутницы. И Кіевъ и Дняпръ разомъ: Боже мой, яка роскошь! Слышите вы, добрыи люди, я вамъ говорю про Кіевъ, и вы не плачете отъ радости? Вѣрно вы не Русины.

А сколько тамъ церквей, сколько въ нихъ богатства! Войдите хоть въ Соборъ Софійскій — а тутъ толпа народу: тутъ поютъ, вѣнчаютъ. Но ничего дѣлать: въ другое время мы съ вами розсмотрѣли бы церковныя рѣдкости Кіева, и гробницу Ярослава и мозанку Греческую, и много, много — а теперъ поглядимъ на сватьбу.

Церковь горитъ въ огню отъ множества свѣчей. Священникъ вѣнчаетъ Черноусеньку съ Панночкою. Кругомъ толпятся родственники. Недалеко отъ алтаря стоитъ старый Панъ; онъ бѣленькій якъ снѣгъ; преклоняя дрожащія колѣна, онъ благодаритъ Бога, что далъ ему увидѣти дочь еще разъ и въ таковое счастливое время.

Когда молодыи поцѣловались, въ церквѣ раздался глухой стонъ, и якаясь женщина упала на землю — то была старая Пана. Пятьдесятъ лѣтъ сняли съ лица ей красоту и свѣжесть молодости, и провели на немъ рѣзкіи морщины; она не могла перенести красоты и счастья своей пасербицы, когда сама была дряхлою старухою. Пана упала на землю — и умерла отъ зависти.

А въ Кіевѣ долго еще въ ту ночь гремѣли веселыи свадебныи пѣсни, долго горѣли огни, долго еще пировали добрыи люди; но пѣсни постепенно умолкали, огни одинъ за другимъ погасли, все утихло, заснулъ Кіевъ... только у подошви его лннво протекаетъ Днѣпръ, и надъ святыми церквами идутъ себѣ обычною дорогою Божіи звездочки...

Е. Гр.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ О КОРОНѢ СВ. СТЕФАНА.

Корона Угорскаго королевства, найденная недавно вразѣ съ иными королевскими знаменами коло Старой Оршавы, сталась ннмѣ предметомъ всеобщаго вниманія. Здѣсь предлагается почт. Чпт-телямъ нашнмъ короткое описаніе и нѣкоторыи историческіи извѣстія о сей драгоценной памятникѣ.

Корона тая состоитъ съ двохъ, внѣшннмъ видомъ и вѣкомъ, различающнхся частей. Нижняя часть, составлена съ довольно широкаго золотого обруча, называется латинскою; верхняя, представляющая золотую круглую митру приправлену къ ннжней части, есть греческаго происхожденія и носить имя греческой. Средиъ дорогнхъ камней, хорошихъ образковъ и надписей находится на пей такожъ тая замѣчательна греческо-словенская надпись: *ΓΕΩΡΓΙΩΣ ΠΙΣΤΟΣ ΚΡΑΝΗΣ ΤΟΥΡΚΙΑΣ* т. е. Геобницъ (Гейза) вѣрный король Турціи. Корону латинскую, опредѣленную сперва для польскаго короля Мечислава, прислалъ папа Сильвестеръ II угорскому королю Стефану 1000 года, когда тотже принялъ имя и достоинство христіанскаго короля. Корону греческу подарилъ греческій Царь Михаилъ Дукасъ угорскому воеводѣ Гейзѣ 1075 г., который выправившись съ королемъ Шаломауномъ противъ Грекамъ, об-

ходился съ греческими плѣнниками весьма ласкаво и получилъ за то оный драгоценный даръ. Гейза короновался нею того же года, однакожъ не присвоивалъ себѣ имени короля. Якъ и когда были обѣ короны во едину совокуплены, о томъ нѣтъ вѣрныхъ извѣстій.

Въ первыхъ вѣкахъ Угорскаго королевства соблюдало корону тую въ Стольномъ Бѣлоградѣ (Стульвайсенбургу), где и королей короновано; позднѣйше перенесено ю до Вышеграда, славной словянкой крѣпости надъ Дунаемъ. По смерти Андрея, послѣднаго короля съ родины Арпадовъ 1301 г., позволила одна часть угорскихъ вельможей на королевскій престолъ чешскаго короля Вячеслава II, который, не принявши самъ короны, наклонилъ вельможей къ выбору своего 12 лѣтнаго сына Вячеслава, и тотъ коронованъ былъ 1301 г. въ Бѣлоградѣ. Понеже однакожъ противная сторона народа избрала Неполитанца Карла Роберта за угорскаго короля: вернулъ Вячеславъ II съ сыномъ и оразъ съ короною до Праги, где оставала она до его смерти, с. е. до 1305 г. Сынъ его Вячеславъ III уступилъ право на угорскій престолъ Баварскому Оттону, и по уговору отдалъ ему корону св. Стефана и прочія драгоценности. Понеже однакожъ австрійскій воевода Рудольфъ былъ соперникомъ Оттона: то принужденъ былъ Отто вхати ннмо австрійскіи предѣлы до Угоръ потайно, и при томъ случаѣ сокрыто корону въ деревянную скринку и привязано у сѣдла коня. Прибывши счастливо до села Фишаменту (пониже Вѣдны), замѣтилъ къ своему сожалѣнію Отто, что скринка съ короною где то въ дорогѣ потерялась. Сейчасъ выслалъ онъ за нею своихъ дворнягъ, которыи нашли ю по одноподлинной протѣднѣ въ болотахъ. Вскорѣ потомъ прибылъ Отто съ короною до Бѣлограда и тутъ короновано его сего же года съ веледѣльнымъ торжествомъ. Г. 1307 выбрался Отто до Семиграда за свою невѣстою, дочерью тамошняго воеводы Доброгоста, а для безпеченства взялъ съ собою и королевскую корону. Но Доброгостъ присоединился межн тѣмъ къ сторсѣ Карла Роберта, поймалъ и увязнилъ Оттона, и отобралъ ему корону, которую, однакожъ, понеже самъ надѣлся остати королемъ, не выдалъ Роберту, такъ что для коронованья сего послѣднаго въ 1308 г. нужно было сдѣлати новую корону. Послѣ продолжительныхъ договоровъ отдалъ наконецъ Доброгостъ корону св. Стефана, которою короновано потомъ Карла Роберта: по другій разъ дня 27 Авг. 1310 г.

Съ той поры сохраняема была корона св. Стефана до 1440 г. въ Вышеградѣ. По смерти короля Альбрехта приказала вдова его Елисавета короновати нею въ Бѣлоградѣ 1440 г. рожденного по смерти отца, своего сына Владыслава Постума. По коронаціи отѣхала она до Вышеграда и привезла сюда вмѣсто правдивой короны якуюсь поддѣлянну. Съ той причини короновано потомъ польского короля Владыслава въ Бѣлоградѣ иною короною, именно тою, которою увѣнчана была голова похороненного въ Бѣлоградѣ короля св. Стефана. Меж тѣмъ увезла королева Елисавета корону до Вѣднѣ, где г. 1440 дня 24 Авгус. заставила ю за 2500 червонцевъ Царю Фридрику IV на два лѣта. Черезъ 24 лѣтъ имѣлъ Царь Фридрихъ корону въ своей власти, ажъ наконецъ отдалъ ю 1463 г. въ слѣдствіе заключенного мира посламъ угорского короля Матеемъ Корвина, которы отнесли ю сперва до Шопрону, потомъ до Будина, а 1464 короновано нею въ Бѣлоградѣ короля Матеея. Сей король приказалъ корону тую хранити въ Вышеградѣ, где оставала она подъ защитою двоухъ коронныхъ наблюдателей ажъ до несчастной битвы подъ Могачемъ 1526 г.

Въ то время были коронными наблюдателями І. Заполій и Петръ Переній. Въ войнѣ, котора веле-на была о угорскую корону межъ Фердинандомъ І. и І. Заполіемъ, попалась она въ руки послѣдняго, который нею вѣнчался. Но когда преможенный Заполій уѣхалъ въ Польшу, передалъ Переній корону Фердинанду І, и получилъ оную по его коронаціи снова подъ свою охрану. Переній не сложилъ корону въ Вышеградѣ, но держалъ ю у себе; вскорѣ потомъ одязкожъ вторгнулъ турецкій султанъ Сулейманъ вооруженною силою въ Угорщину, а Переній бѣжалъ съ короною изъ своего города Шивлоша до Капошвару. На пути, подъ часъ ночлягу въ селѣ Кайдачѣ, напалъ Перенія одинъ приверженецъ Заполія, именемъ Серечень, поймалъ и отдалъ его вразѣ съ короною начальнику Заполійцевъ, Банѣю а тотъ Сулейману. Сулейманъ отослалъ по нѣякомъ времени корону поддьяному себѣ королю Заполію, по которого смерти отдала вдова его Исабела 1551 г. сію драгоценность Фердинанду І. а тотъ повезъ ю съ собою до Вѣднѣ. Съ наследникомъ его Рудольфомъ II. пришла корона та по другій разъ до Праги, где оставала ажъ до 1608 г. Царь Матеей взял ю потомъ съ собою на коронацію до Прессбурга, и приказалъ ю здѣсь хранити; но и тутъ не было для ней по-

кой. Въ году бо 1620 добылъ Гявр. Бетленъ Прессбургъ и возилъ ю съ собою чрезъ два лѣта то до Банской Быстрицы, то до Ечеда и наконецъ до Кошицъ. Послѣ заключенного въ г. 1622 мира межъ Фердинандомъ II и Бегленомъ, принялъ отъ послѣдняго корону Варадинскій епископъ во имени Царя; потомъ отдано ю подъ охрану Перенію, который отвезъ ю сперва до Тренчица, потомъ до Шопрону, наконецъ же до Прессбурга. Во время чятеки Ракочія перевезено ю г. 1945 на короткое время до Рабу, потомъ до Вѣднѣ. Во время славного сойма 1697 г. пришла она назадъ до Угорщины, и по коронаціи Іосифа І. рѣшено соимовымъ указомъ: «дабы корона сія въ будущемъ всегда хранима была въ угорскомъ краѣ и то подъ защитою двоухъ наблюдателей.» Въ позднѣйшемъ времени перенесено ю съ Прессбурга до Будина, который то городъ стался именно по смерти Іосифа II хранилищнымъ мѣстомъ короны св. Стефана.

Въ г. 1849, по розогнаніи малярскихъ возстанцевъ, взялъ начальникъ ихъ Кошутъ, королевскіи драгоценности съ собою и когда, пришедши на волошко-турецкую границу, узналъ, что Турки на своей земли отбирають отъ бѣглецовъ малярскихъ все уносимое ими ерарное австр. имѣніе: то рѣшился онъ сокрыти ихъ на угорской земли. Кошутъ ушелъ, и драгоценности пропали; но поиски за ними продолжались отъ того времени безпрерывно именно въ окрестностяхъ Старой Оршавы, где Кошутъ на нѣсколько дней передъ своимъ бѣгствомъ сдерживался. Дѣло тоо позучено н. к. майору-аудитору Каргеру, который употреблялъ все время на то, дабы якъ наилучше познать мѣстоположеніемъ старо-оршавскихъ окрестностей. На весну 1853 г. обратилъ онъ все свое вниманіе на одно усторонье въ поближій холма зовимаго Аліономъ, которое, будучи зарослое хащами, плющомъ и деревьями, казалось ему тѣмъ единымъ мѣстцемъ, где бѣглецы могли выгодно похищенный скарбъ укрыти. Онъ уважалъ, что коло деревья лежали отрубленными вѣтви, что деревья обдерты были где куда изъ коры; къ тому найдено въ тѣхъ мѣстахъ хорошій ключикъ отъ кишеньковыхъ часовъ и рукоятку отъ сокиры, съ чего заключилъ онъ, что тутъ рубалъ можетъ явій чело-вѣкъ изъ высшего общества сокирою. При томъ положено мѣстце сіе такъ, что множно къ нему легко достатись отъ турецко-сербской стороны Дунаемъ. Тѣмъ обстоятельствомъ побудили майора Каргера предпріяти въ тѣхъ мѣстахъ точнѣйшіи поиски. Дня

6 Сентября приказалъ оныя разкопывать землю и у другого прикова на дни 8 Сент. о 8 годичнъ ударила мотыка одного выробишка о желѣзную раковъ, хранилище реченныхъ драгоценностей. Въ ракъ лежалъ на верху плащъ св. Стефана, весь промоченый отъ влаги, но еще не истлѣвшій. Подъ плащемъ находились три шелковыя подушки, на которыхъ ношено знамена королевскія. У споду найдено два шелковыя чулка (пончохи), поясъ, черевички и бахрамы (френзы) промочены и истлѣвши; въ кутѣ на правомъ боку стояла скринка съ короною, совсѣмъ ненарушеною, подлѣ ней скипетръ тоже испскаженный, мечъ значительно заржавѣлый и державное яблоко немного чернѣлое.

Корону св. Стефана и прочія драгоценности привезено дня 19 Сент. до Вѣднѣя, где приготовлено было для пріятія ея особенное вельѣпное горькество. Его Величество, нашъ милостивѣйшій Монархъ, осмогривая ихъ въ присутствіи дворской свиты и многихъ достойниковъ, зарекъ при томъ случаѣ, что драгоценныя намятки тѣмъ отвезены будутъ на знакъ Его довѣрія къ преданности всего угорскаго края назадъ до Будина и тамъ предадутся подъ охрану Его п. Высочества, Краевого Начальника, Архикнязя Альбрехта. Въ слѣдствіе того изреченія отвезено ихъ дня 21 Сент. до Будина, который съ того времени стался снова хранилищемъ многымъ сихъ найдорожнихъ для всякаго угорскаго жителя достопамятностей.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

— Отъ 16 с. м. начался въ Львовскихъ школахъ зимовый курсъ научныхъ преподаваній. Наибольше учениковъ вписалось до академической гимназіи, межъ тѣми же значительно большее число Русиновъ, для которыхъ преподаваетъ „религіиуну Науку“ катехигъ г. М. Малиновскій. Въ VII и VIII классу двохъ здѣшнихъ гимназій преподаваетъ „русскій языкъ и литературу“ профессоръ Львовскаго всеучилища, г. Я. Головацкій, въ 6 низшихъ классахъ академической гимназіи обучаетъ въ русскомъ языкѣ г. Ю. Волощакъ а въ Доминиканской г. И. Гушалевиць, который преподаетъ во всѣхъ классахъ тойже гимназіи такожъ „религіиуну науку.“ Науки въ недѣлю и свята читаетъ для Русиновъ въ 4. высшихъ классахъ академ. гимназіи г. Малиновскій въ 4 низшихъ г. Волощакъ, во всѣхъ же классахъ Доминиканской г. Гушалевиць.

— Директоратъ академической гимназіи, во Львовѣ издаетъ при концѣ каждаго школьнаго го-

да брошюрку подъ заглавіемъ „Програмъ ц. к. акад. гимназій,“ въ которой помѣщаются бывають ученыя статьи, составляемыя ея профессорамъ и „школьными извѣстія.“ Въ минувшемъ году читали мы въ такомъ Програмѣ любопытную статью „Первобытная Исторія Словенъ,“ написану въ нѣмецкомъ языкѣ І. Жуковскимъ; сего же года наслаждаемся основательнымъ изложеніемъ „Слова о Полку Игоревѣ.“ — Сочинитель оной статьи, проф. Я. Головацкій, вознамѣрилъ познакомити ближе съ тѣмъ драгоценнымъ памятникомъ нашимъ ученыхъ Нѣмцевъ, и предложивши содержаніе его яко и многимъ историческимъ и языкословнымъ замѣчанія, рѣшилъ свою задачу съ наилучшимъ успѣхомъ. Изъ „Школьныхъ извѣстій“ узнали мы, что с. 1853 было въ той гимназіи 482 учениковъ, межъ тѣми 66 Исраелинъ а 237 Русиновъ.

— Въ ц. книгохранилищѣ въ Петербургѣ нашли межъ книгами, писанными на восточныхъ языкахъ, арабскіи переводъ св. Евангелія, изданный въ Сиріи въ городѣ Алепо 1708 г. славнымъ козацкимъ Германомъ Иваномъ Мазепомъ. Книга та, подарована еще 1818 г. ц. библіотецѣ ученымъ К. Лазаревымъ, состоитъ съ 214 страницъ. Черезъ сіе долгое время не обращала она на себе ніякого вниманія; ажъ теперъ выдобылъ ю тамошній библіотекаръ изъ пыли забвенія и указалъ всю ея высокую цѣну.

— Въ Москвѣ печатается второе изданіе изряднаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Опытъ общесравнительной грамматики російскаго языка.“

— Сими днями вышла въ Празѣ „Всеславянская сравнительная грамматика“ Челяковскаго. Предисловіе къ ней и жизнеописаніе в. п. Челяковскаго написалъ П. І. Шафарикъ.

— Нѣсколько чешскихъ ученыхъ обществъ, именно к. Общество наукъ и Чешскій Музей получили отъ Его П. г. министра дѣлъ внутреннихъ Коляревое сочиненіе „Старо-Италія Славянска“ даромъ.

— Чешскій ученый, Іоаннъ Славомиръ Томичекъ составилъ „Грамматику російскаго и старочешскаго языка.“

— Въ Празѣ вышло недавно сочиненіе Небескаго подъ заглавіемъ „Краледворская рукопись.“ Находятся въ немъ весьма важныя замѣчанія о старинной словенской поэзи.

— Извѣстный собиратель русскихъ и польскихъ народныхъ пѣсней, И. Жегота Паули составилъ „Сравнительную грамматику староболгарскаго, нирскаго, русскаго, польскаго, чешскаго и

сербско-лужицкого языка." Сіе сочиненіе печатается современно у Ф. Баумгартена въ Краковѣ въ 4 Частяхъ, съ которыхъ каждая стоитъ будетъ 1р. ср.

— Выдѣль, составившійся въ Будинѣ въ цѣли воздвиженія памятника І. Голому, вознамѣрилъ издати „Полное жизнеописаніе“ того отличнаго словяцкаго пѣвца.

— Сербская литература обогатится незадолго изданіемъ многоважнаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Исторія Сербіи написанная послѣднимъ деспотомъ (владѣтелемъ) сербскимъ, княземъ Юріемъ Бранковичемъ.“ Князь Бранковичъ писалъ ю во время изгнанія своего въ Хебъ въ Чехахъ, где и житіе свое закончилъ. Рукопись его находится современно въ Патріаршей библіотекѣ въ Карловцахъ.

СЕДМИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Его Величество нашъ милостивѣйшій Монархъ благоволилъ изъ любви къ своему молодшему Брату Карлу Людвигу соизволити, чтобы тотже первое выступленіе на полѣ государственныхъ трудовъ сдѣлалъ въ коронномъ краѣ Галичинѣ и тутъ подъ нашимъ небомъ, въ дѣлахъ нашего края, при обычаяхъ и свѣчаяхъ нашего народа приготавлился къ великимъ подвигамъ, якимъ по званію высокаго достоинства Царскаго Роду высшая судьба совершила Ему опредѣлила. — Радоватись можетъ и повелѣчатись передъ иными краями царской короны наша Галичина, что воля всемилостивѣйшаго Монарха усмотрѣла въ ней впечатлѣнія, которыя достойны суть, дабы вкоренились въ юношеское сердце; и отъ насъ то зависло, чтобы весна младенческаго вѣка въ высокостойномъ нашемъ Гостю унесла въ потонную память наши благодѣтели, нашу преданность, благодарность и довѣріе наше къ Особѣ Царя и вседостойной Его Родины; въ нашей есть сила; чтобы воспоминаніе о насъ въ позднѣйшихъ дѣлахъ сплынуло благословеніемъ на край и дѣти наши за то, понеже мы знали высокопочтитаго благоволеніе всемилостивѣйшаго Владѣтеля, который нашему краю и попеченію нашего Намѣстника повѣряетъ найдорожшій скарбъ души — родного своего Брата!

— Отъ нѣсколькихъ дней присутствуетъ войсковымъ упражненіямъ на поляхъ подъ Голомуцомъ Его Величество, нашъ милостивѣйшій Монархъ. 24 с. м. надвѣялись тамъ также прибытія Его В. російскаго Царя, который, какъ возвѣщаютъ нѣкоторые

дневники, поѣдетъ потомъ изъ Голомуца мимо Галичину до Одессы.

ВСЯЧИНА.

— Г. Пти, директоръ звѣздари въ Тулузѣ, утверждаетъ, что видный недавно комета доспѣлъ 8 с. м. своей присолнечной точки. Дня 5. с. я. былъ онъ 27 миліоновъ миль отъ земли отдаленный. Скорость его бѣгу была такъ велика, что отъ 25 Августа до 2 Сентября совершилъ онъ 12 миліоновъ миль. Современна скорость таа еще увеличилась. Англійскій астрономъ Гиндъ ризчиталъ, что ядро его есть почти столь же великое, какъ наша земля; широта его хвоста выноситъ 50,000 миль и тѣмъ дѣломъ равняется разстоянію мѣсяца отъ земли; длину тогоже хвоста опредѣляютъ астрономы на 4 миліоны миль. — Изъ того урокумъеть каждый, что сей комета не принадлежитъ къ числу наибольшихъ и что скоротечность его не есть еще наибольшая. Астрономъ Гиндъ утверждаетъ даже, что наша земля проходила, кажется, не разъ сквозь долгій хвостъ яковаго комета и притягала къ себѣ его атмосферу безъ всякаго вреда для своихъ жителей, которыя иногда и не знали о томъ, что по надъ ними протасаетъ комета. — При томъ случаѣ извѣщаемъ, что еще въ мѣсяцѣ Маю с. года открыто сквозь телескопы въ Портѣ Нагаль великаго комета, о которомъ астрономы домышляются, что се будетъ тотъ самъ комета, егоче австріе предвѣщено на г. 1856. Есть то наибольшій изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи; г. 1264 сгнать пламенный его хвостъ на небѣ выше надъ 100 градусомъ.

— Недавно обдаровалъ російскій Царь одного 11 лѣтнаго хлопчика, Павла Фадеева 100 рублями за то, что оборонилъ своего молодшаго содутьника въ лѣсѣ отъ волка, которого билъ когустромъ по головѣ дотолѣ, пока не забилъ на мѣстѣ.

— Работы при будованіи желѣзной колѣи съ Бохны до Дебичи уже почти укомчены. Мосты на рѣцѣ Бѣлой и Дунайцѣ совсѣмъ готовы, а на Вислѣцѣ (выбудуются еще въ продолженіи сего мѣсяца.

— Какъ великое замѣлованіе имѣють Бельгійцы въ гульбѣ и пѣнію познати изъ того, что у нихъ существуетъ нынѣ 662 музыкальныхъ обществъ.

Извѣстія торговельныя.

— Въ первой половинѣ сего мѣсяца продавано на торгахъ въ Тернополѣ корецъ пшеницы по 5 р. 43 кр.; жита 4 р. 7 кр.; ячменя 3 р. 13 кр.; овса 2 р. 14 кр.; гречки 3 р. 53 кр.; кукурузы 3 р. 56 кр.; земляковъ 3 р. 16 кр. цетнаръ сѣна 52 кр.; волны 120 р.; настѣны конячины 16 р. ср.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣдѣньской дна 27 Септ.
 Ажіо и червонецъъ 15 1/2
 серебра 10 1/4

(Слѣдуетъ Число 30. „Поучоній Церковныхъ“ и „Возваніе къ предплатѣ на 3. четвертьгодіе.“)

Изданіемъ и типомъ Института Ставропигіянскаго.

Отвѣчательный Редакторъ *Богданъ А. Лядицкій.*

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается ежеседмично въ Середу два листы, по пѣтъ годовою въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверочною получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ПѢСНЬ РУССКОГО КОБЗАРЯ.

Шумитъ вѣтеръ дубравами,
Листъ желтѣетъ на древахъ;
Я стою подъ воротами
Съ русской кобзою въ рукахъ.

У мене подъ сердцемъ вьются
Пѣсни, думки прежнихъ лѣтъ,
И съ грудей якъ птичка рвутся
На гулянье въ Божій свѣтъ.

И слѣдя ихъ паренью
Иногда спѣваю я,
Такъ, по давнему ученю,
И якъ днесъ поютъ друзья.

Но не добро мнѣ ведется
И всѣмъ братіямъ — пѣвцамъ;
Съ вѣтромъ голосъ нашъ несется
И счезаетъ по лугамъ.

Лихо время; лучше было
Бандуристамъ въ древній часъ,
Люди ихъ пріймали нило,
Марно не счезалъ ихъ гласъ.

Предки наши любовались
Въ сказкахъ, пѣсняхъ Кобзарей,
Тожъ охотно проходились
Кобзари по Руси всей.

А теперь — во время ново —
Хоть охота есть у насъ,
И поемъ про то и ово, —
Никто не слушаетъ насъ.

Слово русское не вѣстъ
Салоновымъ воздухомъ,
Стара бесѣда не грѣетъ
И не платитъ золотомъ!

Горька правда; но, сѣ Богу!
Горько нашимъ Кобзарямъ,
Крестъ дають имъ на дорогу,
И не висмяютъ ихъ словамъ.

Такъ не дитъ, что молоды
Лирваки упали съ силъ,
Перервали пѣснь другія,
Лиру не одинъ разбилъ!

Бо якъ пѣти, якъ играти,
Коль слушателей все нѣтъ?
Якъ овощей намъ желати
Коль не дбаемъ и о пѣтѣ?

Намъ сіяетъ древня слава,
И подноситъ насъ къ тому
Царева рука ласкава —
Но мы предаемся сну!

Да не будетъ — страшно слово! —
Намъ погибель, слѣдство сна!
Пробудитъ же си на ново,
Къ дѣламъ зветъ насъ Отчина!

Да будемъ Домъ Народный
И русского Слова Храмъ,
А за трудъ нашъ многоплодный
Вѣчна слава будетъ намъ!"

Богданъ А. Д.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ВСѢХЪ СЛОВЕНСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

(Словенскіи народы: — Племена восточныя. — Племена западныя.)

Народы, которыхъ короткую Исторію Литературы вознамѣряемъ почт. Читателямъ нашимъ предложить, происходятъ, какъ и прочіи большіи народы Европы, отъ индійскаго племени и воселились межѣ морями Чернымъ, Балтійскимъ и Сѣвернымъ, по всему вѣроятію, въ VIII. или VII. столѣтіи передъ Рождествомъ Христовымъ. Первые достовѣрныя свѣдѣнія однакожъ имѣемъ о нихъ изъ середины VI. столѣтія. Около того времени перешла одна ихъ часть Дунай, поселилась по обомъ сторонамъ рѣки сей даже до адриатическаго моря. Съ того времени стали они извѣстны прочимъ европейскимъ народамъ подъ именемъ Венетовъ, Вендовъ, Славовъ, Славянъ, Словенъ, которымъ то послѣднимъ именемъ они сами себе дома называли. Уже тогда раздѣлены были они на больше племень съ различными именами, которыя отъ части изиылились, отъ части же всецѣло сохранились донныя. По изслѣдованію историковъ и филологовъ словенскихъ говорили древніи Словене однимъ языкомъ, но въ послѣдствіи времени раздѣлился тотъ языкъ на больше нарѣчій. Народъ, говорившій однимъ изъ тѣхъ нарѣчій, имѣлъ свое особенное имя и составлялъ собою одно цѣлое. Со времени введенія межѣ Словенами Христовой Вѣры начинается почти у всѣхъ словенскихъ народовъ, преимущественно же у народовъ восточнаго племени, ихъ письменная словесность.

Смотря на различіе нарѣчій и ихъ словесностей, раздѣлити подобаетъ нынѣшніи словенскіи народы на народы восточнаго племени и племени западнаго.

Къ восточному племени принадлежатъ:

1. Мало-Русскій народъ или Русины;

2.) Велико-Русскій народъ или Россіяне;

3.) Сербы и Хорваты, къ которымъ причисляются Босняки, Черногорцы, Словенцы, Далматы и Словѣнцы или Венды;

4.) Болгарскій народъ.

Къ западному племени принадлежатъ:

1.) Чехи, Моравяне и Словяки;

2.) Поляки или Лехи;

3.) Лужицкіи Сербы.

Намѣряя говорить о Исторіи литературы всѣхъ словенскихъ нарѣчій, начнемъ отъ исторіи словесности старословенскаго или такъ зовимаго церковнаго языка, который нынѣ не живетъ уже во устахъ ніякаго словенскаго народа, а только употребляется въ церковныхъ обрядахъ восточныхъ Словенъ, который однакожъ до нынѣшняго дня есть неизчерпаемымъ жерломъ найкраснѣйшихъ и найчистѣйшихъ словъ для всѣхъ его молодыхъ братій.

I.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ СТАРОСЛОВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Старословенскій языкъ.)

Древніи Словене говорили однимъ языкомъ; съ того однакожъ не слѣдуетъ, чтобы тѣмъ однимъ всѣхъ Словенъ языкомъ былъ такъ зовимый старословенскій или церковный языкъ, который во время введенія Христіанства могъ быти уже только нарѣчіемъ коего либо словенскаго народа. Яко такое нарѣчіе уважають его нынѣшніи знаменитіи изслѣдователи и знатоки словенскихъ нарѣчій, именно Калайдовичъ, Добровскій, Копитаръ, Шафарикъ и Микловичъ, которыя того ради не называютъ его матерью, а только старшою сестрою

всѣхъ нынѣшнихъ словенскихъ нарѣчій. Тѣ ученые мужи, хотя въ семь отношеніи согласны межъ собою: противорѣчатъ себѣ однакожь касательно вопроса: который словенскій народъ говорилъ тѣмъ церковнымъ языкомъ? Россійскій языковѣдъ Калайдовичъ приписывалъ его Словякамъ, разъ по согласію грамматическихъ видовъ, во вторыхъ, понеже Словяки принадлежали когда-то къ великому Моравскому Царству, где Кириллъ и Меѳодій найдолше пребывали и учили. Добровскій называетъ его сербско-македонско-болгарскимъ нарѣчіемъ, употребляемымъ за Кирилла и Меѳодія Словенами въ Фессалоніи, отечествѣ тѣхъ двоихъ словенскихъ апостоловъ. Копитаръ согласился сперва съ его мнѣніемъ, но потомъ нарекъ церковный языкъ нарѣчіемъ Словѣнцевъ или Вендовъ въ Каринтіи, где именно была діецезія Меѳодія. Шафарикъ склонялся сначала ко мнѣнію Копитара, но послѣ основательнѣйшихъ изслѣдованій опредѣлилъ старословенскому языку отечество въ Болгаріи. Наконецъ Миклошичъ *) совокупляетъ мнѣнія трехъ послѣднихъ ученыхъ во едино, и утверждаетъ, что церковнымъ языкомъ говорили южныи Словене отъ Фессалоніи даже до Каринтіи, и тверженіе свое основываетъ на великомъ согласіи болгарскаго, сербско-хорватскаго и словѣнскаго нарѣчій со старословенскимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повѣсть.

I.

Знаете ли вы Пирятинъ?

„Пирятинъ, при рѣцѣ Удаѣ, уздний городъ Полтавской Губерніи; въ немъ

*) Въ лекціяхъ „О лѣтописи и житіи Нестора,“ преподаваемыхъ имъ въ Вѣднскомъ всеучилищѣ 1851 г.

5.700 жителей, 5. деревянныхъ церквей, 28 вѣтренныхъ мельницъ и 4. ярмарки, на которыхъ пріѣзжаютъ купцы со всякимъ товаромъ изъ соседнихъ городовъ, а съ Дону привозятъ рыбу.” Такъ стоитъ въ которой-то школьной книжцѣ.

Но вы изъ того еще не узнали Пирятинъ. Передъ нѣсколькими сотами лѣтъ, Пирятинъ былъ красивый, сильный, богатый городъ въ украинской Гетманщинѣ. Широко и далеко раскидался онъ по скату горы надъ Удаею; часто сверкали кресты церквей межъ его темными, зелеными садами; шумны были его базары; на нихъ громко гремѣли вольныи бесѣды, бряцали сабли и пестрѣли козацкіи шапки и жупаны; польскіи купцы привозили туда тонкіи сукна и бархаты; Пѣжинскій Грекъ выхвалялъ свои восточныи товары: то сверкалъ на солнцу остріемъ кинжала, то оберталъ долгую ручищу, окованную серебромъ; межъ тѣмъ, на сторонѣ раздавалась скрипка, звенѣли цымбалы, а захожіи Запороженцы выплясывали въ присяку, поднимая вокругъ облако пыли; порою, якъ пламя, вырѣзывалась изъ пыли червоная его куртка, порою выглядывало дьявольски-страшное лице, съ поднятыми къ верху усами, съ чернымъ чубомъ, въющимъ на бритой голивѣ, и опять все исчезало въ вихрѣ танца... Народъ шумѣлъ, плескалъ въ долони; громкій хохотъ далеко раздавался по базару... Было весело!...

И самъ Удаѣ, говоритъ преданіе, былъ прежде ширшій, глубочайшій и многоводнѣйшій; на мѣстѣ трясавицъ и болотъ, на которыхъ теперь городскіи Паничи стрѣляютъ за куликами и водяными курочками, тогда шумѣли и бѣжали быстрыи волны; Удаѣ, говорятъ, такъ былъ тогда широкій лѣтонъ, якъ теперь весною во время полноводья, — а во время полноводья красивый старикъ Удаѣ, онъ воскресаетъ разомъ съ

природою, молодится и кипитъ и хлещетъ волнами о берегъ, якъ розгульный козакъ!

Быль, которую вамъ розкажу, случилась въ Пирятинъ — не то двѣста, не то триста лѣтъ назадъ. Городъ былъ по правомъ берегу Удая подъ горою; на горѣ тягнулись долгимъ рядомъ вѣтренныи мельницы и виднѣлись два небольшіи землянныи укрѣпленія; тамъ день и ночь стояли сторожевыи козаки; въ серединѣ города, у самого берега рѣки, былъ замокъ — крѣпость, обведенная высокими валами; на валу стояли пушки, всегда готовы встрѣтити незваныхъ гостей; въ крѣпости хранились военныи снаряды и была церковь, въ которой лежалъ войсковый скарбъ и касса; во время набѣговъ сносили туда жители свои драгоценности.

На противоположномъ берегу Удая, въ дубовомъ гаю, стоялъ бѣлый каменный домъ, построенный на польскій ладъ; домъ принадлежалъ Лубенскому Полковнику Ивану. Прозваніе называетъ Полковника просто Иваномъ: и мы будемъ называть его Иваномъ. Не смотря на то, что Пирятинъ былъ старинный городъ, Полковникъ Иванъ дуже любилъ его, и часто, оставляя свои Лубны, проводилъ лѣто въ Пирятинскомъ загородномъ домѣ съ молоденькою дочерью Мариною.

Въ одну весну, Полковникъ пріѣхалъ въ Пирятинъ на печальный обрядъ, на похороны замкового протоіерея, Отца Якова. Вся козаки любили почтенного покойного старика: не разъ являлся онъ среди нихъ съ крестомъ въ рукахъ на стѣны замка, и подъ стрѣлами Крымцевъ и кулями Поляковъ, словами въры ободрялъ воиновъ, перевязывалъ раненыхъ, исповѣдывалъ умирающихъ... Вся плакали по Отцу Якову и просили Полковника назначити въ Пирятинъ священникомъ, на мѣсто покойного, сына его Алексѣя.

Сынъ Отца Якова учился въ Кіевѣ. Послали за нимъ гонца; и вотъ, пріѣхалъ въ Пирятинъ Алексѣй Поповичъ, красавецъ — юноша лѣтъ двадцати.

По его пріѣздѣ, случилось въ Пирятинѣ нѣчто достопамятное: красавецъ Алексѣй влюбился въ дочь Полковника Мариону. И они любили другъ друга страстно, якъ люди, выросшіи подъ строгою дисциплиною и готовы предатись всею полнотою души первому влеченію сердца... Они любили первую любовью, — и для того были счастливы, были достойны зависти другихъ.

Многіи почтенныи люди при словѣ „любовь“ дѣлаютъ удивительныи гримасы, будто розгрызутъ перецъ или услышатъ про чуму или холеру. Для насъ то непонятно. Ужь не изъ зависти ли то, почтенныи люди? Зачѣмъ скрывать, унижать, стыдиться самого лучшого, высокого чувства? Хотѣли бы мы знати, что больше способно облагородити, побудити челоуѣка къ самымъ великодушнымъ, безкорыстнымъ подвигамъ, если не любовь? А многіи ставятъ ю на ряду съ бѣлою горячкою; многіи не посоветятся кричати въ обществѣ, что любятъ пудя, ручницу, коня, а никогда не признаются въ любви къ подобному себѣ челоуѣку другого пола!

Не наша ли испорченность тому причиною?

Нѣкоторые уважаютъ за преступленіе даже взглядъ, верженный на женщину, взглядъ, исполненный тихимъ благоговѣйнымъ чувствомъ удивленія надъ ея красотомъ!...

Что бы вы подумали о обществѣ, въ которомъ каждый боится посмотрѣти на мошонку или капелюхъ своего пріятеля, чтобы не сказали другіи: стережитесь, онъ хочетъ украсти вашу мошонку, вашъ капелюхъ.

Время шло, а Поповичъ Алексѣй и не думалъ о посвященіи; мысли его были далеко отъ строгого сана: душа носилась въ чудномъ морѣ мечтаній любви; другой мысли. другому чувству не было мѣста; всюду она, волшебница, съ своими предестынными чарами, съ томительною тревогою и светлою надеждою... Иногда, бывало сидитъ Алексѣй въ саду подъ черешнею и читаетъ Цицерона: подармо воображеніе хочетъ перенестись въ многолюдное римское форумъ, где такъ грозно, такъ самонадеянно говоритъ великій витія. Кругомъ тепло, свѣжо, столько пріятности въ весенномъ воздухѣ: черешня тихо повѣваетъ бѣлыми пучками своихъ благоуханныхъ цвѣтовъ; тысячи пчелъ и другихъ насекомыхъ садятся, перелетаютъ, жужжать между цвѣтами; за садомъ плещутъ и ропшутъ тихія струи Удаи и рѣчный тростникъ нашептываетъ пріятную, успокоительную думу. Чудный отголосокъ великой музыки природы! Тихо хлопилась книга изъ рукъ молодого ученика, и на великолѣпное, громовое начало бесѣды Цицерона за XII. Таблица: „Хотя все дрожать, я скажу, что чувствую!“ онъ едва слышно отвѣчалъ: „люблю!...“ и вслѣдъ за тѣмъ словомъ мечта его кинула шумный Римъ и неслась къ Маринѣ. И вотъ она чудно — хорошая, явилась спокойною, опустивши долги рѣсницы; сладостное, невыразимое чувство благоговѣнія обвѣваетъ несмѣлого юношу: цѣлый бы вѣкъ смотрѣлъ на ню...! Но вотъ, она усмѣхнулась, открыла очи — будто небо роздвинулось передъ Алексѣемъ... Якъ бы отъ солнца, изъ огненныхъ очей падали ему на сердце лучи жизни и состорга!... Чудное видѣніе! наразъ: оно вскрылось! что — то легонько тронуло по лицу Алексѣя... глядитъ: онъ весь осыпанъ цвѣтами; гвоздики, розы, незабудки катятся съ него на землю; старика Цицерона при-

крылѣ полная, червоная роза; въ сторонѣ слышенъ тихій смѣхъ; изъ за живоплота жартобливо глядитъ черноокая, чернокудрая головка молодой цыганочки, служанки Марины; кланяется и исчезаетъ, звонко напѣвая извѣстную пѣсню:

„Барвиночку зеленевкій
Стелся низенько,
А ты милый, чернобривый,
Присунься близенько!...“

Почти каждого вечера, когда затихалъ шумъ въ окрестностяхъ Пирятина и свѣтлый мѣсяцъ, выходя на темно — синее небо, смотрѣлъ въ Удаю, тихо проплывала лодочка у самого берега передъ домою Полковника, и кто — то пѣлъ на ней пѣсни; голосъ пѣвца, томный, страстный, звучалъ, переливался, будилъ дальное эхо и исчезалъ постепенно, замирая въ отдаленіи.

„Не лихо постъ человекъ!“ скажетъ, бывало, Полковникъ, покуривая на крыльцѣ люльку.

„Такъ — себя!“ отвѣчаетъ Марина зарумянившись до ушей, а межъ тѣмъ, прислонясь къ рѣзному столбу крыльца, жадно слушаетъ знакомыи звуки; слезы восторга сверкаютъ въ очахъ ея, и она завидуетъ мѣсяцу, который съ высоты можетъ глядѣти на пѣвца и ласкати его своими лучами. — „Чему я не звездочка.“ думала Марина, если падучая звездочка катилась въ то время по небу; — „я бы слетѣла къ нему съ высоты, горя и сверкая любовью; а бы рассыпалась передъ нимъ яркими искрами и осветила путь моему козаку снагладному; его очи засвѣтились бы новѣмъ огнемъ — и умерти было бы весело...“

„Розспѣвались Пирятинцы въ нынѣшнюю весну; всѣхъ пѣсень не переслушаешь; пора спать!“ говоритъ бывало, Полковникъ.

Марина шла въ свою свѣтлицу, отворяла окно. Въ отдаленіи едва слышно роз-

давались звуки пѣсни; съ послѣдними отголосками ей слышалась жаркая молитва бѣдной дѣвочки о Алексѣю; пѣсни умолкали, — но долго еще Марина лежала на колынахъ передъ образомъ Богоматери, украшеннымъ цвѣточными вынками, и молилась, и плакала, сама не зная зачѣмъ.

II.

Судячи по теперѣшнымъ образованнымъ, милымъ снисходительнымъ Полковникамъ, неможно составить себѣ даже приблизительнаго понятія о Полковнику малорусскомъ времени Гетманщины. Въ немъ сосредоточивалась власть военная и гражданская цѣлой области; онъ былъ и военачальникъ, и судья, и правитель; онъ безгранично, безответно распорядился въ своемъ полку. Правда, право жизни и смерти было закономъ предоставлено Гетману; но нерѣдко Полковники нарушали тое право и даже карали самовольно преступниковъ. Кто смѣлъ жаловаться на Полковниковъ? — Одѣты въ серебро и золото, украшенные клейнодами, знаками своей власти, окруженные многочисленною вооруженною свитою, съ азиатскою пышностію являлись они передъ народомъ — в города и села преклонялись, уважая ихъ воинныя доблести и трепеща передъ ихъ властію. Въ народѣ воинственномъ, полудикомъ, иначе и быти не могло. Суровость, важность и гордость украинскаго Полковника XVI вѣка были разумною необходимостію.

Пышны, грозны, суровы были Полковники, но грознѣйшій и суровѣйшій изъ всѣхъ былъ Полковникъ Лубенскій Иванъ. Въ молодости, онъ славился между козаками упорствомъ и башеною отвагою въ сраженіяхъ, что тогда почиталось наибольшою добродѣтелью и доставило ему потомъ полковничье достоинство. Покойную жену свою онъ любилъ, и такъ дуже любилъ, но, счи-

тая неприличнымъ доброму козаку показывать какое — нибудь чувство, особливо къ женщинѣ, онъ обходился съ нею сурово, деспотически. „Баба — дрянъ!“ часто говорилъ Полковникъ: „ни силы, ни характера! Кобы были на свѣтъ однѣ бабы, давно бы ихъ всѣхъ перебили Татары. На что былъ Гетманъ Сагайдачный, добрая голова! а промѣнялъ жену за тютюнь да люльку, — и еще сложилъ пѣсню:

Менѣ съ жenkою не водиться,
А тютюнь да люлька
Козаку въ дорожѣ
Снадобится!...”

Въ Крымскомъ походѣ, Полковникъ Иванъ заболѣлъ на пропастицу. Ему не сохотѣли ѣсти рыбу, для того, что пропастица не любитъ рыбу. „Вотъ, хорошо!“ говорилъ Полковникъ: „еще жѣ женѣ уважати на бабскіи капризы! Пропастица баба, а а, благодаря Богу, козакъ.“ И три года жестокая пропастица мучила полковника, и три года постоянно онъ ѣлъ рыбу и раки, говоря: „увидимъ, кто выиграетъ?“ Такъ и было: къ удивленію всего полка, на четвертый годъ пропастица оставила упертого Полковника.

Не дивно, что покойная Полковница, не смотря на богатые парчевыя одежды, собольи шубы и альмазные ожерелья, которыми щедро дарилъ ю мужъ, все скучала, тосковала, сохла и въ молодости умерла, оставя маленькую дочь Марину.

Умирая, она горько плакала и просила мужа любить и лучше обходиться съ дочерью... „Ты никогда ни въ чемъ не вѣрилъ менѣ,“ говорила она: „мою болѣзнь ты называлъ капризами, мои горячіи слезы водою, изъ которой ніякій Нѣмецъ не вываритъ ни капли горьлки... Ты сѣялся надъ моею слабостію, а — вотъ, я умираю, рано умираю, оставляю дочь сиротою, все

черезъ тебе. Да прости тебѣ Богъ; Ты дѣлалъ свое дѣло, ты былъ мой начальникъ по закону Божію; не твоя вина, что ты не понималъ мене. Не доведи жь до того дочеря; будь ей отцемъ и матерью, слышишь, Иване?... Слаба женщина, часто одинъ взглядъ убиваетъ ю...“

Полковникъ былъ ростроганъ; уже очистительная слеза роскаянія закрутилась было въ очахъ его; но вспомнувши, что онъ козакъ. Полковникъ пересилилъ себѣ, проглотилъ непрошенную гостью, вздохнулъ — и на похоровахъ жены напился до пьяна.

По смерти жены, Полковникъ сдѣлался еще сумнѣйшимъ; тайная задумчивость прилипла къ его характеру; онъ заливалъ внутреннее безпокойство виномъ и майже каждого дня къ вечеру бывалъ въ такомъ состояніи, какъ — будто сейчасъ вернулся съ похоронъ покойной жены. По уграмъ онъ часто ласкалъ Марину, но, подхмивившись, тотчасъ удалялъ ю, говоря: „Ступай себѣ, донько, въ свою свѣтлицу, у мене суть свои козацкіи дѣла: не пристаю тебѣ ихъ слушать; ты такая, какъ твоя... царство ей небесное! Такъ ступай; не бойся, не роспачусь!...“

Полковникъ посылалъ за кобзаремъ и пилъ, и слушалъ его пѣсни, и кидалъ ему дробными гроши; если пѣсня подобалась, то щелкалъ его пальцемъ по лбу, проговаривая: „врешь, сиронаха! не такъ! ты пьянъ и не выспался!...“

А иногда онъ потѣшался съ Герцикомъ.

Герцикъ былъ у Полковника что — то въ родѣ дурачка и пріятеля; его жизнеописание немногосложно. Когда — то козаки розграбили и спалили одно польское мѣстечко. Что могло горѣти — сгорѣло, что могло убѣжати — разбѣжалось. Полковникъ Иванъ роскурилъ головнею изъ пожара свою люльку, сѣлъ на бочку и началъ судити

плѣнниковъ. Привели хлопчика лѣтъ шестнадцати, съ быстрыми сѣрыми очима и коротко — подстриженною головою.

„Ты жидъ?“ спросилъ Полковникъ.

„Нѣтъ, я Нѣмецъ,“ отвѣчалъ хлопецъ.

„Врешь! ты говоришь какъ жидъ, смотришь какъ жидъ; а голову подстригъ, чтобы обманути мене. Хлопцы! испыгивати его, пока не признается, что онъ жидъ — да и повѣсити.“

„Ей Богу я Нѣмецъ, завѣжій Нѣмецъ; я не воевалъ съ вами, я люблю васъ.“

„Спаси — Богъ за любовь. Такъ повѣсьте его не допрашивая.“

Хлопецъ упалъ до ногъ Полковнику, умолялъ о пощаду, обѣщалъ служить ему вѣрно до гроба и объявилъ, что онъ знаетъ всякіи науки, даже дѣлаетъ часы.

„Посмотримъ,“ сказалъ Полковникъ, вынимая изъ кишени часы въ видѣ великаго яйца: „вотъ та штука третого дня стала — и ни съ мѣстца; я и встряхивалъ ю, и дулъ въ середину — ничего не помагаеть, а штука дорогая, ваша, нѣмецкая. Коли поправишь сейчасъ — жити тебѣ въ свѣтъ, а не поправишь — не сердись... Начинай!“

Хлопецъ, дрожа отъ страха, присѣлъ на землю и со страхомъ отворилъ часы. Но чѣмъ больше розсматривалъ, тѣмъ ставался спокойнѣйшимъ. Полковникъ не успѣлъ осудити десятка плѣнныхъ, уже Нѣмецъ, усмѣхаясь, подалъ ему часы.

„Хорошо,“ сказалъ Полковникъ съ удовольствіемъ прислушиваясь звонкому ходу маятника: „хорошо, а какъ зовутъ тебе?“

— „Герцикъ.“

„Хлопцы! дайте Герцику кафтанъ и шапку; онъ поѣдетъ съ нами.“

Съ тѣхъ поръ Герцикъ остался при особѣ Полковника, увеселялъ его различными штуками, дѣлалъ транспаренты, огнен-

ныя колеса, особливо же — строишь удивительныя часы. Во всемъ Лубенскомъ полку была известна такъ званая ходячая картина: на картинѣ той былъ изображенный млынъ, истый вѣтренный млынъ, въ якихъ Христіане мелють муку; только та не молола муку, а перемелывала старыхъ бабъ на молодыхъ. Истинно!... День и ночь шевелились на томъ млынѣ папъровыя крыла и въ одну дверь входили старыя — престарыя бабы; скверныя, прескверныя. — будь-то лѣкарство отъ трясавицы; а въ другую выходили изъ млына молодыя молодички и дѣвочки свѣжія, красненькія, чевнобровыя, полногрудыя, съ такими ямочками на щечкахъ, что поцѣловати хочется... Якъ жаль, что теперь перемерли уже люди, видѣвшіи эту ходящую картину Герцика: они бы рассказали про ню дучше насъ.

И еще былъ у Полковника Ивана вѣрный слуга Гадюка; въчно безъ шапки, босый, нечесанный, съ немытыми руками, съ нечеловѣчьими ногтями на рукахъ. На войнѣ онъ всегда былъ за Полковникомъ съ огромною палкою на плечу и съ фляшкою въ рукахъ; въ мирное время спалъ, якъ медвѣдь лѣтомъ, свернувшись въ клубокъ на полу, у порога полковничьей спальни, и готовилъ полковнику обѣдъ.

Про силу Гадюки до сихъ поръ ходять преданія межъ простолюдинами въ Пирятинѣ. Одинъ только Гадюка могъ безкарно говорить Полковнику горькія истины, противурѣчь ему и даже сварить, якъ на ровного. Иногда Полковникъ напоминалъ Гадюцъ, что онъ слуга и привелъ его къ молчанію. Гадюка склонилъ голову, сверкнулъ изъ подлѣбья очима и замолчалъ; но ночью пошелъ до млына, снялъ огромный жерновыя камень; принесъ его и завалилъ имъ двери полковничьей спальни. Рано Полковникъ хо-

телъ выйти — не можно, не пускаетъ камень.

„То твои штуки?“ спросилъ изъ — за дверей Полковникъ.

— „Мои,“ хладнокровно отвѣчалъ Гадюка.

„Отвали камень.“

— „Ты пань, старшій, сильчѣйшій отъ мене: тебѣ то легче сдѣлати.“ —

„Да я не могу.“

— „А мнѣ не хочется.“ — И сказавши тое, Гадюка вышелъ изъ комнаты. Позвали десять козаковъ, и на силу они отодвинули отъ дверей камень. Полковникъ вышелъ, посмотрѣлъ на камень, покачалъ головою, засмѣялся и возвавши Гадюку, далъ ему великій стаканъ горьлки.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НОЧЬ ЗИМОВАЯ.

(Два образки.)

I.

Ночь была дика, зимовая. По улицамъ бушевалъ полночный вѣтеръ, и никто изъ горожанъ не проходилъ ими; только сюда туда проѣзжали Панскіи повозы, глухо гуркотая по замерзшему бруку. Молодой, богатый, веселый графъ Станиславъ давалъ подъ тотъ же часъ велѣбный балъ, ниръ найоказальшій той зимы; великій свѣтъ столицы былъ къ нему спрошенъ. Дворецъ перемѣнился въ чародѣйное сѣдлице духовъ. Яркія свѣтила, порозвѣшаныя густыми рядами по комнатамъ, блестяи якъ великія перлы, разливая огненными струи по пространному подворью и сосѣднимъ улицамъ, а пламя походней и несчисленныхъ лампадъ розсылало теплоту въ окрестность дворца на переколь проницательной стужи. Для наблюденія порядка порозставляно сторожей и придворныхъ слугъ, такъ чтобы врывающіися со всѣхъ сторонъ тол-

пы любопытливыхъ людей низшого сословія, привабленныхъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, не задерживали съѣзжающихся совсюду гостей.

Хотя внѣшняя часть дворца графа Станислава блескомъ своимъ плѣнала зрѣтелей; но внутреннее его украшеніе превышало все, что доселѣ кто видѣлъ. Пространныя, богато приоздобленыя комнаты смѣнились въ цвѣтушіи огороды Италіи. Бальзамическое благоуханіе густо порозставляяныхъ деревьевъ помаранцовыхъ и заграничныхъ цвѣтовъ разливалось по простору комнатъ, сіяющихъ отъ золота и серебра ослѣпительнымъ блескомъ такъ, что счастливымъ высокорожденнымъ зрѣтелямъ казалось, яко бы они перенесены были мимовольно подъ чудовное небо Италіи въ край роскоши и изнѣженія. Графъ Станиславъ былъ первый, который съ падевычайными издержками завелъ столько улюбленнымъ теперь зимовныя огороды.

Мимо теплоты, огрѣвающей прозябшее тѣло, не было видно въ комнатахъ ни одной печи, бо за помощію искусныхъ руръ и трубокъ, прикрытыхъ драгоценными покрывалами, огрѣвался воздухъ во внутри дворца и наполнялъ его пріятною лѣтнею теплотою. Кромѣ того графъ Станиславъ, неисчерпанный въ помыслахъ, прилагодилъ все такъ хорошо, что въ комнатахъ, сѣняхъ и галереяхъ его дворца можно было совершати стомилевое путешествіе въ полгодинной прогулкѣ. Въ передномъ покоѣ цвѣли и волябли цвѣты южныхъ сторонъ Франціи, дальше плѣняли око пучки и нестрыя чашечки цвѣтовъ Испаніи, по различнымъ мѣстцамъ блестяли испанскіи яблока въ тѣни темнозеленого листья. Въ иной комнатѣ представлены были Альпы; деревья и кусты, растущіи только по высокимъ горамъ, стояли въ нѣякомъ отъ себе отдаленіи, потомъ явля-

лись чѣмъ разъ рѣдше, наконецъ украсилась полумертвая природа тамъ и сямъ одинокимъ альпейскомъ цвѣточкомъ. Дальше представлялся видъ чѣмъ разъ мельшій оку, просторъ все розширялся, въ отдаленіи блескотѣло море синимъ своимъ зеркаломъ, а изумленный путешественникъ узрѣлъ себе въ садѣ, представляющей чудесную Италію, край помаранчъ и Мадонны, край солодкой лѣпости и мягонькихъ тоновъ Белніи. Боковыми галереями можно было достатись до поважной тишины монашескаго житія Испаніи, где звуки гитаръ раздавались межъ розвалинами Альгамбры. Наконецъ открылись любопытному оку край Востока, съ пальмовыми деревьями и минаретами, съ благовономъ розъ и чародѣйныхъ цвѣтовъ. Съ помощію множества искусно перемѣняющихся образовъ и картинъ продолжался сей упоительный видъ безконечно. Очаровательное впечатлѣніе подносилось еще содѣйствіемъ укрытой оркестры, котора играла соотвѣтныи всякой крантѣ мелодіи.

Не меньше занимательный видъ, якъ краснописно украшеныя комнаты, представляли запрошенныи на пиръ достойныи гости, а именно женщины. Найкрасшіи цвѣты столицы являлись на подобіе красавицъ Русалокъ, приодѣтыхъ по найновѣйшей Парижской модѣ, едва дотыкаясь атласовыми черевичками воскованнаго полу. Мужчины богато убраныи бѣгали отъ красавицы къ красавицѣ съ поклонами и солодкими словами якъ зачарованныи фигурки.

Молодой графъ Станиславъ, взорецъ красоты и салонного уложенія, приодѣлся въ якійсь уборъ народовой, сіяющій дорогими каменями и золотомъ. Съ найживпою пріѣтливостію и сладкорѣчіемъ принималъ онъ каждого новаго гостя и сыпалъ именно дамамъ столь много ласкательныхъ словъ, сколько лишь могъ вынайти ихъ въ сало-

новомъ языкѣ.

Не только памяталъ онъ о томъ, дабы убавити око и ухо спрошенныхъ гостей, но не забылъ и о ихъ желудку. Множество бюфетовъ въ искусныхъ пещерахъ, уманыхъ альтанахъ, манило пришельцевъ наилучшими яствіями, виномъ южныхъ краевъ, такъ что и правдивымъ знатоки не знали уже ничего ни отнати ни додати, и удивляли только щедрость и розумъ господаря.

Веселіе и жизнь розгульная владѣли въ комнатахъ графа Станислава. Всяда радость, забавы и жарты; только за салями краины Востока вселилось изумленное пристрастіе. Тутъ укрытый отъ салонового свѣта и окруженный только лучшими игроками, графъ Владиславъ держалъ банкъ. Тутъ выигрывано и проигрывано тысяща. Банкъ и игроки обходились тутъ съ золотомъ якъ съ водою, а если одинъ или другій проигралъ нѣсколько сотъ люйдоровъ, то верталъ до головного салона съ выразомъ притворного хладнокровія.

Ночь зимовая становилась чѣмъ разъ грознѣйшею, студень дошла до высокой степени, звѣзды сверкали и блестяли еще яснѣйше на безконечномъ небесѣ сводѣ. Любопытный народъ разбѣжался наконецъ изъ передъ дворца и сторожи отступили.

(Кон. слѣд.)

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

— Изъ Вѣд. „Вѣстника“ съ дня 28. Септ. дождаемъ, что Его Величество, нашъ милостивѣйшій Монархъ благоволило подтвердити предложеніе министерства наукъ и богослуженія касательно поставленія постоянныхъ дѣйствительныхъ русскихъ катихитовъ при тѣхъ галицкихъ училищахъ, въ которыхъ они до нынѣ только провизорично поставлены были. Тѣ же русскіи катихиты, именованіе которыхъ въ короткомъ времени послѣдуетъ, будутъ поставлены на ровнѣ съ катихитами латинского обряда.

Министерство просвѣщенія именовало суплента при гимназіи въ Тернополь г. Ф. Погорецкого дѣйствительнымъ учителемъ при тойже гимназіи.

— Г. Аванзіевъ, членъ статистическаго Кіевского общества, составляетъ современно „Малорусскій словарь“, въ которомъ находится будутъ почти исключительно слова, черпаныя съ живыхъ устъ народа.

— Въ Вѣденскомъ всеучилищѣ будутъ преподаватись въ теченіи зимового курса 1854 школьного года слѣдующіи словенскіи предметы: „Грамматика старословенская, о новѣйшихъ памятникахъ словенской литературы и о ѣзюписи Нестора“ проф. Миклосичемъ; „Грамматика польскаго языка“ г. Кавецкимъ; „Языкъ росіійскій“ г. Залескимъ; „Языкъ чешскій, и Слогъ и литература чешска“ г. Шемберою, наконецъ „Стенографія въ чешскомъ языкѣ“ г. Гегеромъ.

— Въ Пеннлянскомъ всеучилищѣ преподавати будетъ въ семъ году г. Ференчъ „Литературу словенскую.“

— Дня 14 Сент. обходилъ славный путешественникъ и писатель Александръ Гумбольдъ 85ую памятку своего рожденія въ добромъ здоровьи Нѣкоторые остроумныи люди сровнивають его съ маршаломъ Радецкимъ: яко бо Радецкій есть старый и крѣпкій богатырь на полѣ войнѣ, такъ есть А. Гумбольдъ великій богатырь на полѣ наукъ

— Въ Брунсвику воздвигнено величелпный памятникъ во честь славнаго нѣмецкаго писателя Г. Е. Лессинга, или лучше Лесика, происходившаго изъ словенской родины Лужицкихъ Сербовъ.

— На памятникъ, ижьющійся воздвигнути во честь нѣмецкаго философа Канта въ Королевцѣ, собрано досель 2000 таларовъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ГОСПОДАРСКІЯ.

— По найновѣйшимъ техническимъ изслѣдованіямъ стоить сила теплоты дровъ розличнаго рода въ слѣдующемъ соотношеніи: 100 фунтовъ еловаго дерева производить такуюже теплоту, яку справляетъ 58 фунтовъ дубоваго, 59 грабововаго 63½ явороваго, 66 березоваго, 70 буковаго, 89 сосноваго, 91 вербоваго, 92 тополевого а 107 липоваго. Такимъ дѣломъ есть липовое дерево что до производимой теплоты найгоршее; къ тому удостовѣрились техники, что березовое дерево лучше есть на опалъ якъ буковое.

— Гнилый славъ (плынь) у пчелъ. Общество ниже-австрійскихъ пчеловодчиковъ, сошедшихъ передъ нѣсколько мѣсяцы ради совѣщаній, установилось съ особливимъ уваженіемъ надъ хробами пчелъ. За найвредлившую немощъ узнано единогласно такъ званый гнилый славъ. Она показуется тѣмъ способомъ, что хворныя пчелы урываютъ изъ себе въ большей мѣрѣ какойсь темно-червоный, дуже смородливыи плынь, который увидѣти можно у очка и на досчинкахъ у споду во внутрѣ улей. Противъ той немощи не нашли пчеловодчики доселѣ ніякого средства: понеже однакожь она заразлива, такъ что въ короткомъ времени и наибольшу пастку погубити можетъ: для того совѣтуется, дабы, якъ только знаки оной немощи въ котормъ улѣ покажутся, таковыи сейчасъ изъ пастки отдалити и уничтожити. — При той способности говорено такожь о такъ зовимомъ свичайномъ славѣ. Причиною сей немощи бываеъ наглое охладніе улей, особливо когда на весѣ послѣ теплой погоды случитсѣ нечаянно холодная слота. Въ соломяныхъ ульяхъ показуется она рѣше, понеже тія суть теплѣиши, якъ деревянные. Хроба тая не есть заразлива: средства противъ ней поданы слѣдующіи: спроваженъе теплѣйшого воздуха, стараніе чищенію улей, особливо же кормленіе пчелъ добрымъ старымъ медомъ.

— Обкладанье овощныхъ деревъ цеглюю. Опытыи садовники замѣчали отъ давна, что овощныя дерева, обложенныя у коренья цеглями, растутъ даско сильнѣе и роскошнѣе, якъ не обложенны; происходить се отъ того, что цегля не вытягаеъ изъ земли поживныхъ соковъ, котормыи обыкновенно тучатся сосѣдныи былинны и растѣнія, и такимъ дѣломъ тѣми соками напаваеъся единственно овощное дерево. Къ тому прикрытіе земли цеглюю препятствуеъ испаренію земли и вредивому дѣйствию солнца.

— Новооткрытая американская швальня (машина до шитья) находится теперъ уже и въ Влди. Машинна та, составлена весьма остроумно и съ великимъ знаніемъ швального искусства, можеъ употребятисѣ къ шитью всякихъ вѣществъ. Работа на ней идеъ дуже скоро и всюю машпюю можеъ управлѣти даже дитя съ великою легкостію. По исчисленіямъ выробляеъ она въ десять разы больше якъ одна швачка въ продолженіи того самого времени и выгодна естъ особливо для шитья вѣществъ въ большемъ количествѣ.

СЕДМИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Львовъ. Дня 3. с. м. о 8. годниѣ совершатъ ВЧ. Крылошанинъ М. Куземскій Божественную литургію въ Церквѣ Успенской, котормыи присутствовали ученики училища образцевого (Musterschule) со своимъ Учителемъ при началѣ года школьнаго 1854, съ котормыи помянутое училище приходитъ подъ управленіе Всечестнѣйшой и Всесвятѣйшой Митрополитальной греческо-каволической Консисторіи. Пѣніе было обыкновенное наше церковное, но гармонійно произнесенное учениками Института Ставропитійского; оно было такъ прекрасное, что не могло не тронуть глубоко сердецъ присутствующей молодежи, дабы благодарити Богу и Его Имп. пар. Апостольскому Величеству Францъ Иосифу I, и дабы молити Духа св. Просвѣтителя и Утѣшителя, чтобы съ Его помощію совѣстно успѣвати въ науцѣ для блага Отечества по желанію Его Величества, Императора и Царя нашего, которму да дастъ Господь Богъ многая лѣта!

— Дня 4. с. м., въ день тезоименія Его Величества, священнодѣйствовалъ Преосв. Епископъ Іоаннъ Бохеньскій съ крылосомъ митрополитанскимъ, торжественную литургію, котормыи присутствовали Его Прев. Г. Намѣстникъ нашъ красивый съ чиновниками мірскими, волнство, и питомцы здѣшняго русскаго сѣменища. Въ концѣ литургіи пѣвскыи были имъ амврогіанскій: Тебе Бога хвалѣмъ и многолѣтствіе Его Величеству, милоснѣйшему Монарху. Такожь для учениковъ первой, русскай гимназіи отбылась св. литургія въ костелѣ Бернгарднскомъ за многолѣтствіе Монарха.

— Его Величество, російскій Царь пребывалъ отъ дня 24 до 28 м. м. въ Голомучу, гдѣ отбывались великіи войсковыи маневры. Кромѣ Великихъ Князей царевича Александра и его сына Николая, были съ Нимъ въ Голомучу такожь князь маршалъ Паскевичъ, генералы Орловъ, Флоссофовъ, Чечевичъ, Лѣвевъ, Гриввальдъ, полковники Ясиковичъ, Паткуль и Аллербергъ, державный канцлеръ Нессельроде, посолъ при австр. дворѣ Маендорфъ, тайныи совѣтники Кудряскій и Сакенъ, и державный совѣтникъ Вюхнинъ. Дня 28 о 10 годниѣ вечеръ поѣхалъ Его В. Царь російскій со своею свитою мимо Щакову до Варшавы.

— По телеграфической вѣсти проѣзжалъ Его Величество, нашъ Монархъ въ путешествіи своемъ до Варшавы дня 3 с. м. о 10 годниѣ передъ полуднемъ мимо Щакову въ сопровожденіи Его в. Архикнязя Короля Людвика и Его В. Короля Прусь,

съ которымъ съѣхался былъ Его Величество въ Козлю — Дня 26 ж. м. играло въ Голомуцу наразъ 32 пишемъ: тридцать три войсковыхъ гудебныхъ бандъ: съ того можно заключити, въ якомъ великанскомъ розжърѣ отбывались тамъ войсковыя парады.

— Нѣкоторые временописи возищаютъ „съ достовѣрныхъ жерель,” что сватба Его Величества, нашего Монарха опредѣлена на 24 Авг. 1854.

— Касательно открытiя короны св. Стефана сообщаемъ еще нѣкоторые извѣстiя: Еще въ Сентябрь 1849 г. донесено в. правительству съ Видина, что коронныя знамена закопаны были въ Оршавской окрестности мадарскiй бѣглець Семере. Въ слѣдствiе того распочались тамъ поиски, которыя потомъ прервано Особлившiй случай понудилъ однакожь къ предпрiятiю новыхъ изслѣдствiй: когда бо весной с. г. на долини коло холма Алиону близъ Оршавы стала великая вода, постановилъ Кошутъ, узнавшiй о томъ заводненiи за границею, искати способу, якъ бы знамена тѣмъ въ свои руки достага. Къ той цѣли подкуплено было нѣсколько особъ, которыя имѣли ихъ ночью выкопати и отдати потомъ Кошуту. О тѣхъ замыслахъ узналъ заблаговременно ц. к. подмаршалъ Кемпенъ, и сейчасъ поручилъ майору Каргеру обновити въ окрестностяхъ Оршавы точнѣйшiя поиски. Окрестность тую обставлено доброю стражею — и ото, поймано разъ одного 19 лѣтнего жилака, укрытого въ тамошнихъ мочарахъ, который имѣлъ исполнити волю Кошута. Съ другой стороны изъѣвилъ бѣглець Семере въ Парижу, узнавшiй о замыслахъ Кошута, что „лучше хочеть передати закопанныя драгоцѣнности правительству, якъ сомзволитъ, дабы они попались въ руки сбавблого Кошута, который привелъ народъ на пропасть пагубы.” Дня 28 Авг. с. г. присламо подм.

Кемпену съ Парижа писменное донесенiе, составленное по указанiямъ самого же Семере. Съ помощiю тѣхъ указанiй приступилъ майоръ Каргеръ къ близкимъ изслѣдованiямъ и приказалъ дня 7 Сент. роскопывати землю близъ холма Алиону. На другiй день о 8 годинѣ рано ударили мотыки двоихъ копающихъ граничаровъ о желѣзную раковъ, въ которой открыто коронныя драгоцѣнности.

— Въ городѣ Кенигсбергу, где Кантъ съ нѣмецкимъ хладнокровiемъ писалъ свою „Критику чистого розуму,” застрѣлился сими днями одинъ 60 лѣтний старикъ съ поводу, что нѣка молодая дѣвочка неприняла любовныхъ его аффектовъ!

— Въ Бельгiйскомъ городку Пинкеръ живеть женщина, котора отъ Мая 1818 года ничего не ѣсть, а отъ Марта 1822 не пьетъ ничего. Еще въ г. 1826 съѣхала была туда комисiя, состоящая съ лѣкарей, котора пребывая тамъ 4 недѣль, подтвердила подъ клятвою, что въ продолженiи того времени женщина сiя не имѣла въ устахъ ни кусника яствiй цѣ капли якого напитка. Дня 20 ж. м. обходила она 66 годовщицу своего житiя. Лѣкари и природоиспытатели заходятъ въ голову, якъ можно такъ долго жити безъ корма и напитка.

— Курсъ грошей набирзъ Вѣдальской дня 1 Окт.	
Ажо ц. червоонецъ	14 ³ / ₄
„ серебра	10

Исправленiе.

Въ предыдущемъ числѣ нашей Временописи случилась на стр. 34 въ 7 строч. съ доду 1. передѣлки ошибка; также должно быти; Г. Гушадевичъ преподаеть „религииную науку“ для Русиновъ въ 2 высшихъ классахъ Доминиканской гимназии а въ 6 низшихъ г. Ю Сепяратовичъ.

(Студуетъ Число 34. „Поученiй Церковныхъ“)

Съ нынѣшнимъ числомъ начинается теченiе третьяго четвертьгодiя „Зори Галицкой.” Тѣхъ почт. Читателей нашихъ, которыя на сiе четвертьгодiе еще не предцатили, просимъ о скорое надосланiе предплаты; Всѣхъ же Прочихъ, которыя недостають или недоставати будутъ якiи числа нашей временописи, просимъ упоминатись у насъ о тiже незапечатаннымъ и нефранкованнымъ листомъ. При томъ заищамъ, что можно еще немного экземплярей нашей зременописи отъ 1 до нынѣшняго числа по обыкновенной цѣнѣ получить.

Изданiемъ и типошъ | Института | Ставропигiянскаго.

Отвѣтательный Редакторъ Богданъ А Дядицкiй.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Середу два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертьрочно получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

СЛОВЕНСКОЕ ПЛЕМЯ.

(изъ чешской Читанки.)

Поздно липа расплѣтаетъ,
Но полезный пчѣль несеть,
Человѣкъ съ него собираетъ
Лѣвки, пчелка сладкій медъ.
Такъ Словенъ прекрасно племя
Поздно выдаетъ цвѣтъ;
Но съ него — въ будущее время —
Много скорыстаетъ свѣтъ!

БОЛЬШИНСТВО ГОЛОСОВЪ.

I.

(по Рикерту.)

Днесь большинство голосовъ всѣ споры разрѣшаетъ,
Но скорше меньшести рѣшати подобаетъ;
Бо выше цѣннѣе мы судя мудрыхъ якъ глупцовъ,
А меньше есть всегда на свѣтѣ мудрецовъ.

II.

(по В. Бесте.)

Хочете большинство о идеяхъ рѣшати? — но знайте:
Большинство голосовъ вбитый Спаситель на крестъ!

ДВА ДИСТИХА

по Коляру.

I.

Двѣ суть межъ нами спорящія стороны; но усмирися:
Мы бо о дерево все дбаемъ, вы только о листь.

II.

Не говори: „чемъ пишете намъ такъ высокии языконъ?“
Лучше скажи: „чему я знаю такъ мало языкъ?“

Богданъ А. Д.

I.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ СТАРОСЛОВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Ильичева Старословенскій. — Кириллъ и Мефодій. — Глаголитика. —)

Нѣтъ сомнѣнїя, что Словене еще передъ Кирилломъ знали читати и писати. Найдено древнѣйшее свидѣтельство о письменахъ словенскихъ принадлежитъ Чехамъ и находится въ отрывку изъ поемы: „Судъ Любуши.“ которой содержаніе относится къ началу VIII. вѣка, а рукопись къ концу IXго. Тутъ говорится о доскахъ праводатныхъ, на которыхъ начертаны были законы. Дитмаръ Мерзебургскій, писавшій въ XI вѣцѣ, свидѣтельствуетъ, что на кумирахъ Словенъ языческихъ были вырзаны имена боговъ. Болгарскій черноризецъ Храбръ, которого Шафарикъ относитъ къ XI вѣку, говоритъ, что Словене, будучи еще поганани, не имѣли книгъ т. е. письменъ, но читали и гадали чертами и рззани (рззбами); потомъ же перешли къ письменамъ греческимъ и римскимъ. Въ 1836 г. найдены были въ карпатскихъ горахъ неизвѣстныи надписи: ученые полагаютъ, что суть то письмена старо - словенскїи, для того, что Карпаты,

— По новѣйшимъ извѣстіямъ, выбухла холера поодиночѣ въ Сокалѣ и Пархачу.

— Въ Пештѣ отбудется назадолго любопытная проба съ новою машиною, такъ званною „всегда-движущеюся“ (perpetuum mobile). Машина тая введена будетъ въ движеніе самою только динамическою силою, котора, безъ содѣйствія пары или иного нибудь иного вспомогательного средства, двигати будетъ всю машину вразѣ съ соотвѣтнымъ ей бременемъ по тому направленію, якое первоначально надасть ей человѣческая рука. Изобрѣтателемъ той машины, надъ еяже изготовленіемъ многіи механики голову себѣ ломали, есть иткій столяръ изъ Сегедана, именемъ Карлъ Богачъ. Если проба удастся и машина окажется не самымъ пустымъ теоретическимъ мечтаніемъ, но дѣйствительнымъ орудіемъ въ практицѣ: тогда прочь всѣ паровыя машины — тогда будемъ ѣздить, плывати, молотити и всю тяжкую работу исполняти съ поощеніемъ самой всегда-движимою динамической силы!

— Межи кожыми 10,000 жителями австрійской Державы есть 7,039 римскихъ и ормянскихъ каволиковъ², 987 греческихъ каволиковъ (соединенныхъ), 844 православныхъ (греческого вѣроисповѣданія), 577 еванг. гельветского а 343 авгсбургско-го вѣроисповѣданія, 14 унитаровъ, 195 жидовъ и 1 изъ меньшихъ сектъ.

— Со времени завсѣденія постоянного войска ажъ до нынѣшняго дня упало 259 п. австрійскихъ генераловъ и полковниковъ въ битвахъ съ непріателемъ.

— Въ Темешварѣ росписалъ одинъ швецъ пренумерату на чоботы. За предплату 5, 10 и 20 р. ср. получати можно черезъ пѣльмъ годъ нужныя чоботы. — Вотъ, до чего то нынѣ люди берутся! Пренумерата на чоботы! Теперь когда времеписки мало нѣбуютъ пренумерантовъ, найдутъ ихъ кокетъ больше швецы

— Въ Пруссакъ, где всѣ публичныя дороги обсажены деревьями, приказано правительствомъ, чтобы вмѣсто дикихъ дѣсныхъ деревъ или тополей сдѣлати теперь только овощныя дерева.

— Въ Крумловѣ въ Чехахъ живетъ одна 90 лѣтняя жидишка, которой выросли недавно 3 полна зубы а вмѣсто сѣдыхъ подстригаемыхъ волосовъ растутъ новыя черныя волосы.

— Найлучшій въ свѣтѣ млынь выбудовалъ одинъ Англичанинъ на островѣ Малътъа. На другомъ

падру того млына всыпается збожье, а на долѣ вынимають хлѣбъ уже упеченый. Архимедова труба исполняетъ большую часть работъ. Она мелеть збожье, пересѣиваетъ муку, роздѣляетъ ю на роды, пересыпаетъ до бочокъ, скропляетъ водою, замѣшиваеъ и выбиваетъ тѣсто, дѣлгитъ на бошонки и всуваеъ тѣже до печи. Млынь тотъ припоминаеъ на ону поповѣстку Минхгаузена о машинѣ, до которой одною стороною вкладается теля, а другою выходятъ уже готовые чоботы изъ телячей кожи.

— Американская швальня заводится уже по всѣмъ большимъ городамъ Европы. Изобрѣтатель ея, г. Муръ получилъ патентъ свободы на Пруссю и Австрію, и такожь російское правительство замовило у него 50 таковыхъ машинъ. Черезъ употребленіе той машины уменьшится вскорѣ число кравецкой челяди.

— Въ одномъ итстечку случилось такое удивительное средство. Старый вдовецъ влюбился въ молодую дѣвчинѣ и оженился съ нею. По его веселью оженился такожь и сынъ оного вдовца, а то съ матерью своей мачехи. Въ слѣдствіе женитбы сей сталъ отецъ зятемъ своего родного сына, а жена его, не только пасербою своего собственнаго пасерба, но такожь тещею своей родной матери, а тая снова пасербою родной своей доньки, кромѣ того мужъ ея отчимомъ, своей мачехи, яко и тещемъ своего родного отца!

— Средство противъ мышамъ и щурамъ въ столахъ. Иткій старый, опытный господарь советуетъ, абы передъ свезеніемъ збожья въ столы, напкдати якъ наибольше свѣжихъ галузокъ свычайного бзу на сподъ засѣкомъ, где обыкновенно щуры и мыши пребываютъ. Господарь тотъ увѣщаеъ, что отъ много лѣтъ всегда уживаетъ того некоштовнаго средства, и что отъ того времени никогда не посѣщали вредныя тѣ звѣрята его столы.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣденской дня 5 Нов.	
Ажіо ц. червоносць	19
„ серебра	13%

ИСПРАВЛЕНІЕ.

В. 35 ч. на заглавной сторонѣ въ 3 строчкѣ 2 передѣлка изъ долу случилась ошибка; вмѣсто: Первое полное старословенское Евангеліе печаталось, должно быти: Первая полная старословенская Библия печаталась.

Слѣдуетъ 36. ч. „Поученій Церковныхъ“ и „Справозданіе Комиссіи Народнаго Дола.“

Изданіеиъ и типою Института Ставропигійскаго.

Отвѣтательный Редакторъ Богданъ А. Андичій.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедично въ Середу два листа, по цѣнѣ головой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертьочно получать платитъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ВСТРѢЧА СЪ ОЛЕНЮ.

Отрывокъ изъ поэмъ: „Двѣ Елены.“

Въ селѣ Верблянахъ на горбку
Стоитъ приходскій домъ; докола
Зеленый садъ, а на боку
Оборы, стайня и стодола.
Отъ въздныхъ головныхъ воротъ
Долой спускается городъ,
И тянется къ рѣцѣ Верблянской,
Надъ которою въ долгій рядъ,
Якъ косари на нивѣ панской,
Старыя вербы тамъ стоятъ.

Подъ самымъ плотомъ въ огородѣ
Рвутъ дѣти стручковый горохъ,
Тѣ изъ верху, а тѣ при сподѣ:
Дѣвчатокъ двѣ, и хлопцевъ двоихъ;
Межъ ними старшая дѣвица,
Голубоока, краснолица,
Горохъ съ найвысшей вѣтки рветъ;
Отъ солнца скрывшися зеленью,
Сорванныя стручки кладетъ
Въ коробку; дѣти рвутъ въ кищенко.

А иногда и по грядамъ
Ребята скачутъ торопливо,
Сестра же старша братчицамъ
Даетъ напоминаніе учтиво:
„Кто потоптаетъ мнѣ стручки
Не получитъ забавочки,
Что вчера привезла Мамуни,
И не пойдетъ со мной на лань;
Такъ цыть Василько, цыть Маруни:
Цыть, анесь прѣдетъ къ намъ Стефанъ.“

Вырекиши нѣя то солодко,
Она на стежку побѣгла,
Горохъ ссыпала во рѣшотку,
И снова стручки срывати шла.

Наразъ роздалось отъ подворья
Знакомое „говъ, говъ“ Григорья,
Что былъ извозчикомъ тогда
У старыхъ родичей Стефана.
Съ саду же кличуть: „Гей, сюда!
Сюда Олена и Тетьянна!“

И дѣти всѣ скорѣйше птицъ,
Черезъ садъ летятъ поперебнью,
И радость имъ сверкаетъ съ лицъ,
Съ лица Олены особенно.
Якъ лишь прибѣгли ко крыльцу,
Всѣ поклонились молодцу,
А онъ къ Оленѣ приближился
И ручку ея поцѣловалъ,
Взглянулъ въ лице, и удивился,
За годъ едва же ю узналъ!

Она теперь ужъ дѣвой стала
Хорошею, якъ майскій цвѣтъ,
Кого, кого бы не плѣнила
Та красота въ пятнадцать лѣтъ?
Онъ отъ ребенка съ нею знался
И отъ ребенка любовался,
Тожъ и не диво, что тогда,
При встрѣчѣ снова обновленной,
Такъ сердце билось во груди,
Что восхищался такъ Оленой!

Не дивно, что и въ ея лицу
Всѣ чувства радости играли,
И говорили къ молодцу
Ея очи, но уста молчали;
Молчали, ахъ, бо ея любовь
Не возмогла найти ни словъ.
Ни голоса, ни возраженій
Другихъ, якъ только тѣхъ знаменъ,
Копми говорить и геній,
И неученый, и ученый! Богданъ А. Д.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII. ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

Сочин. Антонъ Петрушевичъ.
(Продолженіе. *)

При всемъ томъ съ времянъ княженія Данила, который былъ возобновителемъ и почти творцемъ своего княжества, больше чѣмъ его отецъ Ромаць, стало наше отечество болѣе отчуждиватися отъ прочей Руси. входя въ самыя тѣсныя сношенія съ западными государствами. Какъ извѣстно, Даниль, вишываясь въ дѣла западныхъ державъ, ходилъ весьма глубоко въ Чехію; хотѣлъ приобрести сыну своему Роману Герцогство Австрійское, посредствомъ брака съ сестрою послѣдняго Австрійскаго Герцога; принималъ даже новый, чуждый древней Руси титулъ короля (Rex), и искалъ въ бѣдственное время болѣе помощи на Западъ, какъ у прочей сѣверной Руси поращенной Татарамъ. „Ясно (говоритъ Соловьевъ, стр. 369), что при такихъ отношеніяхъ древне-русскія родовыя понятія должны были исчезнути въ Галичѣ, и король Даниль не могъ смотрѣти глазами старинныхъ князей Русскихъ, но смотрѣлъ на право наследства, какъ смотрѣли на него короли сосѣдніе; народонаселеніе Галицкое также не могло смотрѣти иначе: бояре давно приняли характеръ чуждый, что доказываетъ быстрое ихъ ополченіе, городское же народонаселеніе состояло преимущественно изъ Нѣмцевъ, Жидовъ и Армянъ, толпами стекавшихся въ богатую область 96.)

*) Многоцѣнная статья сія прерванна была съ ч. 24 „Зора“ по той причинѣ, что почтеннѣйшій Сочинитель ей, пребывая въ лѣтнее время с. г. на купсѣлахъ въ Переяску, не имѣлъ подъ рукою своихъ историческихъ записки и такимъ дѣломъ не могъ заняться ея продолженіемъ.
Ред.

96.) Ипать. лѣт. 196. говоритъ, что Даниль основалъ городъ Холмъ, „нача призывать прихо-

Такихъ образомъ тѣже самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія, которыя явились въ сѣверовосточной Руси изнутри, развились изъ ея собственнаго организма, въ Галичѣ

жаѣ Нѣмцѣ и Русь, иноязычники, и Ляхи: идаху, день и во ночь, и уношы и мастерь всякии бѣжаху изъ Татарь, сѣлянцѣ, и лучницѣ, и тулицѣ, и кузницѣ желѣзу и мѣди и серебру, и бѣ жизнь, и наполниша двори окрестъ града поле и села.“ На стр. 204. пишеть, что въ Владимірѣ Волинскомъ нѣкто „Марколтъ Нѣмечинъ зва къ собѣ съ князѣмъ на обѣдъ Василька, Лва, Войшелка. Кончину Владимира Васильковича оплакивали въ Владимірѣ „Нѣмцы и Сурожцы и Новгородцы и Жидове плакахуся аки во згнѣ Іерусалима.“ Ипать. лѣт. 220. Подъ названіемъ иноязычниковъ подразумѣваетъ кажется Ипать. лѣтопись Татарь, Грековъ, и Армянъ. Послѣднимъ имѣлъ, по свидѣтельству Зиморовича (Triplex Leopoldis) Князь Левъ Даниловичъ опредѣлити на поселеніе сѣверную часть города Львова, при осадѣ котораго въ послѣдствіи княземъ Болеславомъ Мазовецкимъ, имѣли тому же государю между прочими народами и Армяне противитися. *Sola Leopoldis a comilitonibus Leonis (sic) Tartaris, Sarsenis (Сурожаны) Armenis... masculine defensa, peregrinis dominis (Мазовчанамъ) portas claudit... По актамъ находящимся въ Архивѣ Армянской капитулы въ Львовѣ были Армяне призваны на Русь какимъ то княземъ Θεодоромъ Дмитревичемъ. Грамота сего князи, писана на русскомъ языкѣ въ томъ же предметѣ, называетъ иризываемыхъ Армянъ Косохацкими (sic) и имѣеть на себѣ ошибочно выставленный 1.062 годъ. Погибшій подлинникъ ея осматривалъ въ Львовѣ ученый Чапкѣй, которому казался онъ быти недостовернымъ. Эта грамота гласитъ въ латинскомъ плохомъ переводѣ слѣдующимъ образомъ: „Ecce Magni Ducis Theodori Dmytrowicz (sic) Cosachacensibus (sic) Armenis, qui huc volunt venire, venite in auxilium meum et ego dabo vobis libertatem ad tres annos, et cum fueritis apud me, ubiquis voluerit, ibit libere.“ По словамъ Захарьясевича (Wiadomości o Ormianach w*

были занесены извѣтъ, но привились и утвердились необходимо въ слѣдствіе обстоятельствъ историческихъ.” Такъ по смерти Короля Данила, Василько остался на своемъ прежнемъ столѣ княземъ Владимірскимъ, Левъ Перемышольскимъ, Романъ, искатель Австрійскаго престола господствовавшій въ городахъ давныхъ себѣ Миндов-

гомъ. Новгородку, Слонимъ, Волковиску, кажется не находился уже во живыхъ; Мстилавъ Даниловичъ княжилъ въ Луцку и Дубнѣ, а меньшій Шварно въ Галичъ, Холмъ и Дрогичинъ. Первымъ послѣдствіемъ кончины Даниловой была война наследниковъ его съ Болеславомъ Польскимъ: Русь соединена съ Литвою опустошила окрестности Люблина и Бѣлой, что Поляки отистили разореніемъ окрестностей Червена и Бельза: наконецъ помирился сусѣдныи Государи Болеславъ, Василько и Шварно и начаша быти въ любви велицѣ. (Ип. лѣт. 204. подъ 1268. г.)

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Polszcze. Bibl. Ossol. 1842. T. I. strona 71.) самъ подлинникъ былъ писанъ на куску пергамента безъ опредѣленія года и безъ подписи, изъ привѣщенной печати уцѣлѣлъ только кусокъ воска безъ всякаго знака. Годъ 1062 находился вставленный только въ латинскомъ переводѣ подлинника. Захарьясевичъ прибавляетъ что онъ изъ русскаго подлинника запомнѣлъ слѣдующія строки: *Oto kniazia Teodora Dmytrowicza (sic) kosochackim Armenom. Prejdili (прійдетели) na moju ruku dam wam wilnost (sic) na try lita...* и что Провинціалъ Базиліановъ Михаелсвій признавалъ первый слогъ въ словѣ *kosochackim* за предлогъ *ko*: слѣдовательно должно читати „*ko Sochackim Armenom.*“ По моему мнѣнію нужно исправить надпись грамоты или письма князя Θεодора слѣдующимъ образомъ: „Отъ (вм. ото) князя Θεодора Дмитреевича *ko* Солхацкимъ Арменамъ.“ Кажу Солхацкимъ не Сохацкимъ, ибо въ XIII вѣцѣ въ самомъ дѣлѣ обитали Армяне въ Солхатѣ, т. е. Старомъ Крымѣ, откуда безъ всякаго сомнѣнія пришли Армяне въ наше отечество. Вотъ доказательства. Въ запискахъ князя Армянскаго Юсифа Долгорукаго, Архієпископа Армянскихъ церквей въ Россіи, сказано, что Татары завоевавъ Арменію въ 1262 году, перевели многихъ жителей въ нынѣшнюю Астраханскую и Казанскую Губернію; что нѣкоторые изъ нихъ ушли въ Тавриду и поселились отъ части въ Кафѣ, отчасти въ старомъ Крымѣ (древнемъ Солхатѣ) и близъ Судака. см. Исторію Тавриды Сестренцевича II. 177 Карам. И Г. Р. Т. IV. пр. 146. — Въ Армянской церквѣ города Каменца Подольскаго находится до сихъ поръ пергаменный литургиконъ на армянскомъ языкѣ, съ слѣдующей изъ тогоже языка на латинскій переведенною за-

пискою: *Hoc missale est pro memoria Ecclesiae S. Nicolai Thaumaturgi Pontificis in urbe Camenecensi, scriptum aera armenica 798 ac dominica 1349 in Crimea in Civitate Surchat (Сурхатъ) manu domini Stephani presbyteri, post autem quadraginta quinque annorum scriptionem hoc (sic) emit Camenecensis dominus Linan filius Chutlubei, deditque pro memoria supradictae Ecclesiae S. Nicolai aera armenica 847. et dominica 1394...* смотри А. Przedzieckiego Podole, Wolyn, Ukraina. Wilno 1841 T. I. въ описаніи города Каменца — Есть слѣды о переселеніи Армянъ изъ полуострова Таврическаго въ городъ Львовъ. Такъ по запискамъ находящимся въ Архивѣ Армянской канцелярии въ Львовѣ, находилась въ томъ городѣ уже въ 1183. г (быти можетъ 1283.) деревянная Армянская церковь, пока въ 1363. году нѣкто Яковъ сынъ Тахпировъ изъ Кафы и Паносъ изъ Гайсараны не построили своимъ иждивеніемъ каменную Церковь, которой золочимъ былъ Италіанецъ Дорхи (по Зяморовичу Доре) построившій передъ тѣмъ прежнюю Святогеоргіевскую Церковь. смот. Dziennik literat. Lwów 1853. str. 307. Кто былъ упомянутый князь Θεодоръ Дмитреевичъ не знаю, езуитъ Крусинскій (*Prodromus ad tragicam vertentis belli persici historiam... Leopoli 1740*) даетъ тому же князю прозваніе *Зуба*, не указавъ однако источника сего извѣстія. Не былъ ли князь Θεодоръ сыномъ В. князя Дмитрія господствующаго въ 1379. году въ Вя-

II.
КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕШСКО-
СЛОВЯЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Первый Періодъ.

Отъ первого поселенія Чеховъ 550. г. по р.
Хр. ажъ до Іоанна Гусса 1400.

(Старинныи чешскіи пѣсни. — Заведеніе школъ. —
Вліяніе Нѣмцевъ. —)

Изъ найстаршихъ памятниковъ чешской литературы, яко изъ именъ старинныхъ чешскихъ князей, поселеній и областей, явствуетъ, что старинный чешскій языкъ далеко былъ близшій къ старословенскому, нежели языкъ нынѣшнихъ Чеховъ. Первые върныи письменныи памятники ихъ языка не суть древнѣйшіи отъ введенія у нихъ Христіанства. Однакожь открыто передъ якихъ 30. лѣтъ поетическіи отрывки, которыи содержаніемъ своимъ сягають въ предхристіанское время. Самый древнѣйшій отрывокъ большей якои съ поемы есть такъ званый Любушинъ Судъ, подаренный въ 1818. г. неизвѣстнымъ лицомъ Чешскому Музею. Содержаніе его состоитъ въ томъ, что два Лехи (шляхтичи) Хрудошъ и Святославъ, посварились при роздѣленіи отеческихъ добръ и были вызваны Княжною Любушею, красною дочерью Крока, на судъ, где, послѣ народнаго приговора, недовольный Хрудошъ возстаеъ противъ Княжны, и оскорбленная Любуша отказывается отъ права обладати наследственными землями и просить со-

дмиръ и Луцку? см. Zubrzycki kron. Lwowa str. 49. — Евреи — Каранти пришли на Русь также изъ городовъ Солхатъ, Кафа, Мангузъ, и поселились кажется уже въ XIV. вѣцѣ въ городъ Галичъ. см. Dzieła T. Czackiego Rozpań 1840. str. 271. Журналъ Министер. внутр. дѣлъ 1843. кн. 2. О неосновательной сказцѣ составленной Леоновичемъ раввиномъ галицкихъ Карантовъ, будто тѣже еще 1246. года переселились въ Галичъ, приведу ниже мое мнѣніе.

бравшихся къ ней Леховъ, Кметовъ и Владыкъ выбрать изъ среди своей правителя. Но выступаетъ защитникъ ей въ лицѣ Ратибора, указываеъ на святой законъ предковъ, но бесѣда его не кончена. Въ 1817 открылъ Линде Пѣсню подъ Вышеградомъ, которая принадлежитъ также къ глубокой древности. Въ томъ же году нашель В. Ганка въ склепѣ Краледворской церкви извѣстну Краледворскую рукопись, писанну около 1380 — 1390 г. Суть то отрывки изъ большей книги, которой начало и конецъ, будь сгорѣли, будь истреблены якимъ непріязнымъ церковнослужителемъ. Въ рукописи сей считается 6. эпическихъ пѣсней, содержащихъ историческіи, народныи событія. или событія, основанныи на древнихъ преданіяхъ. 2. лирико — эпическихъ вѣроятно тоже историческихъ, и 6. лирическихъ пѣсней, составленныхъ въ незапамятныхъ временахъ, написанныхъ въ послѣдствіи со словъ якого нибудь пѣвца. Когда именно появились тѣи пѣсни — определить невозможно; вѣрно только то, что они произошли позже тѣхъ событій, которыи въ нихъ описываются. Языкъ тѣхъ прекрасныхъ поетическихъ твореній значительно сходный, именно что до нѣкоторыхъ устарѣлыхъ видовъ, съ церковнымъ языкомъ; красота поезіи не во многомъ уступаеъ русскому „Слову о полку Игоревъ.“

Найстаршая перепись чешского Отче-Нашу существуетъ по словамъ Добровского, съ IX. или X. вѣка. Съ того же времени осталъ чешскій переводъ Кирие — елейсонъ, сочиненный вторымъ епископомъ Пражскимъ, Адальбертомъ. Въ продолженіи XI. и XII. вѣка создано въ Чехахъ много монастырей, съ ними же учреждено народныи школы; нѣмецкіи художники, зодчій, даже седане поселились на чешской земли. Вліяніе нѣмецкихъ свчаевъ и обычаевъ я-

видось чѣмъ разъ выразительнѣйше, и чешскіи вельможи стали употреблять нѣмецкій языкъ. Межь всеми словенскими народами суть только одни Чехи, у которыхъ встречаемъ средовѣчное рыцарство, происшедшее изъ частыхъ съ Нѣмцами сообщеній. (П. с.)

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повѣсть.

ХІІ.

Скромно стоялъ у дверей молодой козакъ. опутивши очи въ землю, судорожно поворачивая въ рукахъ красивую кабардинскую шапочку. Алексѣй взглянулъ на него, протеръ очи и почти шопотомъ сказалъ: „Боже мой! или я обманулъ. или то Марина!...“

Двѣ чистыя слезы покотились по лицу молодого козака; онъ поднялъ очи, выпустилъ изъ рукъ шапочку и уже лежалъ на груди Алексѣя, тихо повторяя: „Я, мой милый! я, мой ненаглядный Алексѣю!...“

И долго они ничего не говорили, глядя другъ на друга, смѣялись, плакали и, сливаясь горячими устами въ одинъ безконечный поцѣлуй, уносились далеко отъ земли.

За всѣ печали, заботы и страданія, за всю тяжесть туземной жизни, великій творецъ щедро нагородилъ человека, давши ему молодость и — любовь!..

— „Якъ же досталась сюда, моя голубко!“ пыталъ Алексѣй: „якъ ты оставила отца и прошла пустыи вольныи степи?“

„Помнишь ты страстный вечеръ, когда отецъ засталъ насъ на островѣ?... Я сказала тебѣ: бѣжи скорше, бѣжи на Сѣчь, я тебѣ приказываю! И ты убѣжалъ, поцѣловалъ мене, а изъ за дерева вышелъ отецъ, грозно посмотрѣлъ на мене, поднялъ надо мною сжатую руку, — и остановился, будто неживый; потомъ ударилъ себе

кулакомъ въ чело и тихо, жалобно сказалъ: „но гледи на мене такъ страшно! ты похожа на мою покойницу... поведемъ домой!“ отвернулся и пошелъ; я за нимъ вду и ногъ не слышу. Пришли къ берегу, тамъ стоитъ лодка. въ лодцѣ Гадюка и Герцикъ. Отецъ сказалъ имъ весело: „Я проходилъ по острову и дошку нашелъ; она гутъ же проходила!“ Мы съи и пріѣхали домой.“

— „А ты не видѣла здѣсь Герцика?“ съ безпокойствомъ пыталъ Алексѣй.

„Якъ же! онъ съ нами встрѣтился у самой твоей палатки, и не узналъ мене. только сказалъ Никитѣ: проводи мене, добрый человѣче, къ Полтавскому куреню.“

— „И ты его съ разу узнала?“

„Узнала; мѣсяцъ бо святить яко въ день... Чего ты засумовался?“

— „Ничего. Тебѣ надобно бѣжати скорше изъ Сѣчи. Если узнають, что ты здѣсь, будетъ лихо, мы можемъ заплатить житьемъ.“

„Аншь бы разоужь, я готова умерти — но съ тобою!“

— „Къ чему умирати, когда мы будемъ жити разомъ счастливо, спокойно? Нашъ Кошевий писалъ нынѣ къ твоему отцу: онъ тебе для мене сваталъ, а Кошевого требуетъ теперъ твой отецъ. Якъ думашь: благословить насъ отецъ?“

„Богъ знаетъ, его не розгадаешь! Разъ онъ пріишелъ до мене утромъ, а я плакала. „Знаю.“ сказалъ онъ, „чего ты, дурна, плачешь. Кобы менѣ поймати того Алексѣя...“ Такъ что бы было? спытала я. „О знаю, что бы съ нимъ сдѣлалъ!“ отрекъ онъ грозно. Я больше заплакала и пошла въ садъ; мои цвѣты цвѣтуть и наклоняются одинъ къ другому; на нихъ ползають, вокругъ летаютъ мушки, жучки, пчелы, всѣ разомъ, всѣ роемъ, а я одна на свѣтъ, подумала я, якъ тотъ подсол-

нечникъ, что стоитъ одиноко надъ стежкомъ; но и ему есть весело, есть радость: онъ любитъ солнце, и куда оно пойдетъ, подсолнечникъ обертаетъ за нимъ свою цветную головку. И стало менъ совастно... Бездушный цвѣтокъ обертается къ солнцу; если бы у него сила, онъ оторвалъ бы ся отъ кореня и полетѣлъ бы къ нему, — а я? — мое солнце, моя радость далеко; знаю где онъ, и сижу будто связанная!... досажуся, что просвѣтаютъ мене за нелюба... страшно!... Къ вечери моя цыганочка продала всѣ дорогіи перлы и дукатовыи ожерелья, и въ ту же ночь я убѣжала изъ отцевскаго дому, пристала дорогою къ Запорожцу Касьяну, — и онъ, спаси-Богъ, провелъ мене до самой Съчи...”

— „Ахъ, ты моя ненаглядная Марино! И для мене ты кинула домъ, отца, родину? для мене рѣшилась ѣхать верхомъ, дикими сторонами, надѣла козацкое платье, обрѣзала свои долги, темныи косы!” *)

„На что они были менъ?... Я съ радостію взяла ножницы и обрѣзала ихъ... Но когда они упали передо мною на столъ темныи, долги, — будто что оторвалось отъ моего сердца; ахъ, и я заплакала. Косы, мои косы! подумала я: сколько лѣтъ я свивала и розвивала васъ, сколько лѣтъ я гордилась вами передъ подружками, когда вы, якъ черныи змѣи, красиво обвивались вокругъ моей головы и полная роза порою горѣла надъ вами будто пламя!... Думала я во гробъ легчи съ вами, темныи мои косы, съ вами, подружки моей одинокой радости и печали... И вотъ, я подняла руку на саму себе!... Такъ я думала, —

*) И до сихъ поръ на Украинѣ считается наибольшіиъ безчестіемъ отрѣзати дѣвочѣ косу. Ни за яку платню дѣвочка не соизволятъ добровольно позбавити себе того украшенія. „Коса вырастетъ, а позору не вернешъ”, самчайшо отбѣчаетъ она на предложенія перукаря или якого другого городского предпринимчика, ходящего отъ села до села за покупою хорошихъ волосовъ.

не сердись мой милый... но то было не долго: я вспомнила, для чего лишилась своей красы — и перестала плакати, даже сама сплела обрѣзанныи косы, сокрыла на груди своей и принесла тебѣ въ подарокъ. На, возьми ихъ, они твои!” Алексѣй прижалъ ихъ къ сердцу, обнялъ и поцѣловалъ Марину. — Алексѣй и Марина плакали.

— „Скажи менъ,” спыталъ Алексѣй по долгомъ молчаніи: „зачѣмъ ты назвала себе Алексѣемъ.”

„Для того, что менъ подобалось тое имя... Охъ, вы козаки, козаки! думаете, что у бабъ ума нѣтъ; а когда возьмется на хитрости-пятьнацятилѣтная дѣвочка проведетъ старика. Видишь, я назвалась Алексѣемъ, Пирятинскимъ Поповичемъ нарочно, чтобы найти тебе скорше. Я домышлялась, что будешь на Съчи; я не знала того на вѣрно, но мое сердце вѣщало, что ты здѣсь. А якъ найти тебе? Стану допытыватись — можетъ догадаются. Я и подумала: назовусь сама Алексѣемъ; коли кто тебе не знаетъ, тотъ ничего не скажетъ; а другій, можетъ скажетъ: знаю и я одного Алексѣя Поповича Пирятинскаго, видѣлъ его ось тамъ и тамъ, или что подобное. И то менъ на руку...”

— „Ось яка хитрая!”

„Прійдется хитрость, когда силы нѣтъ. Едва я сказала въ куренъ свое имя, такъ всѣ и закричали: „Ось штука! есть у насъ уже одинъ Алексѣй Поповичъ, та еще и Пирятинскій; но его теперъ нѣтъ, позжалъ на Крымцевъ; а что за молодець, да онъ у насъ войсковымъ Писаремъ!” И я все узнала не пытаюсь про тебе, мой ясный соколе! Не сумуй же такъ! или ты уже не любишь мене?”

— „Мене Богъ покараетъ, если бы я не любила тебе! Для того я и задумался, что люблю тебе, что менъ жалко тебе. Мои

товарищи не злы, но суровы и неумолимы. когда кто нарушает ихъ законъ. Бѣда, если тебе узнаютъ! У мене сердце замираетъ, коли подумаю... Я боюсь, чтобы тотъ Герцикъ...

„Что за нужда Герцику изшатись въ ваши войсковы дѣла? Опъ не Запорожець, а твой пріятель; и онъ не узналъ мене!..”

— „Последнему то я не вѣрю; у него очи якъ у кота; скажи лучше, что ему выгоднѣйше не измѣнати намъ.”

„Розумѣется... Остави свои черныя думы, посмотри на мене веселѣйше, пріятнѣйше!”

— „Радъ бы оставити, та сами лѣзутъ въ голову. Снова думаю: таже Герцикъ зпалъ, что ты убѣждала?”

„Онъ оставалъ въ Лубнахъ, въ нашемъ домъ, такъ вѣрно зпалъ.”

— „Чемужь онъ менъ того не сказалъ? Якъ думаю, тутъ есть не доброе...”

„Ничего! Вотъ, ты менъ дай добраго коня, я поѣду прямо на зимовникъ Касьяна, и тамъ подожду тебе; отецъ вѣрно согласится на нашу сватьбу; а не согласится — Богъ съ нимъ; займемъ кусокъ степи, сдѣлаемъ землянку и будемъ жити.”

Тутъ начались толки, планы о будущемъ, увѣренія въ любовь, клятвы; наконецъ, Алексѣй наразъ будто вздрогнулъ и торопливо сказалъ: „Пора намъ вхати; ночь коротка; чуешь, якъ стало свѣжо въ палатцѣ, въ скоръ станетъ свѣтати. Менъ не можно отдалятись, я тебѣ дамъ за проводника Никиту; онъ человекъ добрый, любить мене и менъ не измѣнитъ; боюсь только, что онъ пьяный... Ну, пойдемъ! Боже мой! слышишь, кто-сь розговориваетъ за палаткою!...”

Марина молча вивнула головою.

— „Такъ, розговориваютъ; не бойся,

то запоздали гуляки, а сейчасъ прогони ихъ...”

Алексѣй быстро раздвинулъ помы палатки и остановился: на дворъ уже совсемъ розсвѣтало; передъ палаткою стоитъ толпа козаковъ.

— „Что вамъ надобно?” спросилъ Алексѣй.

„Власть твоя, Пяне Писарь,” отвѣдали козаки: „а такъ дѣлати не годятся. Не долго будетъ стояти наша Свѣчь, коли начальство само станетъ ругатись нашимъ законамъ; коли...”

— „Идите, братья, спати!... вы со вчерашного похмѣлья...”

„Дай Господи, чтобы то было съ похмѣлья! Ось, а сорокъ лѣтъ на Свѣчи, а никогда съ похмѣлья не проснилось такое, якъ на яву совершается,” говорилъ свѣдый козакъ: „якъ можно скривати на Свѣчи женщину? отъ женщины и въ раю человеку житья не было; а пусти ю въ Свѣчь...”

„Жаль, что изъ моего куроня вышелъ такой грѣшникъ!” сказалъ Куренный Атаманъ: „испоконвѣку не было на Поповичевскомъ куренѣ такого патна.”

„Гей, якое беззаконіе!” говорили многіи голоса громче и громче: „вотъ оно нечистое искушеніе! ось сидитъ она. Возьжемъ ю, хлопцы, и прямо къ Кошевому.”

„Вы врете!” сказалъ Алексѣй: „идите себѣ съ Богомъ, или вамъ зло будетъ.”

„Нѣтъ, нѣтъ;” кричали козаки: „лицари по врутъ; можетъ, врутъ письменни, въ школь выучились; еще передъ свѣтомъ намъ сказали, что у Писаря въ палатцѣ женщина; такъ мы собрались сюда и слышали вашу бесѣду, и ваши поцѣлуй, — все слышали, и Попа призывали...”

— „Коли такъ, да будетъ такъ; у мене въ палатцѣ женщина: она моя невеста. Не хотѣлъ я оскорбляти товариства и

нарушати законы Съчи; за годинку ю уже тутъ бы не было, а теперь ваша рука не дотронется ей чистой, непорочной; развѣ трупъ ей и мой разомъ вы получите...”

Алексѣй обнажилъ саблю.

„Стой, сыну мой!” закричалъ голосъ священника, выходящего изъ толпы: „въ беззаконіяхъ зачатъ еси и во грѣсахъ рожденъ ты, яко человекъ; не придавай новой тяжести на свою совѣсть. Прочь оружіе! Смирись, грѣшнику, передъ крестомъ и Распятымъ на немъ!”

Священникъ поднялъ крестъ; козакъ снялъ шапку; Алексѣй кинулъ саблю и палъ на колѣна.

„Такъ, сыну мой, покорись Богу и законамъ; бери свою невѣсту и пойдемъ на судъ Кошевого и всего товариства. Не троитьте его, братья, онъ самъ пойдетъ.”

„Пойдемъ!” рѣшительно сказала Марина, выходя изъ палатки: „пойдемъ, мой милый; наша любовь чиста. Богъ видитъ ю и спасетъ насъ.”

И окруженный козаками, Алексѣй и Марина пошли за священникомъ къ палатцѣ Кошевого.

Строго принявъ Кошевыи вѣсть о преступленіи войскового Писаря; сейчасъ же собралъ совѣтъ, и въ нѣсколько годинъ, Алексѣй и Марина были осуждены на смертную кару. Изъ уваженія къ заслугамъ Писаря сдѣлалъ ему милость: позволили умереть разомъ съ Мариною. Въ Съчи не нашлось козака, который бы рѣшился стяти голову женщины.

— „Нѣтъ ли где Татарина?” пыталъ Кошевыи.

„Извѣстно, мы не беремъ въ полонъ той сволочи,” отвѣчали ему: „а сотникъ Буланый, который теперь живетъ зинovníкомъ, весной поймалъ на гулянь старого Татарина и кажетъ ему молотъ въ жарнахъ

кукурузу; такъ чей привести того Татарина, если онъ не закололся уже до смерти.”

Послали за Татаринномъ, казнь отсрочили до завтра, а преступниковъ посадили подъ стражу въ маленькой избѣ съ желѣзными кратами на окнахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ ХИНСКИХЪ ВОЗСТАНЦЕВЪ.

Отъ нѣякого времени ведется въ Хинахъ междоусобная борьба, которой цѣлю есть: съ низверженіемъ татарско-монгольской династіи вовести религіиную реформу. Возстанцы объявили недавно свое вѣроисповѣданіе, которое помѣщается въ нѣсколько книгахъ, и весьма сходно есть съ Христіанскимъ. Первая есть „книга небесныхъ законовъ и установленій,” которыи Богъ и Есу объявилъ царю Тьенъ-те, приказывая, чтобы не разбивати, мужественно воевати и чтити жилища жептинъ. Вторая книга заводитъ новый мѣсяцесловъ о 360 дняхъ, 12 мѣсяцахъ съ однимъ днемъ отпочинка въ седмицѣ къ хр. недѣлю. Третія книга есть „Откровеніе Отца небесного, когда сошелъ на землю;” четвертая и пятая книга содержитъ Боніи повелѣнія, которыи упоминають къ покаянію, къ почитанію истинного Бога, и прирекають рай повинующимся, адъ преступникамъ. Потомъ слѣдуютъ предписи ритуала. Правовѣрный долженъ на колѣнахъ просити Бога о прощеніе грѣхамъ, мытися въ рѣцѣ, при каждомъ обѣдѣ молитися и праздники святити. Тогда будетъ спасенъ и прійдетъ въ царство небесное.

Ежедневная молитва хинскихъ Нововѣрцевъ есть слѣдующая: „И (А. Б.) ключи, съ сокрушеннымъ сердцемъ жалѣю за грѣхи мои и прошу Отца небесного, великого Бога, чтобы полною милостію своею простилъ менѣ давнѣйшіи мои грѣхи не-

вѣщества, обновилъ жизнь мою, душу мою принялъ до небесъ. Кидаю всѣ мои давнѣйшіи распутія, особливо идолопоклонство. Молюсь къ Богу, чтобы далъ мнѣ святого духа, чтобы перемѣнилъ мое испорченное сердце, избавилъ мя отъ искушеній, и имѣлъ надо мною попеченіе, чтобы далъ мнѣ кормъ и все потребное для тѣла, увольненіе отъ нужды, миръ въ семь свѣтѣ и славу въ будущемъ — милостію нашего Спасителя и старшого Брата, который избавилъ насъ отъ грѣха. Наконецъ прошу, чтобы воля Божія была въ небесахъ яко и на земли. Аминь.“ — Кромѣ того находятся въ книжцѣ сей молитвы утренній, вечерній, подѣобданныи, и при всякихъ замѣчательныхъ случаяхъ.

На недѣлю приписана къ пѣнію слѣдующая доксологія; „Хвалимъ тебе Боже, Отче небесный; хвалимъ Е-суса Спасителя міра; хвалимъ святого духа, найвысшую мудрость, хвалимъ три особы въ духу истины соединены.“ — Къ тому есть 40 заповѣдей согласныхъ съ еврейскими, только къ седьмому додано есть запрещеніе употреблати тютюнъ и опіумъ. Пятая книга содержитъ „библейную исторію ветхаго и новаго заветъа;“ шестая книга „Ода для юношества,“ содержитъ уставы Конфуція, который также изрекъ; „люби ближняго твоего, якоже себе самого.“ Прочіи шесть книгъ подоютъ правила для воинства; зываютъ Хинчиковъ сорвати союзъ съ „логаными дьяволскими Татарами, и уважати правого, Богомъ избранного, Монарха, кинути идолопоклонство и вернуть къ почитанію единого Бога, сообразно съ давными письмами мудрецовъ и съ народными преданіями.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ И СКУПОСТЬ.

Начальство одного малого мѣстечка вы-

брало разъ нѣсколько мѣщанъ и поручило имъ, чтобы они обошли всѣ дома и собирали добродѣтельными жертвы для вспоможенія обѣднѣвшихъ родинъ того мѣстечка.

Выбранныи мѣщане пришли, межъ прочимъ, одного рапа на подворье пѣвкого богатого согражданина. Они застали его въ стайнѣ, и подходячи, слышали, якъ онъ со гнѣвомъ сварилъ на своего паробка за то, что тотъ оставилъ черезъ ночь мотузокъ на дождѣ, а не положилъ его где въ сухомъ мѣстцѣ.

„Ну, попали нѣ мы на человѣка! то якійсь скупецъ,“ говорилъ одинъ изъ мѣщанъ, „тутъ ни шеляга не выпросимъ.“

„Однакожь, не вредитъ попробовати,“ сказала другій; и они подошли ближе.“

Господарь встрѣтилъ ихъ ласково, и межъ тѣмъ, когда шли съ нимъ до хаты, они объявили ему, за чѣмъ прибыли. Якъ удивились они, когда онъ весьма охотно пожертвовалъ значительную сумму грошей, и кромѣ того прирекъ ешегодно жертвовать столько же. Тропутыи такимъ добродѣтельнымъ чиномъ мѣщане не могли не признаться благотворительному человѣку, что вспомошествованіе его для нихъ вовсе неожиданно, понеже слышавши, якъ онъ сварилъ на паробка за такъ маленькую вещь, они думали, что онъ дуже скупый, и отправитъ ихъ съ порожними руками.

„Отонъ для того, милыи сограждане,“ отвѣчалъ онъ, „понеже я всегда заботился о всемъ, пришелъ я, слава Богу, въ такое состояніе, что могу и другимъ помогати.“

Не стыдись бережливости, и не называй ю скупостію; стыдись одной скупости. Не избѣгай случая благотворити, и не считай ложно благотворительности за расточительность.

НОВЫЯ РУССКІЯ КНИЖКИ.

Межи новыми книжками, продающимися въ русской книжной лавцѣ во Львовѣ, заслужаютъ особеннаго вниманія: нравоучительная повѣсть „Цвѣтныи Кошечокъ“, и учебная книга подъ заглавіемъ „Звѣрословіе“.

„Цвѣтныи Кошечокъ“ составляетъ собою вторую часть „Библиотеки благополезнаго чтенія для дѣтей“, которая, исполняя предложенную себѣ задачу съ наилучшимъ успѣхомъ, удостоивается всесторонней признательности. Якъ первая часть „Библиотечки“ сей предложила себѣ достохвальную цѣль подати русскому юношеству начала главнѣйшихъ свѣдѣній изъ круга различныхъ благополезныхъ наукъ, и такимъ дѣломъ содѣйствовать развитію душевныхъ силъ молоденькаго ума: такъ есть снова преимущественною второй части задачей дѣйствовать посредствомъ благонаправленной повѣсти на дѣтское сердце. И вонистину, реченная повѣсть рѣшаетъ свою задачу въ полнѣ; она есть въ состояніи возбудити и наикраснѣе чувства въ юношескомъ сердцѣ, укрѣпити природную привязанность дѣтей къ родичамъ, возвеличити любовь ихъ къ добру, хорошему и высокому, вознести душу ихъ къ Богу. Самое отличительное свойство сей заключается въ томъ глубоко, религіиномъ, чувству, которое такъ высокую цѣну даетъ некоторымъ новѣйшимъ повѣстямъ, именно „Хижинѣ стрыи Оомы“, а которое и тутъ отзывается въ каждомъ изреченіи богобоязненнаго Владимира и дочери его, колодевкы богатырки сея повѣсти, добросердечной Людмилы. Мы воздаемъ отъ сердца заслуженную хвалу и полную признательность юному переводчику той наилучшей Шмидовой повѣсти, г. П. Яновичу, и рекомендуемъ ю всѣмъ добрымъ Отцамъ и Матерямъ, которы могутъ сдѣлать нею наикраснѣй подарокъ для своихъ дѣтей въ день сближающагося Нового Года.

Такимъ же подаркомъ и во многократную пользу можетъ послужити такожъ учебная, издержками в. правительства изданная, книжка: „Звѣрословіе“ В. Воляна. Есть то утѣшительно для каждаго Русина видѣти, что нашъ языкъ въ такъ короткомъ времени своего образованія развился уже о столько, что нимъ возможно нинѣ составлять учебники, принадлежащіи къ кругу опытныхъ и отвлеченныхъ наукъ. И то не меньше радостно для русскаго сердца, что къ тому хорошему и трудивому дѣлу берутся такожъ молоды, ударованныи люди, на которыхъ прилѣжности полагаеть Русь на-

ша свои наилучшіи надежды. И каждый съ тѣхъ юныхъ соработниковъ трудятся на поприщѣ того предмета, который наиблизшій есть его званію и наилучше ему извѣстный. Якъ г. Яновичъ, слушатель св. Богословія Прашевской епархіи, занялся составленіемъ нравоучительной повѣсти, такъ г. В. Волянь, слушатель медаины на Вѣденскомъ всеучилищѣ, работаетъ около природныхъ наукъ. Мы желаемъ ему на томъ полѣ наилучшаго успѣха, и похвалляемъ не только слогъ его ясный, вразумительный, якимъ г. Волянь всегда отличается, но такожъ тую его скромность, по внушенію которой назвалъ онъ сочиненіе свое переводомъ, межъ тѣмъ когда оно въ многомъ отношеніи дополнено и исправлено по его же собственнымъ знаніямъ. Касательно языка замѣчаемъ, что оба тѣи сочиненія написаны образующимся у насъ книжнымъ малорусскимъ языкомъ, и различаются весьма малозначно только по правописи и некоторымъ грамматическимъ формамъ.

Современно мило намъ изъ достовѣрныхъ жерель подати тую вѣсть нашимъ почтен. Читателямъ, что стараніемъ и издвеніемъ в. Правительства вышла сими днями уже „Первая языкоучебная Читанка.“ а незадолго выйдеть одна русская книжка по другой, яко: „Книжка рахункова“, „Катихисисъ великій“ и „малый“, „Грамматика“ и „Русская Читанка для высшихъ школъ гимназіальныхъ.“

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ

— Недавно вышла изъ типографіи заведенія Оссолинскихъ въ Львовѣ замѣчательная книга въ латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Отрывки изъ Троя Помпея, съ которыхъ одинъ нашелъ въ рукописяхъ библиотеки Оссолинскихъ, другіи съ печатаныхъ уже сочиненій болшею частію писателей польскихъ въ первый разъ узрѣлъ и дополнялъ ихъ отрывками давно извѣстными вразъ съ предисловіями исторіи Филиппиковъ и съ критическими замѣчаніями издалъ А. Бѣловскій.“

— Сими днями вышла во Вѣднѣ „Словенская читанка для V гимн. класса, составлена профессоромъ старословенскаго языка, славнымъ ученымъ Фр. Миклосичемъ.“

— Въ Лонднѣ учредиъ ивкій г. А. Герценъ русскаю типографію, въ которой напечатано уже одну русскаю книгу.

— Учитель стенографіи (скорописанія) на Вѣденскомъ всеучилищѣ, г. Гегеръ написалъ въ

чешскомъ языкѣ: „Короткое наставленіе къ стенографіи для 4 головныхъ словенскихъ языковъ, с. е. чешского, польского, ширского и велико-русского.“

— Сими днями вышло въ Парижѣ новое изданіе всѣхъ сочиненій теперѣшняго французскаго Царя Наполеона III въ 4 томахъ. Одинъ томъ содержитъ въ себѣ статьи политическаго содержанія, 3 прочія „романтическую повѣсть подь заглавіемъ „Марія.“

ВСЯЧИНА.

— Славный историкъ Гиббонъ говоритъ въ 55 главѣ своего великанскаго дѣла, что еще въ пред-турецкое время извѣстно было въ Царградѣ оно пророчество: будто Царградъ попадетъ въ свое время въ руки Россіянъ.

— Въ Москвѣ вышло теперь въ моду новенькое верхняго жупанка съ долгими петлицами съ переду, которое то одѣние называютъ тамъ свято славкою. Поводъ къ оной модѣ подалъ образокъ, сохранившійся въ старорусскомъ „Сборнику“, писанномъ въ 1073 году, на которомъ представленъ Черниговскій князь Святославъ Ярославичъ въ такомъ же одѣніи.

— Вѣдень, престольный городъ австрійскаго цѣсарства, имѣетъ 9452 домовъ, а 434,000 жителей.

— Лѣкаря въ Пештѣ рѣшили межъ собою одногласно, дѣлать убогихъ хорыхъ всегда и всюду безплатно. Слава имъ!

— Одинъ швецъ въ Сасварошъ въ Семиградѣ хотѣлъ къ своей возлюбленной послати любовныя стишки и пошелъ купити на туя цѣль драгоцѣннаго паперу. Продаваній по купеческимъ лавкамъ нѣсколько крайцавовый золоченый паперъ казался ему быти на такъ высоку цѣль надто дешево и подимъ, и для того написалъ онъ свои солодкія стишки на 4 ренсковомъ клейчованомъ паперѣ!

— Дня 8 с. м. породили въ Вѣднѣ двѣ сестры въ продолженіи одной и тойже години 4 дѣтей; одна имѣла двоихъ сыновъ, друга двѣ дочери.

— По статистическимъ изчисленіямъ г. Еверта утратили Соединенныя державы въ Америкѣ въ продолженіи 10 лѣтъ съ поводу употребленія горѣлки 600 миліоновъ долларовъ. Черезъ тотъ напѣтокъ погубило 300000 людей житіе, 100000 пришло въ домы убогихъ, 150,000 до вазницъ, 1000 людей сошло съ ума, 1500 допустились самоубійства, 200,000 женъ стали вдовами, 1 миліонъ дѣтей сиротами, а на 10 миліоновъ долларовъ выно-

сятъ утраты черезъ пожары, случившіяся въ слѣдствіе пиянства.

— Средство противъ лишая. Дуже простое средство, абы побытись лишаевъ есть: распускается кусень соли въ устахъ и тѣмъ сольнымъ плыномъ смазуются лишаи: въ нѣсколько дней исчезнутъ они совсѣмъ.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣденской дна 12 Нов.	
Ажіо ц. червоонецъ	20%
„ серебра	14½%

СЛОВО

КЪ НАШИМЪ ПОЧТ. ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Хотя уже нѣсколькократно объявлено было въ „Зорѣ“ мнѣніе наше касательно усовершенванія нашего языка и дополненія его старорусскимъ или церковнымъ языкомъ, и тоже стремленіе наше явственно есть изъ каждого числа нашей временописки: то однакожь, бывши возванъ въ ч. 82 „Вѣстника“ ч. г. I. Лозиньскимъ къ публичному объявленію нашего мнѣнія касательно употребляемого нами языка, и будучи къ тому принужденъ на нѣкоторыя упреки, данныя намъ двома дописывателями „Вѣстника“, отвѣтити: предлагаемъ нынѣ почтеннымъ Читателямъ — откровенно и свободно — наше литературное исповѣданіе.

И такъ изъясняемъ во первыхъ: Языкъ, которымъ пишемъ, есть развивающійся у насъ, книжный малорусскій, языкъ: основу, корни и формы подалъ ему языкъ нашего народа, и недостающія ему слова и глубокоосновную словенскую правопись образованный, священныи языкъ нашихъ Предковъ. Соответственно тому правилу развивается онъ по единичному желанію всѣхъ образованныхъ Русинновъ и при пособіи и содѣйствіи в. Правительства со времени нашего возрожденія, усовершеншается съ днемъ каждымъ, и такъ усовершеншасмый употребляется не только въ выходящихъ ежевременно меньшихъ и большихъ малорусскихъ книжкахъ, но и во всѣхъ существующихъ у насъ русскихъ временописяхъ, именно въ „Вѣстнику“, „Ладѣ“ и „Зорѣ Галицкой.“ Единственное различіе, какое межъ тѣми тремя Часописями, яко и иными малорусскими словесными произведеніями заходитъ, заключается не въ языкѣ, но въ весьма малозначительной отягчѣ ихъ правописей, и въ частшемъ или рѣдшемъ употребленіи словъ изъ областныхъ русскихъ нарѣчій (провинціалізмовъ), или такожь нѣкоторыхъ словъ чисто-польскихъ. — При

томъ замѣчаютъ, что, говоря словами г. І. Лозинскаго, „нашъ языкъ съ російскимъ яко наиблѣжшій сосѣди до себе суть найподобнѣйшій,“ и подобіе тое заключается, не въ выговорѣ словъ, но въ общей тѣмъ двухъ языкамъ, словенской правописи и въ томъ многоважномъ обстоятельстве, что книжный російскій языкъ развивается отъ выше ста лѣтъ по тѣмъ же самымъ правиламъ, якимъ приняты суть нынѣ всѣми просвѣщенными Малорусскими, т. е. недостаточное простонародное Россіянь нарѣчіе дополнялось и дополняется непрестанно словами нашего старорусского языка. И такъ якъ книжный старорусскій языкъ различался отъ чистого старословенского выговора, отъ части же правописи, и многими изъ простонародныхъ русскихъ нарѣчій принятыми словами (о которомъ то различіи намѣрены мы говорить со временемъ пространнѣйше): такъ различается и будетъ всегда различатися нашъ книжный малорусскій языкъ отъ книжного великорусского языка, и думаемъ, никогда не станется „московскимъ“ нарѣчіемъ.

Во вторыхъ: изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что мы пишемъ для просвѣщенной части русскаго народа, т. е. для тѣхъ честныхъ Русинновъ, которыя имѣютъ свои познанія въ нашемъ народномъ и старорусскомъ или церковномъ языкѣ. Къ такому способу писанія понуждаетъ насъ не только предложенная нами науковая цѣль нашей временописи, но еще больше то обстоятельство, что всѣ наши почтенныя Пренумеранты принадлежатъ къ сословію людей просвѣщенныхъ, учителей и духовныхъ пастырей любезнаго нашего Народа.

Сказавши откровенно, въ якомъ языкѣ пишемъ и для кого пишемъ, додамъ еще тое, что мы сказали оно мнѣніе во имени своемъ т. е. Редакціи „Зори Галицкой;“ что нашей правописи, нашего способу писанія и нашего повременнаго Писма никому не накладежъ, всякіи же замѣчанія и указанія касательно нашихъ дѣйствованій, даннымъ намъ въ добромъ намѣреніи, пріймаемъ отъ каждого просвѣщеннаго Русина съ благодареніемъ.

Наконецъ обяваны мы еще отвѣтити нѣсколькимъ словамъ на нѣкоторыя упреки, даннымъ намъ ч. дописывателями „Вѣстника.“ И такъ: въ числѣ 64 „Вѣстника“ г. Іосифъ Лозинскій, говоря съ негодованіемъ противъ теперѣшней яко-то „московско-болгарской епоцѣ“ въ нашей литературѣ, замѣчаетъ, что, „прійде часъ, же може и Зора иначе

свѣтити начне.“ Если г. Д. подъ словомъ иначе думалъ слово лучше (о чемъ нѣтъ сомнѣнія), то и мы съ нимъ соглашаемся и желаемъ нашей „Зорѣ“ во всякомъ отношеніи улучшенія. И въ томъ можемъ почтенныхъ Читателей увѣрити, что мы посвящаемъ всѣ труды наши единственно занятіемъ на пользу русской словесности, преимущественно же поднесенію и улучшенію нашей временописи; и такъ якъ съ помощію Господа сдѣлаемъ якимъ большіи успѣхи въ наукахъ и знанію русскаго языка, такъ начнетъ лучше свѣтити и наша „Зора.“ — Другіи дописыватель, Господинъ . . . , упрекаетъ въ 71 ч. „Вѣстника“ нашу „Зору“ за то, что она „представляетъ три языки, еденъ въ повѣсткахъ, другіи въ обзорѣ историческомъ а третій въ поученіяхъ церковныхъ.“ Хотя то очевидно сказано только жартомъ, о чемъ увѣренный такожъ и Господинъ . . . , который безсомнительно не уважаетъ на правду малозначительныя отъяны въ словѣ или еще меньшіи въ правописи или нѣсколькихъ грамматическихъ видахъ, инымъ языкомъ или инымъ нарѣчіемъ: то однакожъ дѣлаемъ тутъ сіе замѣчаніе, что такъ якъ предлагаются въ „Зорѣ“ статьи по различнымъ предметамъ, будь поэзіи, повѣсти и всякіи короткіи донесенія, будь чисто-научовны розсужденія и поважныя бесѣды церковныя: такъ каждый изъ тѣхъ предметовъ wymagaетъ своего особеннаго способу выраженія, т. е. особенной, соотвѣтнотной себѣ формы. Тое замѣтити можно въ книгахъ и временописяхъ, писанныхъ для различныхъ цѣлей въ которомъ нибудь существующемъ книжномъ языкѣ. А что иногда оставляемъ нашимъ почт. дописывателямъ нѣкоторыи ихъ свойственности по слогу или по правописи, то думаемъ, вовсе не есть зло, и скорше доказываетъ о нашей, въ нынѣшнемъ времени розвиванія книжнаго русскаго языка достохвальной, толеранціи. — Тотъ же дописыватель посуждаетъ насъ въ реченномъ ч. „Вѣстника“ о зарозумѣлость, однакожъ не привелъ на то ніякихъ доказательствъ; также говоритъ онъ (чей такожъ жартомъ) о „незапереченыхъ въ прочемъ здатностяхъ Редакторства „Зори Галицкой,“ но тоже безъ доказательствъ. Мы скажемъ на то коротко: что съ незаперечеными въ прочемъ здатностями не всегда получена „зарозумѣлость.“ — На другіи меньше важныи и почти ничтожныи упреки, даннымъ намъ тѣми же ч. дописывателями, отвѣтимъ при иномъ случаѣ. Отъ Редакціи.

(Слѣдуетъ Число 37. „Поученій Церковныхъ.“)

Изданіемъ и типомъ Института Ставропигіянскаго.
Отвѣтательный Редакторъ *Богданъ А. Андрицкій.*

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ С е р е д у два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четвертьючно получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

СМОТРЪ КРЕСТОВЪ.

(Пригча, изъ Хамиссо.)

Однажды путникъ, проходя горою,
Узрѣлъ долину красну предъ собой,
Освѣтлену вечерною зорюю.

И въ солнечныхъ лучахъ, на молодой
Травѣ онъ утомленный уложился,
Молитъ Всевышняго о сонокоѣ.

И томный взоръ его на сонѣ склеился.
Но бодрый духъ, сннувши тѣла прахъ
И брѣвность всю, въ краю мечты носился.

Онъ будто видѣлъ въ солнечныхъ лучахъ
Лице Господне — а въ небесѣхъ святыхъ
Его одежду въ чудныхъ зрѣлѣхъ красахъ.

„О Боже,“ рекъ онъ, „ты о грѣшномъ сынѣ
Печешься, не вмѣняй во зло ему,
Коль онъ въ своей сознается провинѣ.“

„Ахъ знаю я: кто здѣсь рожденью, тому
Съ терпѣльемъ нужно крестъ земный носить;
Но крестъ различный далъ ты каждому.“

„Мой надто тяжкій! — а я уболшати
Силъ не могу — такъ дай мнѣ крестъ другій,
Или подъ тѣмъ прійдетъ мнѣ вѣкъ сгубити!“

Когда произносилъ онъ вопль такой,
Пришла внезапно буря — и умчала
Его съ собой насильно въ край другій.

И тутъ ему дорогу указала
Невидима рука въ пространнѣй Храмѣ,
Въ которомъ тма крестовъ всюда лежала.

Къ нему озвался грозный голосъ тамъ:
„Свою здѣсь пристань нужда вся имѣетъ,
Одинъ съ крестовъ тѣхъ выбрай ты самъ!“

Избрати самъ себѣ онъ и не смѣетъ,
Но впрочемъ лишь такой избрати бѣ радъ,
Егоже легко онъ нести успѣетъ.

Но выборъ не идетъ ему во ядъ:
Тотъ надто тяжкій крестъ, сей острогранный,
А съ тѣмъ не ступитъ ни въ передъ ни въ задъ.

Одинъ, изъ золота чей вылитанный,
Свѣтился и его къ себѣ манилъ,
Но жалъ, онъ тяжкій былъ, якъ оловянный.

И сколько тѣхъ крестовъ ни подносилъ,
А все таки избрати неприятно
Изъ нихъ, бо каждый невыгодный былъ.

И пробу ту дѣлалъ онъ двоекратно,
И дармо силы снова свои терялъ
И время дорогое, невозвратно!

А крестъ, которого не замѣчалъ
Онъ прежде: тотъ наилучшій оказался,
Того онъ наконецъ себѣ избралъ.

Сей крестъ былъ дуже простый, но казался
Его отвѣтныи силамъ, — тожь просилъ
Онъ Бога, чтобъ сей крестъ ему достался.

Когда жъ его онъ ближе изслѣдилъ
Очима, то узналъ, что крестъ избранный,
Былъ тотъ, противъ коему такъ вопилъ!

Онъ взялъ его и неслъ ужъ безъ роптаній.

Богданъ А. Д.

**§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО-
ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ
ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII.
ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.**

Сочин. Антономъ Петрушевичемъ.
(Продолженіе.)

По смерти Даниловой произошло для отечества нашего еще далеко важнейшее событіе и если бы зависть не препятствовала дѣлу, принесло бы было оно великія користи для югозападной Руси, пособствуя ей отрожденію, укрѣпленію и спокойствію сусѣдныхъ земель. Войшелгъ сынъ Миндовга искренный другъ Василька и Шварна зятя своего, съ ихъ помощію овладѣлъ большею частью Литвы, раздробленной на многія области и окрестивъ много своихъ соплеменниковъ, отступилъ Литовскій престолъ Шварну (1266.), а самъ снова заключилъ въ Угровскій Монастырь св. Данила, 97.) Русь надѣялась напрасно, что такимъ образомъ прекратятся грабительства Литовскія, и что сей народъ оставаясь теперь подъ владѣніемъ одной русской династіи составитъ со временемъ одну державу съ Галицкимъ кня-

97.) Ипат. Лѣт. 204. подъ 1268. г. Покореніе Литвы Войшелгомъ относитъ Перва Новгородская Лѣт. стр. 58. къ 1265 году. Подъ тѣмъ же годомъ древній Лѣтописецъ (съ 1254 — 1379) напечатанный въ СП. 1774 стр. 14. пишетъ о Войшелгѣ, что, онъ услышавъ объ убіеніи своего отца (1263 г.) „сня съ себе ризы мноческія и на третій годъ общася пакы положити ихъ на себе, и никако же не измѣни устава и правила мноческаго. И совокупн воимство много, и пріятелн и друзи отца своего великого князя Миндовга, и иде на поганую Литву и Чюдъ и полѣни вся тамо сущая. И стояше тамо лѣто все, и многихъ крести и церкви и монастыри въздвиже. Илия же отгуду убѣжаша въ Псковъ и съ женами и съ дѣтьми и крестяшася божественнымъ крещеніемъ. Онъ же сія управивъ добре, и воеводу большаго Андрея Даниловича

женіемъ; иначе хотѣло Провидѣніе, откладая тотъ преобразованный союзъ Литвы съ Русью къ позднѣйшему времени. Властолюбіе князя Льва забывающаго о блазѣ отечества довело его ко коварному убійству русилюбиваго Войшелка, изъ зависти какъ говоритъ Лѣтопись (Ипат. Л. 204.) за то, что послѣдній отдалъ землю Литовскую, брату его, Шварну. Тотъ господствовалъ едва два года на Литвѣ. умеръ кажется 1268. года; города его Холмъ и Галичь достались князю Льву, а Литва сдѣлалась опять самобытною признавая свирѣпаго Тройнату своимъ Государемъ.

Скоро послѣ Шварна скончался князь Василько, храбрый и неутомимый въ войнѣ и достойный братъ Даниловъ; въ Владимірѣ началъ княжити сынъ его Іоаннъ — Владиміръ женатый на Ользѣ дочери Романа Михайловича Брянскаго (1271.) 98.) Левъ и Мстиславъ пособствовалъ польскому Го-

(яе было - ли Андрей имя крестное Шварна) поставилъ имъ тамо великимъ княземъ.

„Тогоже года (пишетъ Софійская Первая Лѣт. стр. 192) въбѣгоша въ Псковъ Литва съ гриста мужъ и съ женами и съ дѣтьми и крести ихъ князь Святославъ съ Псковскими и со Псковичи. Псковская Лѣт. стр. 180. подъ тѣмъ же годомъ говоритъ: „Взя Войшелгъ землю Литовскую; и прибѣже Дожонтъ (Гимоеій) въ Псковъ и крестиси. Такъ важную роль игралъ Войшелгъ въ распространеніи Христіанства по греческому обряду на Литвѣ; слѣдовательно Войшелгъ крестилъ первый Литовцевъ, которыхъ Ягайло почти перекрещивалъ по другому латинскому обряду. Войшелгъ (говоритъ Карамзинъ) имѣетъ право на благодарность Россіянъ, хотѣвъ, по усердію къ Вѣрѣ Христовой и любви къ нимъ, чтобы кровь св. Владимира, браками Данила и Шварна соединенная съ кровію славнаго Миндовга, царствовала на Литвѣ.

98.) Зморовичъ (Triplex Leopol.) ошибается говоря, что Василько скончался монахомъ въ Святогеоргіевскомъ Монастырѣ въ Львовѣ, ибо по

сударю Болеславу въ войнѣ его противу князя Вратиславскаго, содѣйствовали также своими полками въ битвѣ Владимира Васильковича съ Ятвягами, которые теперь стали просити мира у русскихъ князей (1273).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

II.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕШСКО-СЛОВЯНКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Первый Періодъ.

(Лѣтописецъ Косма. — Чешское всеучилище. — Риччованыи лѣтописи. — Сборники законовъ и Словари. — Пoesія XIV. в. — Милитъ. Шигитный. —)

Кромъ Краледворской рукописи, которой отрывки принадлежать отъ части такожь къ XII. и XIII. вѣку, и кромъ нѣкоторыхъ любовныхъ пѣсней и повѣстей, осталось съ того времени еще не много словесныхъ произведеній, почти весь религіиного содержанія; такъ на пр. отрывокъ изъ „Повѣсти о страсти Господней“ стихами, изъ

словамъ современной Волянской Лѣтописи (Ипат. Лѣт. 204) умеръ и былъ похороненъ Василько въ Владиміръ „во церкви святой Богородицы въ пискупьн Володимерской.“ Съ честью упоминаеть о Васильцѣ Сербскій историкъ и Архіепископъ Даниль, сочинившій Родословъ въ началѣ XIV. вѣка. „Въ Рускую землю (ишетъ оиъ) многократно посылаше (Краль Стефанъ Храпавый сконч. 1270 г.) слы свол съ многочисленными дары къ божественнымъ церквамъ, и елико милостивъ къ нищимъ. Въ той бо землѣ Руснѣи имѣ любовнаго пріятели, княза Василіа, и тому должну честь издаваше, глаголы сладкія возсила ему.“ см. Раяча Истор. Сербовъ кн. VII. гл. IX. стр. 424. У Василька кромъ Іоанна—Владимира (Ипат Лѣт. 222) былъ еще кажется другій сынъ именемъ Василій (Wazul filius Wazulae), о которомъ упоминаеться въ буллѣ Папы Григорія XII. съ 1272. года, вмѣстѣ съ Львомъ и Мстиславомъ Даниловичами, какъ о князяхъ русскихъ. см. Vulgarium Franciscanorum — Romae 1756. T. III. p. 181.

„Легенды о 12. апостолахъ“ и, хвалебная пѣсня во славу чешскаго патрона, св. Вячеслава.“ Къ тому осталась полная чешская Псалтырь, составленная въ набожныхъ пѣсняхъ или въ риччованныхъ молитвахъ, подобныхъ молитвамъ католической церкви. Сюда принадлежитъ также, по сужденію Линда и Добровскаго „Плачь влюбленнаго на берегахъ Молдавы.“ списанный прозою. Первые лѣтописцы Чехъ Косма и Винкентій, рожденныи въ серединѣ XI. вѣка, писали по латинѣ. Лѣтопись первого сохранилась до нынѣ.

Въ XIV. столѣтїи возмозлось вліяніе Нѣмцевъ такъ дуже, что противъ нему возбудилось недовольство великой части народа. Король призвалъ къ себѣ нѣмецкихъ дворянъ, на его дворъ ишло все по нѣмецки, и даже, привилей для города Праги съ 1341. написанъ по нѣмецки. Но во владѣніе Карла I. (Царя Карла IV), вознеслась чешская Держава на наивысшій степень славы. Карлъ обмозилъ привилей Нѣмцевъ въ Чехахъ, и уважалъ чешскій языкъ столь высоко, что законно приказалъ учиться его всемъ Царевичамъ. Наибольше добра сдѣлалъ оиъ для своего любимого города Праги; въ г. 1348. учредилъ оиъ тамъ чешское всеучилище, по образу всеучилищъ въ Парижѣ и Болонїи. Вліяніе добродѣтельнаго сего заведенія дѣйствовало не лишь на Чехи, но и на всю Нѣмечину, ба на всю Европу. Молодежь изъ Нѣмецъ, Швеціи, Польши, Угорщины стремилась численно къ тому единственному храму просвѣщенія. Для управленія различныхъ народностей, встречающихся другъ друга въ семъ одномъ училищѣ, призналъ учредитель его Карлъ I. въ академическомъ сенатѣ одинъ голосъ Чехамъ, а три прочіи чужинцамъ. Въ послѣдствїи выкажемъ, съ якою завистію смотрѣли Чехи на тое рѣшительное пре-

иущество чужинцевъ и якіи произвело оно противодѣйствія.

Въ XIV столѣтїи изъобиловали Чехи рнемованными сочиненіями, однакожь въ тѣхъ вовсе не было поезіи. Се доказательство, что тогдашнее всеучилище еще не могло причинитись до розвитія истинныхъ поэтическихъ дарованій. Съ того времени осталась чешская рнемованная лѣтопись, такъ званая Далемилова хроника, сагающая до 1314. года. Она писана въ то время, когда вліаніе Нѣмцевъ дѣйствовало въ найвысшей степени, для того дышетъ она противъ нимъ ненавистію. Она была черезъ два столѣтія улюбленною книгою чешского народа. Имя сочинителя ей не извѣстно: но ю приписываютъ обыкновенно крїлошаннику Далемилу Мезерицкому. Такого же рода есть Лѣтопись Пржибика Пулкавы, переведенная по велѣнію Карла I. (яко вѣм. царя IV) изъ латинского. Сюда принадлежить и римская Хроника, переведеная 1400. г. изъ нѣмецкого Бенешомъ, и друга римская Хроника, переведеная съ латинского Лаврентіемъ съ Брезова.

Нѣкоторые ученые того вѣка составляли Сборники законовъ, иныи Словари. Изъ первыхъ важныи суть „найстаршіи чешскїи уставы“ Антоіи съ Дубы; „гражданскїи или феудальный законъ,“ переводъ съ латинского, славное Саксонское зеркало или законы Магдебурга. — Словарей считается въ томъ времени семь, съ которыхъ найизвѣстїишїи „Богемаріусъ,“ писанныи 1309. г. гексаметрами. Словарїи были весьма неточны, и вмѣщали иногда такожъ энциклопедическїи знанія.

Поезія XIV. в. послѣдовала въ Чехахъ тому же направленію, якое имѣла въ Нѣмчинѣ, и сталась легкимъ произведеніемъ воображенія, посредственнымъ аллегорическимъ твореніемъ, предтечею низшей новели. То-

го рода суть: Тристрамъ, повѣстка въ 9000 стихахъ пер. съ нѣмецкого; „житіе Александра“ и „Исторія Троянской войны,“ обое съ латинского и больше сказочного якъ исторического вида; Молодыи Ткачъ, первотворъ, весьма улюбленный въ своемъ времени. Въ прочїи поэтическїи творенія сего вѣка суть басни, сатиры, легенды или алегорїи религіино-поучительного содержания, якъ то уже познати можно съ ихъ заглавіи, на пр. девять радостей Марїи, десять заповѣдей, пять источниковъ грѣха и пр. У всѣхъ великїи недостатокъ истинной поезіи.

Больше полезнаго и добраго произведено въ то время въ богословскомъ отношенїи. Священникъ Іоаннъ Милчъ написалъ 1370. г. „Розсужденіе о великомъ паденїи церкви;“ иныи сочиняли книги о истинныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ; чешскїи дворянїи, Штитвыи, составилъ для своихъ дѣтей „Христіанскую науку;“ къ тому переведено книгу еврейского Рави Самуила „о происхожденїи Мессїи“ и иныи подобныи дѣла. Такожъ большая часть Библии была уже въ XIV. вѣцѣ переведеная на чешскїи языкъ, хотя еще не сотовлена въ якїи порядокъ. На такихъ то хорошихъ сочиненїяхъ образовался славный Іоаннъ Гуссъ, основатель новой эпохи въ чешской словесности.

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повѣсть.

XIII.

У Запорожцевъ былъ обычай доставляти преступникамъ передъ казнію всѣ возможные удовольствія. Вкусныи яствія и дорогїи напитки принесено на обѣдъ Алексю и Марїи; но они не тронули ихъ и сумно сидѣли, иногда поглядѣли другъ на друга и, съ якою непонятною, предсмертною

радостью усмехаясь, сжимали другъ друга въ объятіяхъ. Но вотъ, уже солнце клонится къ западу; въ воздухѣ стало холоднѣе; толпы козаковъ, шумно разговаривая бродили межъ куренями, въ дали выигрывала бандурка плясовую пѣсню, раздавался топотъ розгульного тропака, неслись невнятные слова пѣсни:

Отъ Полтавы до Прилукъ
Заломали закаблукъ,
Ой лихо! закаблукъ!
Дать лиха закаблукамъ...

И успешный тропакъ заглушалъ послѣдніи слова. Съ другой стороны раздавались торжественныи протяжныи звуки, и чистый мужескій голосъ пѣлъ:

На Чорному Морѣ, на бѣлому камнѣ
Исенькій соколъ жалобно квилить проквилаетъ!...

Козацкій народъ, уставившись кругомъ, слухалъ пѣсню о храбромъ войсковомъ Писарѣ. — и самъ Писарь, сказанный на смерть, задумчиво стоялъ у крать, и слушая хвалебную пѣсню, тоскно глядѣлъ на солнице, идущее на западъ. Ръзвая ласточка высоко носилась въ воздухѣ, весело щебетала, и опускаясь къ землѣ, вилась около тюрмы; недалеко передъ окномъ на старрой крышѣ вытягался одинокій стебель якой-сь травки; онъ сквозился, блестя отъ косвенныхъ лучей солнца и колебимый вечернимъ вѣтеркомъ съ легка наклонялся къ тюрмѣ, будто прощаясь съ заключенными. Въ очахъ Алексѣя показались слезы.

„О, не гляди такъ тоскно, мой милый!“ говорила Марина, заламывая бѣлыи рученьки: „твоя тоска разрываетъ мое сердце! Я, нерозумная, довела тебе до смерти... знаю, что ты думаешь“

— „Перестань, Марино! перестань смущаться; не знаешь ты моихъ тяжкихъ думъ.“

„Знаю, знаю! Прощай, ты думаешь: ясное солнице, завтра не я уже буду гля-

дѣти на тебе! Завтра въ то время веселая ласточка станетъ пѣти и летати, якъ и нынѣ, и спокойно уснетъ вечеромъ въ своемъ гнѣздочку, и тая хилая травка завтра будетъ еще колебаться на Божіемъ свѣтѣ, и якій-нибудь залетный жучокъ посѣтитъ ю одинокую, а мене уже не будетъ! Нестанетъ молодого удалца: будетъ меньше на свѣтѣ одинъ добрый козакомъ, и подармо вороный конь станетъ ждати на вѣрного козака — не прійдетъ больше его козака! Другій сядетъ на коня! Закрываются, ты думаешь, мои свѣтлыи очи! Сорветъ хищный воронъ чубъ съ моей буйной головы и советъ изъ него гнѣздо для своихъ дѣтей!...“ Рыданія перервали слова Марины.

— „Богъ съ тобою, моя ласточко! Яки чорныи мысли прійшли на тебе? Видитъ Богъ, я не думалъ того...“

„Знаю, ты думаешь, къ чему довела любовь наша?... Что изъ ней вышло, кромѣ печали и несчастья?... Алексѣю, мой ненаглядный соколъ! Чей я хотѣла того? Я несла тебѣ мою чистую любовь, мое непорочное сердце, а принесла — смерть!... Завтра умремъ, такъ возьми нынѣ мою чистую любовь... и съ тою любовью понесемъ тамъ — высоко, — и будемъ жити съ нею, якъ не жили на семъ свѣтѣ, — весело, счастливо! — Такъ чего же ты тоскуешь, мой милый?“ сказала Марина, съ гихимъ упрекомъ смотря въ очи Алексѣю.

— „Не за себе тоскую я; ахъ, я вспомнулъ Пирятинъ, мою старуху — матерь! можетъ быти, въ то самое время она узнала отъ Герцяка о моихъ почестяхъ, помолодѣла, думая скоро увидѣти мене... И можетъ быти, она глядитъ, тамъ далеко, въ Пирятинъ, на то самое солнице и проситъ Бога, чтобы сокрылось оно чѣмъ скорше за гору, выводило скорше другій день, та

чтобы и тотъ проходилъ скоро и пришло радостное время нашего свиданія! И теперь, коли я, глядя на солнце, прощаюсь съ нимъ, можетъ быть, она въ замковской церкви, передъ образомъ Богоматери, лежитъ на колынахъ, радостно плачетъ и благодаритъ Ю... Чуетъ ли твое сердце, добрая Мати, что ты не увидишь больше сына. что онъ, убѣгая, якъ поганый чловѣкъ въ Пиратина, не попрощавшись съ тобою, оставилъ безпомощно на старости, и завтра уирутъ позорно?... Вотъ, что думалъ я, моя милая... А смерти я не боюсь, за гробомъ жизнь вѣчная!... Тамъ не плачутъ, не вздыхаютъ...”

„Такъ не разлучимся съ собою!” весело сказала Марина: „мы станемъ жити разомъ вѣчно, вѣчно! не правда ли? Наши души будутъ летати на свѣтломъ облачку, садутъ на море и поплывутъ съ волны на волну далеко — далеко, и никто имъ не скажетъ: куда вы? зачѣмъ вы? Мы будемъ свободнѣйшии отъ небесныхъ птицъ, весело слетимъ на могилу, где будутъ поконтись наши кости; я розростусь надъ твоею могилою кустомъ калины, роскину въ точки широко, чтобы твой прахъ не топтали люди, не пекло солнце; темною ночью вспомню нашу здѣшнюю жизнь, наше горе — и тихо заплачу, но едва взойдетъ солнце, отру слезы, да никто не видитъ ихъ, весело зашевелюсь, засмѣюсь дробными листочками и благовонными цвѣтками; молодой козакъ сорветъ въточку моихъ цвѣтовъ подарить ихъ евоей милой; милая вплететъ, мой цвѣтокъ себя межъ косы — и больше подлюбитъ козака; я стунью навязати; нашептати ей чары любви, — я любила на свѣтъ... любила тебе, мой чернобровый козачо, тебе моя, радость!...”

„Ого! якии веселенькии!” сказалъ, входящии Никита.

„А чего же намъ печалитися?” спытала Марина.

„Чей васъ просити?”

„Нѣтъ; но мы тутъ разомъ, и умремъ разомъ и будемъ всегда разомъ...”

Никита покачалъ головою.

— „Якъ намъ не радоватися, брате Никито!” сказалъ Алексѣй: „попались въ бѣду; а тутъ якъ все насъ любятъ, все навѣщаютъ, приходятъ утѣшати...”

„Гмъ! ось что! хитро сказано, по шляхоцки, пзъ политики. На что людямъ перешкажати? Вамъ, я думаю, веселѣйше безъ третого... А то немило, что Алексѣй лихо думаетъ о Никитѣ, а Никита ось и теперь общалъ вашимъ сторожамъ сорокъ михайликовъ вина, а меду сколько въ горло възетъ, чтобы пустили увидѣти васъ, пару немудрыхъ Алексѣевъ... Господи прости, что бабу нарекаю мужескимъ именемъ!... На Никиту сердятся, а Никита цѣлый день помилъ стариковъ, говорилъ съ попомъ та съ письменными людьми якии бы средствами спасти Пана Писаря. Богъ вамъ судья, братику!...”

„Чтоже они говорили?” спытала Марина.

„У! яка быстра! довела до бѣды доброго козака та и не кается! Что говорили? Ничего неговорили. ось, уже и плакати собирается!”

— „Оставь ю, Никита;” сказалъ Алексѣй, „грѣхъ оскорбляти женщину. Что? видно? нѣтъ надежды?”

„Та я только такъ, я знаю ихъ натуру; съ тобою другая рѣчь пойдетъ. Говорити то они говорили много, а толку мало; все ровно, что кашу варити изъ топора: хоть полъ дня кипитъ и шумитъ и пѣнится; сними съ огня котелокъ, хлебни ложкою — чистая вода, а топоръ самъ посебъ остался... Помилъ я до объда стариковъ характерниковъ; ничего сказати, старо-

свѣтскіи люди, стародавніи головы. твердыи души, а до объѣда поддались, изъ ногъ повалились, я тогда за совѣтомъ къ одному, къ другому: молчать, ни пары изъ устъ, лежать якъ осетры! Самъ виноватъ, подумалъ я, переліялъ матеріалу. По объѣдъ собралъ съ десятокъ письменныхъ душъ, поставилъ передъ ними цѣлое ведро горьлки и говорю: вы, братья, народъ розумный, не пара намъ дуракамъ, вы часто въ письмо глядите и знаете, что тамъ до чего поставлено и что за чѣмъ руку тягнеть, дайте совѣтъ и помощь въ такомъ дѣлѣ. якъ оно будетъ?... „А будетъ такъ, якъ Богъ дастъ,“ отвѣчали они. — Розумно сказано! сейчасъ видно птицу по лету, додалъ я. Выпили они по два, по три михайлики, а все молчатъ; смотрю: пьютъ уже по десятому, я вспомнулъ сердечныхъ характерниковъ, что до сихъ поръ храпятъ подъ валомъ, и сказалъ: а что же, Панове, якій будетъ совѣтъ? якъ розрѣшите дѣло? — „Ось, что я тебѣ скажу, Никита,“ началъ одинъ: „а что я скажу, такъ и будетъ; вся Сѣчь знаетъ, что я найрозумнѣйшій человекъ.“ — „Куда ты найрозумнѣйшій? Я найрозумнѣйшій;“ сказалъ другій. — „Вы дураки; я найрозумнѣйшій;“ вскричалъ третій, четвертый — и такъ подпаяли межъ собою письменныи души споръ, крики, сварню, якъ ваши перекупки на базарѣ въ Гетманщинѣ. Не успѣлъ оглядѣтись, подслуhatись, а они уже одинъ другого за чубы; посварились, накулаковались, мовъ пѣтухи весною, и пошли до курена позыватися; пропала только моя горьлка!... А тутъ уже вечерѣетъ, такъ я пошелъ до Панъ — Отца. Панъ — Отецъ мене выслушалъ и говоритъ: „дѣло, брате, важное, не выскочити Алексью отъ смерти!“ — Будто, батьку, ніякъ не можно спасти? спыталъ я. — „Неможно,“ сказалъ Панъ — Отецъ:

„такій законъ на Сѣчи. Правда, коли найдется женщина, которая захотѣла бы изъ подъ топора или мотузка прямо вести преступника въ церковь и съ нимъ свѣчатися, то его простятъ; но кто захочетъ опозорити себе? та и где возьмется на Сѣчи женщина? Люди въ старину нарочно слѣлали такій законъ; знали, что женщины ни откуда взятисъ.“ — Ось и все тутъ, брате Алексью!... лихо!”

— „Лихо. Никита! Видно на то воля Божія! А все таки спаси — Богъ тебѣ. Господь тебѣ заплатитъ за твое стараніе.“

„Такъ, я выйду за Алексью!“ почти вскричала Марина: „я скажу передъ всѣмъ народомъ, что...“

„Опять свое. Что ты скажешь? Сама заварила кашу, та хочешь и росхлебати... Не до поросятъ свинь, когда ю смалятъ... Молчала бы лучше, та Богу молилась... Прощай, Алексью!”

— „Куда ты?”

„Такъ скучно, брате, хотя въ воду кинься, скучно! цѣлый день поилъ дураковъ, а самъ ни капли въ ротъ не бралъ; напьюсь съ досады...“

— „Не ходи, Никита, поголкуй съ нами.“

„Съ вами теперъ толковати, лучше воду толчи: только утомись; и вамъ веселѣйше въ двоємъ; наговоритесь, пока есть время.“

— „Куда жъ ты?”

„Повду съ гора до Варки въ корчму!..“

— „Что тебѣ за горе?”

„Грѣхъ пытати, брате Алексью! Развъ менѣ не жаль тебе? Чортъ васъ знаетъ, за что я полюбилъ васъ, самъ не доберу толку! Еще тебе, знаю, ты человекъ съ характеромъ, а то и ю полюбилъ... кто нибудь подслушаетъ, свѣчатися станеть, а ей Богу полюбилъ! Будь она козакъ, и я бы ю полюбилъ — а она баба, но ей-

Богу, характерная баба! — Тожь якъ вспо-
 нню про васъ, про обонхъ, точно ста-
 неть, якъ бы три дни не вль... Прощай-
 те! Тяжко душъ; чей успокоюсь, якъ...
 якъ похороню васъ...” Никита махнулъ
 рукою и вышелъ.

XIV.

Только Богъ святой знае,
 Шо Кошевий думае, гадае Укр. пѣс.

Встало утро, тихое, свѣтлое, радост-
 ное; на востоцъ показалось солнце, и на
 встрѣчу ему повзлетали жаворонки съ ши-
 рокой степи, взвились широко подъ чистое
 небо, заплели звонкую привѣтственную пѣ-
 сню; въ садахъ отозвались кукулки, засви-
 стала иволга; бѣлые бузъко, дремавшій надъ
 гнѣздомъ на кровль хаты, закинулъ на
 спину голову и, громко клекотая, съ лег-
 ка приподнял ю и опустил до самого гнѣ-
 зда, будто привѣтствуя тѣмъ наступающій
 день, потомъ распустилъ свои широкии бѣ-
 лыи крыла, поднялъ ихъ въ гору, и плав-
 во отдѣлился отъ крыши вольными кругами;
 поднимаясь все выше и выше, съ любо-
 вью поглядая на землю, на дѣтей своихъ,
 протягнувшихъ къ нему изъ гнѣзда шейки.
 Былъ веселый Божій миръ, а въ Сьчи не
 радостно встрѣчали свѣтлое утро. Сумно,
 тоскливо сходился народъ на площадь; на
 площади прохаживался рижій пласконосый
 Татаринъ, въ червонной сорочцѣ, съ корот-
 кими рукавами, въ червонной шапцѣ; лице
 Татарина было блѣдо, измученно, но жи-
 ластии руки играли топоромъ. Иногда Та-
 таринъ дышалъ на свѣтлую сталь и вним-
 тельно смотрѣлъ, якъ сбѣгало съ ней лег-
 кое облачко, навязанное дыханьемъ, или о-
 сторожно трогалъ пальцемъ остріе, при-
 чемъ мгновенный, злый усмѣхъ быстро мель-
 калъ на узкихъ губахъ мусульманина. Ко-
 заки съ презрѣніемъ отвергались отъ Та-

тарина, даже скидали на землю жупаны, до
 которыхъ онъ случайно дотрогался.

Передъ тюрмою вилась и щебетала вче-
 рашняя ласточка, якъ и вчера тихо колеба-
 лась на крышѣ одинокая травка; въ тюр-
 мѣ Алексѣй и Марина лежали на козънахъ
 передъ иконою и молча слушали наставле-
 ній священника.

Но вотъ, роздался на площади глухой
 громъ литавръ.

„Пора, дѣти!“ поважно сказалъ священ-
 никъ: „готовы ли вы?“ Заключенныи взгля-
 нули другъ на друга, вышли изъ тюрьмы за
 священникомъ; четыре вооруженныи козаки
 шли за ними. Кругомъ безчувственно глядѣ-
 ли суровыи лица Запорожцевъ; порою съ со-
 жалтніемъ кивалъ въ толпѣ черной чубъ,
 порою сплывала по съдымъ усамъ старика
 блестящая слеза; но старикъ сейчасъ же
 отеръ ю и гнѣвался на себе, что былъ столь
 мягкосердеченъ.

Передъ церковью Покрова, Алексѣй и
 Марина пали на землю, молясь со слезами,
 потомъ встали, отерли слезы и бодро, смѣ-
 ло подошли къ подмосткамъ (руштованью), на
 которыхъ стоялъ страшный Татаринъ, съ
 топоромъ въ рукахъ, въ червонной сорочцѣ.

„Христїанскїи души!“ замѣчали въ толпѣ.

— „Характерныи души!“ говорили
 другїи.

Площадь была набита народомъ; нику-
 да было яблоку упасти, якъ говорилъ Ни-
 кита. Противъ подмостковъ, где былъ катъ
 — Татаринъ, стоялъ на возвышенїи Коше-
 вый, окруженный старшинами; въ толпѣ на-
 рода, у самыхъ подмостковъ, былъ Ники-
 та. Глядя на Никиту, можно было подума-
 ти, что онъ для бодрости въ такомъ пе-
 чальному случаю отъ досвѣта былъ пьяный.
 Его очи страшно сверкали, иногда накло-
 няясь къ своему товарищу, закутаному въ
 кобенякъ (плащъ съ капишномъ), таинствен-

но шепталъ, громко кашлялъ и самодовольно опускалъ руки въ кишени своихъ широкихъ шараваръ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ДОПИСЬ

Съ Коломыйского.

Disce sapientiam, quae mater est iustitiae.

„Изъ пыткаго думаня и дохоженя родятся ошибочныи мѣтнія,” сказалъ г. І. Лозинскій, и осудилъ пыткадумцами всѣхъ, которы только не соглашаются съ его мѣтніемъ. Однакожь о сколько остерегался онъ же самъ того пыткаго думаня и дохоженя. оказываеъ все то, что написалъ онъ досель въ 64, 65, 78—82 ч. „Вѣстника” и 36 ч. „Зори Галицкой.” Самое явнѣйшее доказательство пыткаго думаня есть безсомнительно противорѣчіе себѣ самому. И вонсину, едва можно найти у которого нибудь изъ нашихъ писателей, разсуждавшихъ когда либо о русскомъ языкѣ или русской литературѣ, столь много противорѣчій, сколько встрѣчается въ реченныхъ статьяхъ г. І. Лозинского, не вспоминая уже о его прежнихъ противорѣчійхъ! Не намѣряя, мимо его возванія, подробно разбирати всякое сказанное нимъ изреченіе, мы укажемъ только главнѣйшіи погрѣшенія и противорѣчія, возродившіяся изъ пыткаго думаня.

И такъ: разъ говоритъ онъ, что не повстаеъ на удаваньесе въ потребѣ до церковного или иного (безсомнительно польского и „наиблизшого намъ російского”) нарѣчія и, якъ то явственню изъ многихъ употребленныхъ нимъ, нашему народу непонятныхъ, словъ старорусскихъ (по его ошибочному мѣтнію болгарскихъ), самъ иногда весьма несумѣренно зачерпываеъ изъ тѣхъ

жерель,

Съ которыхъ Россіяннннъ языкъ свой произвелъ;

другій разъ гнѣвается на „Зору,” что и она беретъ

...отъ старыхъ ово,

Чѣмъ передъ свѣтомъ прославились,

А именно: тіа слова,

Въ которыхъ наша жизнь и сила.”

и утверждая (г. Лозинскій не Зоря), что народъ нашъ слова тіа (корени словъ, не слова самыи) и мѣтеъ, безусловно отвергаеъ всѣми Русинами принятое правило, дополняти недостатки нашего языка староруциною. Разъ желаетъ онъ, чтобы языкомъ науковымъ былъ исключительно языкъ нашето про-

стонародія и не хочете видѣти ніякого розличія между книжнимъ науковимъ а разговорнымъ простонароднымъ языкомъ; другій разъ, заглубившись въ практическіи изслѣдованія признаеъ потребу книжного, розничного отъ простой бесѣды, языка, и приводячи прииѣръ изъ исторіи развитія польского языка, утверждаетъ, что и польскій языкъ, ставшиися книжнимъ, „былъ заразы розличнымъ отъ бесѣды на Шлезску и Великой Польщѣ звычайной” (простонародной), соизволяетъ такожь и у насъ развиватися такому розличному книжному языку, однакожь „безъ нашего свѣдѣнія и намѣренія. Разъ сердится онъ на дописывателя „изъ Будиня,” что тотже упрекаеъ „Вѣстникъ” за кованье новыхъ, угорскимъ Русинамъ непонятныхъ, словъ, и такимъ дѣломъ самъ не похваляетъ словокованіе; въ другій разъ доказываеъ потребу кованья новыхъ словъ стишками Горация; онъ самъ доказываеъ иногда правду своихъ словъ стишками Горация, а въ иномъ мѣстѣ упрекаеъ другихъ, что приводятъ въ такихъ же случаяхъ стишки Рикерта. Разъ нарекаеъ онъ на писателей нашихъ, которы употребляя сокращенныи формы (украинского нарѣчія), якъ: боюсь, колюбъ, домой, дѣлатъ и пр. испорчаваютъ по его мѣтнію „гармонію, мелодію, тактъ, словомъ цѣлый характеръ народного языка; другій разъ радуеъся тому, что нашему языку прибывають новыи формы на пр. боюсь. Онъ упрекаеъ „Ладу” за то, что она употребляетъ нѣкоторыи чужестранныи слова, якъ: карманъ, гофмейстерина, жилетъ, жеманство, кофейный и пр. (съ которыхъ въ „Зорѣ” нѣтъ ни одного), а самъ, пишучи будьто языкомъ простонародія, пользуется многими, тому же народу непонятными словами, якъ: яванія, мелодія, тактъ, эпока, дипломатичный и пр., не подавая даже для простого народа ніякого словъ тѣхъ изъясненія или словарца, якъ то въ нѣкоторомъ отношеніи похвалительно дѣлала „Лада,” котора переводила таковыи слова на польское, къ сожалѣнію, на польское, бо наши женщины лучше знаютъ нимѣ польскій языкъ, якъ свой матерній русскій. Г. Лозинскій узнаеъ потребу приводити для изобразенія житя верховинцевъ слова изъ ихъ (подкарпатского) нарѣчія, для представленія житя Козаковъ, хорошимъ слова украинского нарѣчія (въ которомъ есть и ходитъ, дѣлатъ, и собой, доной, и сибѣтеъся, береться, и боюсь, пужаюсь и пр.), ба, для описанія частей корабля, искусства плавбы, для бесѣды моряковъ совѣтуеъ онъ удаватися къ Русинамъ ажъ надъ Черноє Море; а не прійшеъ тамже лю-

гически на тую мысль, или лучше не сказал того откровенно, что для науковых предметов и въ сочиненіяхъ, опредѣленныхъ для просвѣщенныхъ людей, нужно употреблять слова, соотвѣтны такъ предмету какъ и читателямъ; хотя въ прочемъ отъ части въ полунукаовой диссертациі своей самъ такіи слова употребляетъ. Г. Лозинскій предлагаетъ нынѣшнимъ Русинамъ тотъ русскій языкъ, которымъ говорили на дворахъ не только русскихъ князей, но такожъ польскихъ королей, думая, будь то оба точнѣе подобны нашему народному; нвѣ томъ есть противорѣчіе, бо, если судити о дворскомъ языкѣ нашихъ князей и польскихъ королей изъ его письменныхъ памятниковъ, то русскій языкъ тѣхъ дворовъ различался другъ отъ друга стократно больше, нежели различается языкъ Будиского дописывателя или нашего историка Петрушевича отъ языка дописи г. Лозинского. Къ тому можемъ г. Лозинского увѣрять, что онъ самъ ни однимъ изъ тѣхъ дворскихъ языковъ не пишетъ и бо истину не радъ бы даже писати. Г. Лозинскій взываетъ всѣхъ австрійскихъ Русиновъ; чтобы такъ писали, какъ пишетъ „Вѣстникъ“; а самъ иногда ни слога ни даже правописи его не наблюдаетъ, какъ то явственно изъ подлинной дописи его помѣщенной въ 36 ч. „Зори Галицкой“. Тамъ пишетъ онъ: **вИтКалѣмъ, смИсленныи, назИваютъ. иИсли, формИ, вИродИхъ, правомИслячого и пр.**, когда напротивъ въ „Вѣстникѣ“ въ такихъ случаяхъ стоитъ майже всегда правильно **И**; Г. Л. А. пишетъ **вИпоВнИтъмъ доВжнѣсть, доВжнИи**, когда всѣ русскіи писатели и такожъ „Вѣстникъ“ приняли въ тѣхъ случаяхъ вмѣсто народнаго **В** книжное **Л**, яко и самъ г. Лозинскій въ противорѣчіе той своей безправильности не пишетъ никогда **ходиВъ, держаВъ**, но **ходиЛъ, держаЛъ**; онъ пишетъ разъ ошибочно: **вИжшИ пѣнѣтъ**, другій разъ правильно: **лучшЕ было**, разъ писателЕИ, другій разъ писателѢВъ, разъ чужу, другій разъ (въ 64 ч. „Вѣстника“ отчуждило (вмѣсто правильного отчудило); онъ пишетъ: **говорѣти**, какъ народъ **говорѣтъ**, но такъ народъ не **говорИтъ!** Онъ пополнилъ даже яко грамматикъ велику грамматическую ошибку, яку не найти уже ни въ одной русской книжцѣ, онъ написалъ: въ **каждИи** **россійскИи** словарѣхъ находятъ. Правда, г. Лозинскій сознается, что нѣтъ у него той зарозумѣлости, дабы свой языкъ (и розумѣется свою правопись) за наилучшій представлялъ, „бо при уложности людской, и начинающей розвивати словесности нашей никто совершенностей похвалити-

ся не возможе;“ однакожъ г. Лозинскій имѣеть славу русского грамматика, г. Лозинскій выступилъ съ настрѣженнымъ судомъ противъ языку другихъ нашихъ писателей, онъ распочалъ на ново, уклоненную уже почти, борьбу за азбуку, онъ рѣшился вести ю со всѣми нашими известными языкословиями, бо выступилъ противъ ихъ основному мнѣнію, онъ навпередъ упоминалъ своихъ литературныхъ противниковъ, чтобы не писали пустое, упоминалъ словами: *verba volant, ast scripta manent*; не свободно ли съ другой стороны и намъ желати отъ него, чтобы къ азбучной борьбѣ той приступалъ вооруженный лучшимъ знаніемъ языка, чтобы не надѣвалъ на себе пестрого одѣяна безконечныхъ противорѣчій, чтобы или сотворилъ себѣ, яко иткій реформаторъ, кую нибудь свою собственную, но на логическихъ правилахъ основанную, правопись, или упогребляя словенскую правопись „Вѣстника“, наблюдалъ ю точнѣе и не дѣлалъ касательно ней и касательно грамматики такіи ошибки, якіи подчеркиваются въ письменныхъ заданіяхъ ученикамъ въ самыхъ низшихъ школахъ. Если не вымагаемъ того отъ тѣхъ ч. нашихъ братьей, которы по недостатку времени или способности, не приучились еще донынѣ наблюдать съ точностію правила принятой всѣми словенской орфографіи: то необходимо требуемъ сіе отъ извѣстнаго грамматика, который предпринялъ учить всю австрійскую Русь, какъ ей писати подобаетъ. Въ противномъ же случаѣ пытаемъ, кто удостоитъ такъ противорѣчашаго себѣ учителя уваженіемъ, и кто за достойно почитать съ такъ беспильнымъ литературнымъ противникомъ сражаться?

Закѣмъ приступимъ къ дальшему разбиранию дописи г. Л. Лозинского, въ 36 ч. „Зори“ помѣщенной, хочѣмъ застановитися надъ тѣмъ, чего влѣстиво г. Лозинскій желаетъ? Помимо противорѣчій, на якіи мы въ известныхъ дописяхъ его указали, можемъ однакожъ съ приблизительнымъ правдоподобіемъ заключити, что онъ не желаетъ для насъ такого книжнаго языка, якимъ пользуется всякій образованный народъ въ свѣтѣ, г. е. такого, который своимъ высшимъ слогомъ и науковыми словами различается отъ простонародной бесѣды; то явственно такожъ изъ его словъ: „настрѣненіе и стремленіе мое естъ писати чисто народнымъ“ (г. е. не смѣшеннымъ со старорусскими или иного новословенского — съ извѣтнѣемъ польского — нарѣчій словами) „русскимъ языкомъ, и по той воли, додастъ онъ, „изволѣтъ ми судити. Мы выскажемъ

яснѣйше его желаніе: онъ хочетъ, чтобы о всѣхъ предметахъ, будь научныхъ, будь ненаучныхъ, будь практическихъ, будь отвлеченныхъ (абстрактнѣйшихъ, якимъ по строгому сужденію есть всякая наука, Wissenschaft), писати простонароднымъ языкомъ: онъ хочетъ, чтобы такимъ дѣломъ въ научныхъ нашихъ подвигахъ имѣлъ самое большее участіе и добрый нашъ, но бѣдный черезъ свою темноту народъ, или чтобы учителя его подавали ему полными горстями свѣтло высшей науки въ простой его бесѣдѣ, и вознесли его сей же часъ на тую просвѣщенія степень, на якой нынѣ самы стоятъ. Добрая то воля, похвалительное намѣреніе! И мы, когда были молодшии, имѣли ту же самую мысль, и мы такъ само мечтали, и мы бывали въ той Аркадіи! Такъ говорило тогда юношеское наше сердце, а практическому разуму еще мы не совѣтовались. Мы думали: „Хригостъ и Апостолы проповѣдали найвысшу мудрость простыми словами, и не застановлялись, что Апостолы писали найобразованнѣйшимъ книжнымъ греческимъ языкомъ. Мы видѣли въ простонародной нашей бесѣдѣ верхъ всего совершенства: и ю похваляли такоже нѣкоторые ученые, именно польскіи, якъ „Бандке, Мицкевичъ, Мацеевскій, Раковецкій“ (и М. Грабовскій и Бѣловскій, знавшіи языкъ нашъ народный изъ прекрасныхъ украинскихъ пѣсень, или изъ средновековой польской его эпохи, или наконецъ только по наслуху: они хвалили намъ по многоразличнымъ своимъ видамъ и намѣреніямъ гое, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, поднарѣчіе польского языка: и многи съ насъ вѣрили имъ, или лучше вѣрили себѣ и своимъ силамъ. Искренніи любители малорусского народа стали писати съ перва только пѣсенки, сказочки, повѣстки, и простонародный языкъ доставлялъ имъ къ тому довольно выраженій. Они не думали тогда еще много о высшихъ наукахъ,— и найдучи знатокъ всѣхъ словенскихъ нарѣчій, глубоученый Шафарикъ, похвалялъ тѣмъ подвиги нашихъ и украинскихъ писателей слѣдующими, многоважными словами: „Въ новѣйшемъ времени начали нѣкоторые любители матеряго нарѣчія сочиняти и издавати пѣсни, повѣсти и ныи забавныя творенія въ простой, чистой, милдышущей малорусицѣ, что яко особенность, въ томъ своемъ обмеженіи, единству литературы невредящая, всегда свою хвалу имѣеть.“ (Slov. Narodopis v Praze. 1842. str. 28). „Въ томъ обмеженіи,“ сказалъ патриархъ словенской литературы, великій Шафарикъ,— и мы сперва словъ его непонимали; мы думали еще въ 1848

г., что даже и для научныхъ предметовъ и для высшихъ понятій довольно будетъ того одного милдышущаго, простонароднаго языка, и съ цѣлымъ жаромъ русскихъ народолюбцевъ приступили мы къ переводу научныхъ сочиненій, писанныхъ въ которыхъ изъ образованныхъ языковъ, преимущественно въ нѣмецкомъ.— И чтоже? ото явилось, что въ простонародныхъ нарѣчій нашихъ недоставаесть словъ для высшихъ понятій, для наукъ; что въ нихъ суть только корни, зароды, а нѣтъ развитыхъ, полнорѣчивыхъ словъ, которыми бы ясно и полно высказати можно отвлеченныи мысли; нѣтъ строго научныхъ выраженій (терминовъ); бо и откуда могли бы они у народа взятись, коли онъ столько вѣковъ пребывалъ безъ тѣхъ наукъ, коли столько вѣковъ языкъ его не образовали ученые, коли онъ позабылъ умную бесѣду нашихъ Предковъ! И тогда поняли мы Шафариково: „въ томъ своемъ обмеженіи!“ Мы стали раздумывати надъ собою, стали раздумывати, якъ бы тотъ недостатокъ нашъ заполнить: по теоріи были различны межъ нами голоса и мнѣнія, но въ практицѣ рѣшились всѣ безъ изытїя удаватись о помощь къ старословенщицѣ, или лучше къ старорусскому, Прадѣловъ нашихъ образованному, языку, отъ котораго уже давнѣйше замѣтствовали мы глубокумную, на самыхъ неопровержимыхъ началахъ основанную, правопись. Съ того времени отдались мы съ большимъ прилежаніемъ изученію церковнаго языка, познали ближе тотъ драгоценный скарбъ, влюбилсь цѣлымъ сердцемъ въ тую священную и единственную спадщину нашихъ любезныхъ Предковъ, и выбирая изъ того неисчерпаемаго жерела призьобавляя, многорѣчивыи слова, припоровляя тѣмъ же къ духу малорусского, и исправивши по его правильнымъ видамъ нѣкоторые исперченныи формы нашего народнаго необразованнаго языка, мы наполнили отъ части и безпрестанно заповняемъ наши недостатки, украшаемъ языкъ нашъ и возношаемъ его на ровную степень съ другими, дѣлаемъ его книжнымъ, и дѣлаемъ то со свѣдѣніемъ, съ намѣреніемъ! Съ каждымъ днемъ видимъ мы передъ собою, якъ наша нынѣшняя литература, развиваясь на народной почвѣ и насыщаясь здоровыми соками литературы нашихъ Предковъ, стремится безпрестанно къ тому, чтобы съ сею послѣдною составить одно цѣлое, крѣпкое, самымъ Богомъ предназначенное, единство. И высокое Правительство, ведѣвши преподавати въ высшихъ классахъ русскихъ гимназій „св. Псалмы“, Слово о полку Игоревѣ, Нестора, под-

помогаетъ тѣже само развитію такого наукового языка, и выдавая ежевременно школьнымъ учебники, составленныя въ книжномъ малорусскомъ языкѣ, похваляетъ и укрѣпляетъ то наше литературное стремленіе.

Вотъ вамъ въ короткихъ очеркахъ раскрыто начальное развитіе нашего книжного языка, который употребляютъ, съ малозначными отбѣнами въ правописи или нѣкоторыхъ грамматическихъ формахъ, всѣ наши малорусскіе писатели, всѣ наши временописцы, и „безъ свѣдѣнія и намѣренія даже самъ г. І. Лозинскій.

А однакожь г. І. Лозинскій выступилъ неприязно противъ тому нашему литературному стремленію, и вмѣсто, чтобы, какъ намѣрялъ онъ, критиковати (т. е. разумно разбирати) его основаніе, и съ честію говорити о противномъ другихъ, заслуженныхъ людей, мнѣніи, обругалъ онъ всѣхъ не много иначе отъ него пишущихъ русскихъ литераторовъ, о чемъ, понеже нынѣшнее письмо мое пространствомъ своимъ вышло уже за предѣлы обыкновенной временописной дописи, позволю менѣ ч. Редакція сказати нѣсколько словъ въ будущемъ.

Андрей Ивановичъ К.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ

— Въ Будинѣ печатаются современно стараніемъ многозаслуженного о нашу литературу Пряшевскаго Крпюшаняна, А. Духовича, русскій „Молитвенникъ съ тропарями и пѣснями;“ яныи тамъ же вышедшіи книги, якъ: „Хлѣбъ души“ (два изданія) и „Литургическій катихисисъ“ цѣлкомъ розкуплены, такъ что не найти одного экземпляра въ книжныхъ лавкахъ угорской Руси.

-- Сочинитель „Цвѣтного Кошничка,“ г. С. Яновичъ, преподаетъ въ Пряшевской гимназіи русскій языкъ.

— Въ Познанѣ вышло сими днями важное сочиненіе славнаго польскаго историка Лелевеля: „Народы въ словенскихъ земляхъ передъ началомъ Польши.

— Славная угорская родина Зринскихъ (Зринихъ) имѣла межъ своими членами такожъ одного словенскаго поэта. Въ цѣсарской Вѣденской бібліотекѣ нашель тамошній архиварь г. Кукулевичъ закупившую поему подъ заглавіемъ: „Сирена адрианскаго моря,“ составленну гр. Петромъ Зринскимъ.

— Оставшіи, доселѣ неизданныи сочиненія умершаго недавно въ Парижѣ астронома Араго, закупили два книгопродавцы за 100.000 зр.

— Англійскіи литераты пользуются дуже великими цѣнящими доходами; такъ, извѣстному писателю Боцу-Дейкенсу принесла найновѣйшая его повѣстка 300,000 р. срб.

СЕДМИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Дня 20 с. м. яко въ день св. Михаила, возносили Львовскіи Русины во всѣхъ перквахъ искренніи молитвы къ Небесамъ за многолѣтствіе и благоденствіе нашего Преосвященнѣйшаго Архiepастыря, Митрополита и Примаса всея Галичины, Михаила, благодаря Вссвышняго, что сонзволилъ Ему доспѣти такъ многолѣтного вѣка и сохраняетъ Его во здравіи и крѣпкихъ силахъ для блага св. Церкви и нашего Отечества. Якъ ежегодно, такъ и нынѣ не прѣминули прилѣжными питомцы здѣшняго сѣменища поздравити въ тотъ священный день своего Архiepастыря доброжелательнымъ стихомъ, который отличается содержаніемъ и красотой слога.

— Съ достовѣрныхъ жерель узнали мы, что Его высочество, архикнязь Кароль Людвикъ прїѣдетъ до Львова въ первыхъ дняхъ Декабря с. г. Здѣшніи жители ожидаютъ прибытія Его съ радостію и наилучшими надеждами.

— Число ежегодно умершихъ жителей въ Англии стоить къ числу живыхъ въ такомъ отношеніи якъ 1: 46 (т. е. изъ 46 людей умираетъ въ году одинъ); во Франціи якъ 1: 20; въ Россіи якъ 1: 27. Такимъ дѣломъ наименьше людей умираетъ въ одномъ году въ Англии, что тѣмъ удивительнѣе есть, якоже тамъ находятся премного мѣстъ фабричныхъ, гдѣ обыкновенно люди не живутъ долго. Но тотъ недостатокъ вознаграждается въ Англии значительнымъ числомъ заможнаго сословія земледѣльцевъ, якого не найти нынѣ въ ніякой иной державѣ, и отъ того слѣдуетъ, что число умершихъ бываетъ тамъ сравнительно меньше, якъ въ иныхъ краяхъ, гдѣ земледѣльцы не имѣютъ такъ добраго быта.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣденской дна 19 Нов.
 Алю ц. червоонецъ 21 1/2
 „ серебра 15 1/2

Слѣдуетъ число 38 „Поученій Церковныхъ.“

Изданіемъ и типою Института Ставропигіанскаго.
 Отвѣтательный Редакторъ Богданъ А. Дядицкій.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издастся еженедѣльно въ Середу два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четвертью получити платитъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ЧЕГО НАМЪ НЕДОСТАВАЕТЪ ?

(Подражаніе Коляру.)

Все имѣемъ, вѣрте братія
И друзья мои, что украшаетъ
Ужъ и сердце, и что насъ ставляетъ
На высоту степень житія :

Прадѣловъ языкъ, и красныя
Пѣсни, что народъ нашъ сохраняетъ,
Главы, руки; лишь намъ недостааетъ
Просвѣщенья и согласія!

Дайте ти намъ, и мысль одну
А словесность наша будетъ нынѣ,
Кая не бывала въ старину:

Межъ нѣмецкой и греческою
Станетъ тая русска въ серединѣ,
И прославить Отчину свою!

Богданъ А. Д.

ВЫШНЕВЫЙ КУСТЪ.

(Басня.)

Вышневыи кустъ росъ во углу,
И не давалъ уже два дѣта

Не только что плодовъ — ни даже цвѣта!

„Что такъ ты невеселъ?“ сказалъ другіи ему;

„Что ты стоишь такой и вялый, и безсильный?“

„Ахъ приносилъ бы я плодъ зрѣлый и обильный,
Когда бы дали мнѣ на солнцѣ жити;

Я въ холодѣ, въ тѣни, съ крапивою въ сосѣдствѣ,

Не на своемъ я тутъ посаженъ мѣстцѣ,

Не можно въ той глушѣ мнѣ и слѣзъ развити!“

Ди.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО- ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII. ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

Сочин. Антоній Петрушевичъ.

Начальное опустошеніе Дорогичина свирѣпымъ Тройденемъ вооружило Русь противу Литвы. Озлобленный Левъ просилъ помощи у Татаръ: Ханъ Менгу — Тимуръ прислалъ къ нему воеводу своего съ Татарами, Романа Брянского съ сыномъ Олегомъ и иными Задипровскими князьями, „ибо говоритъ летопись, всѣ князья были въ волю въ Татарской.“ (Ипат Лѣт. 205.) Намыреніе Львова, истребляти враговъ врагами не осуществилось; союзники князья поссорившись въ походѣ, и достигши едва Новгородка Литовского, не хотѣли ити далѣе въ Литву; Татары на возвратномъ пути опустошили отечество наше, такъ что современный летописецъ повествуя о томъ произшествіи, былъ принужденъ въ предостереженіе потомства замѣтити, что дружба съ неварными, не лучше брани (1274.) 99.)

99.) См. Троицкая Лѣт. у Карам. И Г. Р. Т IV. пр. 150. Въ описаніи того похода Волынскою Лѣ-

Около сего времени появилось на северозападныхъ пределахъ Владимірскаго княжества, новое съ Литовцами родственное племя т. е. Прусссы и Борты, которые сильно тѣснимо Нѣмецкимъ Ордеиомъ, искали убѣжища у Тройдена, поселившаго ихъ въ городахъ Городиъ и Слоиимъ: такое близкое сосѣдство ихъ не нравилось Русскимъ князьямъ. — Владиміръ со Львомъ взялъ за то у Тройдена города Слоиимъ, Турійскъ и села на рѣцъ Нѣманъ, Тройденъ же опустошилъ окрестности новопостроеннаго Каменца (1276) 100.) Хотя теперь русскіе князья заключили были миръ съ Тройдеиомъ, однако гордый Ханъ Татарскій Ногай, недовольный худымъ успѣхомъ могольскаго оружія въ Литовской земли, прислалъ въ самую позднюю осень своихъ пословъ, говора имъ: „зы постоянно жалуетесь мнѣ на Литву; вотъ я вамъ даю рать и съ нею воеводу Мамшея, пойдите же съ нимъ на враговъ своихъ.“ Владиміръ, Мстиславъ Даниловичъ и Юрій Львовичъ ходили спова безуспѣшно съ Татарами на Литву, и когда послѣдніе опустошали окрестности Новго-

тописью, упоминается южная часть Литвы подъ именемъ Полѣсья (Ипат. Лѣт. 206.), какъ до сихъ поръ еще южная часть прежняго Воеводства Минскаго и Брестолитовскаго именуется, съ раздѣленіемъ на Волинское и Литовское Полѣсье.

100.) Такимъ образомъ южная страна древняго воеводства Минскаго и Троицкаго, стала быти позднѣе населена Литовцами уходящими предъ мечемъ Нѣмецкаго Ордеиа, тѣмъ болѣе, что тая часть земли русской для частыхъ стычоекъ Руси и Литвы, была мало заселена. Русскіа князья Владиміръ и Левъ кажется опасаясь такового колонизованія русской земли Литовцами, взяста ѳ, а быша землѣ не подѣлалъ. Ипат. Л. 206. Опервоначальномъ русскомъ народонаселеніи упомянутыхъ странъ свидѣтельствуютъ русскіа названія тамошнихъ городовъ и деревень. Память Пруссовъ сохрани-

родка, русскіе князья осаждали Городно: но тѣ и другіе взяли единственно добычу въ окрестностяхъ, потерявъ много людей. Городенскіе Прусссы захватили были даже въ нечаянномъ нападеніи лучшихъ бояръ Галицкихъ и только предложенный честный миръ съ стороны Русскихъ освободилъ ихъ изъ плѣна (1277). Тотъ походъ русскихъ князей съ Татарами не сдѣлалъ кажется великаго урона Литвѣ, ибо съ слѣдующихъ годовъ опустошали Литовцы съ Ятвягами, въ великой силѣ, окрестности польскаго Люблина. Князь Мазовецкій Конрадъ мстя Ятвягамъ за опустошеніе Польши пограбилъ подъ своимъ городомъ Полтускомъ русскіа люди съ хлѣбомъ отправившіяся изъ Берестія р. Бугомъ и Наровою въ Ятвязскую землю 101). Владиміръ не получивъ

лась до нынѣ въ названіи городка Прушаны (Ргизану ср. Прузи Ипат. Лѣт. 207.) въ повѣтѣ Городенскомъ. Впрочемъ русскословенская земля смежная съ областью населенной настоящими Литовцами называлась такожъ Черною Русью, обнимая въ себѣ прежнее воеводство Литовско Новгородское съ частью Троицкаго (около Городка) и Минскаго; хотя названіе Черной Руси употреблялось нѣкоторыми географами и для древней Московской Руси.

101.) Ипат. Лѣт. 207. „Господине княже Володимере! (говорили Ятвязскіе послы прося хлѣба у кн. Владиміра Волинскаго) пріѣхали есмь къ тебѣ ото всихъ Ятвязъ, надѣючись на Богъ и на твое здоровіе; господине, не помри насъ, но перекорми ны собѣ; пошли, господине, къ намъ жито свое продавать, а мы ради купимъ: чего восхочешъ, воскуль, бобровъ ли, черныхъ ли кузь, серебра ли мы ради дамы.“ Привода часто выписки изъ русскихъ Лѣтописей, желалъ бы я такожъ обратити вниманіе нашихъ полурусскихъ грамотѣевъ на русскій языкъ XIII. столѣтія, особенно на нѣкоторыа слова и формы его, которыа кажутся имъ быти странныя, получивъ отъ нихъ ложное названіе словъ и формъ московскихъ, рооссійскихъ... Атласные

никакого удовлетворенія отъ Кондрата, воевалъ его волости съ сей стороны р. Вислы и принудилъ Мазовецкаго князя просити у него мира (1279).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повѣсть.

(Продолженіе.)

Осужденныи, подошедши къ подмосткамъ, низко поклонились Кошевому и всему народу. Никита значительно посмотрѣлъ на своего товарища, закутаннаго въ кобенякъ, мигнулъ ему усомъ и наконецъ толкнулъ локтемъ подъ бокъ; товарищъ стоялъ, якъ статуя.

„Вотъ, братья...“ началъ было Никита, но сейчасъ замолкъ, его молчаливый товарищъ ровнымъ крокомъ выступилъ на площадку, поклонился народу, снялъ шапку и опустилъ изъ плечей кобенякъ. Народъ съ ужасомъ подался въ сторону: на площади стояла женщина.

„Урожай на бабъ въ то лѣто!“ закричалъ кто-то въ толпѣ.

Блѣда, дрожащая стояла сія женщина распустивши по плечамъ долгиі каштановыи

упреки русскому языку и заслуженнымъ русскимъ писателямъ, носятъ на себѣ рѣзкіи отпечатокъ грубого невѣжества и пристрастія. Незная различати языкъ русскій отъ его многочисленныхъ нарѣчій, не вѣдаютъ они даже о томъ, что когда именемъ кончающимся на скій надобно означати языкъ извѣстнаго народа или издѣлія его искусства, тогда имя тое производится отъ имени народа, а не отъ имени земли, въ которой живетъ народъ, потому что говоритъ и дѣйствуетъ народъ а не земля. Такимъ образомъ не слѣдуетъ говорить: языкъ Россійскій, Франціискій, Данійскій и т. п., а языкъ Русскій (отъ Руссы или Русь), Французскій (отъ Французъ), Датскій (отъ Датчанинъ).

выи косы, съ легка повела очима надъ площадію и остановилась на Алексѣ. На ризѣ лице ей розгорѣло, очи заблестали, руки вытянулись, и рѣшительнымъ голосомъ сказала она: „Волею или неволею я возьму у смерти Алексѣ Поповича; хоть падутъ на мене грѣхи его, я отвѣчу за нихъ Богу. Алексѣ, обними мене, жену твою.“

„Ай, Тетьянна!“ сказалъ въ толпѣ молодой козакъ. — И все утихло.

Въ какой-то торжественной красотѣ стояла передъ Алексѣмъ Тетьянна, сознавши въ душѣ всю цѣну своей заслуги передъ любимымъ человекомъ; ей очи блѣстали, лице горѣло; полная, круглая грудь высоко поднималась.

Алексѣ молчалъ; толпа притаяла дыханье.

„Хочешь ли ты, вмѣсто смерти, обручитись со мною?“ спытала Тетьянна; но уже голосъ ей дрожалъ, прежняя блѣдность скоро сгонила съ лица румянецъ.

Алексѣ поглядѣлъ на Тетьянну, подалъ Маринѣ руку — и смѣло взойшелъ на подмостки. Никита плюнулъ и махнулъ обоимъ руками; Тетьянна шатаясь упала на землю.

„Молодецъ! отказался!“ раздавалось въ толпѣ: „характерно, чортъ возьми! и поганая Тетьянна хотѣла его взяти за мужа! хотѣла извести добрую душу! прочь съ бабою! гоните ю палками, коли не хочеть прогулятись межи небомъ и землею...“

И съ посмѣшками и толчками толпа передавала съ рукъ на руки Тетьянну. На площади поднялся шумъ и говоръ. Уже не видно стало Тетьянны, а толпа все еще волновалась и только замолкла, когда Кошевый взмахнулъ булавою.

„Тише!“ раздавалось въ толпѣ: „Кошевый проситъ слова.“

— „Войсковый Писарь Алексѣ Попо-

вичь нарушилъ законы нашего товариства,” сказалъ Кошевой: „то вамъ вѣдомо.”

„Вѣдомо, вѣдомо!”

— „Старшины войсковыи и рада при- судили Алексѣя съ его искусителемъ, Мар- риною, укарати смертію, хоть Алексѣй и вѣрно служилъ войску и въ ніякіи худо- жества не мѣшался. — но законъ велить!”

Народъ молчалъ.

— „Что же вы. Паны товарищи, со- гласны?”

„Ничего дѣлать, коли законъ велить,” печально отвѣчали козаки.

— „Хорошо, хлопцы! знаменитыи лы- царя вы есте! законъ прежде всего, а тамъ уже прочее... Зачѣмъ же мы до сихъ поръ беззаконно поступали съ нашими войсковымъ псаремъ? даже самъ я, каюсь за грѣхъ мой, я поступилъ беззаконно.”

„Не знаемъ. батьку.”

— „А я такъ знаю. Не должно ли всякому чловѣку нашего товариства дава- ти благородное рыцарское прозвище?”

„Должно, должно! якъ же безъ того?...”

— „Самы говорите; а якое достойное рыцарское прозвище дали вы своему собрату Алексѣю Поповичу?”

„Якое? извѣстно якое... Поповичъ.”

— „Съ тѣмъ же прозвищемъ пріѣхалъ онъ изъ Гетманщины; и то не прозвище: мало ли у васъ есть Поповичей, а все о- ни титулуются но рыцарски: вотъ, передъ вами Лапотъ, вотъ Чубарый.”

„Ось, и я, Максимъ Поповичъ изъ Чи- гирива,” отозвался одинъ козакъ: „а зо- вутъ мене Недождкомъ, и за то Спаси- Богъ!”

„Тшш!...”

— „Не шикайте, братья!” продолжалъ Кошевой: „не перебивайте хорошей бесѣ- ды свободного козака; козакъ вольный го- ворить толковыи рѣчи. Такъ ось вамъ и

Недождокъ, ось Брехунъ, ось Бродяга, а все они суть Поповичи. И якъ мило имъ носити добрыи имена; и посмотрите, якъ весело глядѣть на нихъ солнце. для того, что они законно живутъ на свѣтъ.”

„Правда, правда.”

— Самы знаете, братья, что прав- да; вы народъ розумный — а согрѣшили, не дали имени храброму козаку; за томо- жетъ быти, Богъ караетъ его и насъ разо- мь, отнимая у Сѣчи характерного ко- зака.”

„А можетъ и такъ!...” сказалъ кто- то въ толпѣ.

„На правду такъ, дѣло ясное!” поч- ти вскрикнулъ Пикита и за нимъ нѣсколь- ко голосовъ.

— „За что же мы оскорбили христі- янскую душу?...” продолжалъ Кошевой: „не дали запорожского имени рыцарю — то- варищу? Безъ имени овца — барашъ, го- ворятъ мудрыи люди... Но якъ же явится на свѣтъ добрый козакъ безъ законного про- звища? Грѣхъ намъ всѣмъ, великій грѣхъ! Готовились въ походъ на Крымъ, а забыли законъ исполнити.”

„Виноваты, батьку! что жъ намъ дѣ- лать?”

— „Дадимъ ему хоть теперь доброе имя, снимемъ грѣхъ съ души.”

„Добре, батьку! добре, дѣльно ска- зано! Якое жъ ему имя дати?...”

— „Вотъ послушайте, братья. моеи ра- ды. Вамъ извѣстно, что Алексѣй Поповичъ самъ хотѣлъ умерти за наше войско, про- силъ, чтобы его кинуть въ море, лишь бы спасти наши головы, — исповѣдалъ передъ Богомъ, моремъ и нами, старшинами — това- рищами свои грѣхи, и умилоствивилъ Бо- га своими молитвами и тѣмъ спасъ все наши чайки. Многимъ изъ насъ не стояти бы на площади, не думати бы о Сѣчи и о

михайликахъ безъ заступленія Алексѣя.“

„По вѣкъ не забудемъ того!...“ громко закричали козаки.

— „И хорошо дѣлаете. Такъ не называли ли Алексѣя Поповича, во память избавленія чаекъ, Чайковскимъ? Якъ вы думаете?“

„Ты намъ батько, голова, ты думаешь, и мы думаемъ: да будетъ Чайковскимъ!“

Громкое „ура!“ отозвалось на площади; шапки полетѣли въ гору.

— „И такъ.“ продолжалъ Кошевой, поднимая булаву, отъ чего народныя восклицанія утихли. „отъ нынѣ никто не смѣетъ подѣ смертною карою иначе называть бывшего Алексѣя Поповича, якъ Алексѣемъ Чайковскимъ. Слышите, храбрыя рыцари?“

„Слышимъ, батьку! никто не смѣетъ!“

— „Теперь на прощанье не заспавати ли намъ, братья, Алексѣю Чайковскому про Алексѣя поповича Пирятинского? Вотъ бы услышалъ человекъ въ послѣдній разъ нашъ козацкій, рыцарскій напѣвъ про свои добрыя дѣла для нашего воинства! Хорошо, братья?“

„Добре, добре!“ кричали козаки: „начинай Данило.“

И Данило кобзарь чистымъ ровнымъ голосомъ затягнулъ:

На Чорному Морѣ, на бѣлому камнѣ,
Ясенный соколъ жалобно квилить, проквилея.

Мало по малу окружающіи принимали участіе въ пѣсни, и подѣ конецъ вся площадь слилась въ одинъ звучный, дикій, но стройный хоръ. Пѣсня видимо розжалобила Запорожцевъ...

— „Жалко добраго козака!“ сказалъ будто самъ себя Кошевой, когда козаки окончили пѣсню и стояли въ печальномъ раздуміи.

„Жалко, жалко!“ со всѣхъ сторонъ отозвалось въ народѣ: „жалко, а дѣлати

ничего, когда законно...“

— „Еще, хлопцы, я прошу у васъ одной рады: войсковый Писарь, Алексѣй Чайковскій хочетъ жениться съ дочерію Лубенскаго Полковника Ивана. Полковникъ Иванъ одурѣлъ на старости и было признанъ дурманомъ; но его дочка знаетъ, что такое Запорожскій рыцарь, кинула отца и пришла на Сѣчь просити у товариства благословенія!... Согласны вы на то?“

Козаки въ недоумѣніи молчали.

— „Знаю, братья.“ продолжалъ Кошевой: „вамъ жалко лишиться характерной души, якъ Алексѣй Чайковскій, но надобно ему заплатити за заслугу. Онь обѣщется всегда помогати намъ на войнѣ и дѣтей своихъ пришлетъ служити на славное Запорожье.“

Козаки любили Алексѣя и уважали за личную храбрость и непоклонный характеръ, и для того съ радостію согласились на его сватъбу.

„Ой такъ, собака нашъ Кошевой!“ кричалъ Никита, розмашисто толкая товарищей: „доказалъ штуку!“

„Штука!“ говорилъ народъ: „и справедливо, и законно, и весело!“

„А для чего жъ я привезъ Татарина?“ спыталъ печально съмый козакъ.

— „Чтобы казнити Алексѣя Поповича.“ отвѣчалъ строго Кошевой: „найди его и прикажи казнити.“

„Да, найди его Дмитро.“ кричали козаки: „прикажи казнити! ось штука! Сей Богу штука!“

„Смерть Алексѣю Поповичу а шнога лѣта Алексѣю Чайковскому!“ гремѣла толпа, ломая подмостки и торжественно уводя Алексѣя и Марину къ церкви Покрова.

„Бійте для потѣхи поганого Татарина!“ Подмостки рухнули, и долго еще было видно межъ досками тѣло Татарина: одѣ-

тое въ червоную сорочку, когда народъ отойшелъ и окружилъ церковь, въ которой вычали Алексѣя Чайковского съ Мариною.

Послѣ вѣнца сейчасъ выпроводили новобранцевъ за ворота Съчи: тамъ старшины простились съ Чайковскимъ; Кошевой подарилъ ему пару добрыхъ коней и порядочный мѣшокъ дукатовъ. совѣтовалъ ѣхать на зимовникъ старого Касьяна и тамъ ждати вѣстей отъ полковника, общался прѣхати къ нимъ на свадьбу въ Гетманщину и быти старостею.

Алексѣй и Марина были въ наибольшемъ восхищеніи; мы не беремъ радость ихъ описывать: суть минуты въ жизни, суть чувства, которы не подлежатъ ніякому описанію, хоть они доступны майже всякому. Кто изъ насъ не понимаетъ въ полнѣ красоты и величія солнца, и кто изъ прославленныхъ живописцевъ изобразилъ его, хотя многіи изображали, изображаютъ и будутъ изображать?

XV.

Когда повхалъ Кошевой и старшины, Алексѣй съ Мариною, упавши на колѣна помолились Богу, обнялись, и повхали на зимовникъ старого Касьяна. И вотъ, они уже въ чистой степи; Съчь уже скрылась изъ виду; кругомъ зеленая пустыня — только земля и небо; по землѣ серебристою волною, будто море, лоснится степовой бурянь, когда вѣтеръ съ легка его заволнуетъ; на небѣ горитъ одинокое солнце. Тихо, пусто... но нашимъ путешественникамъ степь не казалась пустынею, ихъ души были полны внутренней жизни, сердца близко бились другъ подлѣ друга, имъ усмѣхался Божій міръ, и они усмѣхались глядя на него и пожимали себѣ дружно руки, якъ бы стараясь увѣрити себе, что се не сонъ, а истинное происшествіе. Счастье было надто великое, надто неожиданное...

На далекомъ небосклонѣ показалась черная точка; она, казалось, не росла, не уменьшалась, не двигалась въ стороны.

— „Уже не ворогъ ли то?“ сказалъ Алексѣй.

„Кустъ или камень,“ отвѣчала Марина.

— „Сколько я помню, тутъ не бывало ни куста ни камня! Въ прочемъ, посмотримъ.“ додалъ Алексѣй, остановилъ коня, поднесъ къ очамъ нагайку, и прижмуривши лѣвое око, долго смотрѣлъ правымъ черезъ нагайку.

„А что?“ спытала Марина, когда Алексѣй, опуская нагайку, сомнительно пожалъ плечами.

— „Не ростолюю, что бы то было, а вѣрно что живое; когда приложу нагайку, сходитъ немного въ сторону съ нагайки. Для чего жъ оно ни ѣдетъ къ намъ, ни уходитъ отъ насъ?“

„Можетъ быти, орелъ теребитъ заяца.“

— „Похожо на то; прѣдемъ ближе, увидимъ.“

Чѣмъ больше подъѣзжали они къ незнакомому предмету, тѣмъ больше точка увеличалась, яснѣйше обозначался образъ предмета, и вскорѣ легко можно было различити стоящего коня и возлѣ него въ задѣ человека, припавшого надъ чѣмъ-то на колѣна. Человекъ былъ въ однихъ шараварахъ и сорочцѣ; куртка и черкеска лежали въ сторонѣ на травѣ; засучивши рукавы по локоть, казалось, онъ что-то связывалъ или развязывалъ и такъ былъ занятъ, что не слышалъ, когда его конь, увидѣвши проезжающихъ, чутко выпрямилъ уши, вытягнулъ шею и заржалъ въ полъ голоса: онъ ажъ тогда обернулъ свою голову, когда Алексѣй былъ отъ него на два кроки.

— „Никита!“ закричалъ Алексѣй.

„Да, Никита! Хорошо тебѣ выкрики-

вати! Посмотри, ось твоя работа.” При томъ онъ всталъ, держа въ рукахъ окровавленный ножъ и показалъ имъ на лежащую мертвую женщину.

— „Бѣдная Тетьянна! чей ты ю зарѣзалъ Никита?...”

„По словамъ видно Гетманца! справедливый Запорожецъ не скажетъ того. Никита рѣжетъ Турка, рѣжетъ Татарина, и всякую нехристь, а бабъ не станеть рѣзати: ты убилъ ю своими быстрыми очами, та черными бровами, та солодкою бесядою!... Дурна была покойница, — а подумаешь — то и я дуракъ.”

— „Богъ съ тобою!...”

„Богъ со мною, всегда со мною, для того, что я христіанскій рыцарь, а все таки моя правда: дурно я сдѣлалъ, что повхалъ до Варки въ корчму: думалъ то разумно, а вышло дурное — думалъ тебе спасти, Алексью, а погубилъ добрую бабу!.. Я, видишь, якъ услышалъ отъ Панъ - Отца, что есть способъ тебе вызволити отъ смерти, отвелъ на сторону Тетьянну и розказалъ ей, въ якожъ ты несчастіи находишься; гляжу, она поблѣднѣла, бѣдная, якъ полотно, вѣрно душею почувала близкій конецъ. Я вижу, что розжалобилъ Тетьянну и сталъ просити ю: спаси, ахъ, спаси войскового Писаря, коли мене любишь; черезъ тебе, говорю, пропалъ старый Писарь, — такъ, да черезъ тебе молодой поживетъ на свѣтъ! Якъ кинетса она менѣ на шею, якъ стала цѣловати мене и говорить: „я тебе теперь такъ люблю, Никита, якъ никогда не любила; я пойду на Съчь, вырву Алекся изъ рукъ смерти!...” и опять кинулась цѣловати, менѣ даже стало якось неспокойно, что дѣвка такъ мене любить, а будетъ твоею женою... Я пилъ всю ночь, прикинулса пьянымъ, оставилъ въ корчмѣ Крымское золото, и споллъ съ ногъ и сво-

его товарища Бурулку и Варку и ей сестрянницъ, а по полуночи похалъ домой; я подождалъ немного въ долинь недалеко оврага на Тетьянну; она вскорѣ прїѣхала ко мнѣ на Бурулкиномъ кони и въ его кобенецъ; мы поскакали и раненько были на площади у подмостковъ, где гулялъ невѣрный Татаринъ, нахваляясь на твою крещеную голову... Что было потомъ, ты самъ знаешь... Гей! бѣдняжка! видишь, якъ ю вытягнуло! Жаль... весела была Тетьянна!”

— „Зачѣмъ же теперь ты здѣсь? что ты сдѣлалъ съ нею?”

„А что жъ? чей грѣхъ помочи христіанской душѣ? Покойница хоть была баба, но все таки христіанка. Видитъ Богъ, якъ жаль менѣ стало, когда выгнали ю хлопцы изъ Съчи, хоть и я смѣялся надъ нею и толкалъ изъ политики якъ собаку. Хорошо еще, что на Съчи было много знакомыхъ покойницъ межъ молодыми козаками, тѣм ю и защитили: окружили, будто толкая, а сами все дальше и дальше выводили изъ Съчи, бо бы старики затолкали ю были на смерть. Съ начала бѣдная Тетьянна шла пошатываясь, спотыкалась немного, ворочая головою, будто человекъ, только — что вынырнувшій изъ воды, а потомъ ничего, обошлась, та привыкла. Вывели мя ю за ворота Съчи, и сказали: „убыгай теперь на всѣ четыре стороны, теперь твоя воля.” Изъ политики никому неможно было провожати ю, и притомъ всѣ торопились на площадь, узнати, что тамъ дѣлается. А когда я увидѣлъ, что дѣло пошло хорошо, и тебе повели вѣнчати съ Мариною, то и подумалъ: теперь Чайковскому и чортъ не братъ; онъ счастливъ и счастлива его баба; теперь мене никто не видитъ, повду за Тетьянною; сѣлъ на коня, махнулъ по свѣжому слѣду, якъ собака за зайцемъ — и нашелъ ю тутъ!...”

— „Мертвую?...”

„Якъ бы мертвую? лучше бы мертву засталъ, а то сидитъ на травѣ, задумалась и смотреть на мѣдный дукать, что висѣлъ у ней на шеѣ разомъ съ крестикомъ. Здравствуй, Тетьянна! сказалъ я: ждешь мене? — „Здравствуй, Никита.“ отвѣчала она, „ли не думала ждати!“ — Зачѣмъ же сидишь тутъ, дурная баба? — „Бѣжала, Никита.“ говоритъ она, „утомила, дуже утомила, села отдохнуть. А ты, зачѣмъ туга вздишь, дурный козакъ?“ — Вольному козаку никто не запретитъ вздти куда ему хочется. Я прѣхалъ тебе провѣдати, моя уточка, и привезъ тебѣ хорошую вѣсточку: напѣ Алексѣй живъ, здоровъ и тебѣ кланяется. —

„То жъ то вы“ закричала она: „отняли его у Кошевого? Ай, молодцы Запорожцы! розскажи же скорше, якъ то было.“ И где взялась сила у покойницы! прежде ни жива ни мертва сидѣла, а теперь быстро вскочила на ноги, схватила за поводы коня и кричить: „розсказывай!“ Я розсказалъ ей все якъ было; оставилъ, говорю, ихъ въ церковь... Гляжу, выпустила Тетьянна изъ рукъ поводы, поблѣднѣла, опустила руки, вытягнулась, и смотреть на мене такъ страшно, будто съести хочетъ, а сама смѣется... Что съ тобою? спыталъ, я „А! старый дурень!“ сказала она: „ты, менѣ такъ вѣсти носишь?... Мой милый, мой Алексѣй съ другою, а ты зачѣмъ тутъ?... Слухай пѣсню:

Ты думаешь дурню,
Что я тебе люблю,
А я тебе дурню,
Словами голублю!...

Понимаешь, Никита?... Я дунала, онъ умеръ... Жаль было, душа болѣла, только я радовалась, что ни ей, ни менѣ не достался!... А теперь, охъ! сватъба!... свѣчи, гробы!... Слышишь! поютъ:

Жукъ гудеть
Сватъба будетъ...

Слышишь?... поидемъ, поидемъ!... „Тутъ она залилась слезами, а я догадался, что кругомъ дуракъ; что она тебе, Алексѣю, любила, а мене голубила словами, и такъ горько стало, не для того, чтобы я любилъ ю, якъ тамъ Паны любятъ въ Польшѣ, а съ досады, что баба, та еще молодая, изведала мене. Турокъ не изведалъ, Татарникъ не изведалъ, а изведала баба!... Проспится, такъ перекрестись!... Немного поплакавши Тетьянна заговорила со мною, но я ничего уже не понималъ: то кланялась тебѣ, то цѣловала крестикъ и мѣдный дукать на шеѣ, но глядя на дукать, вспоминала свою матеръ, просила у ней благословенія, потомъ запѣла свадебную пѣсню, — на разъ остановилась, будто кто ей ротъ заперъ рукою, и повалилась на землю! я къ ней — не дышетъ, очи отверты и не двигаются... Что будешь дѣлати? подумалъ я, ось въ прошломъ году въ походѣ совсѣмъ такое случилось съ монимъ гнѣдымъ, совсѣмъ издыхалъ конь и ноги откидалъ; посоветовали тогда люди пустити степную кровь — онъ и ожилъ. И теперь взялъ я ножъ, пустилъ Тетьянну степную кровь якъ пошла кровь дѣвичиская порядочно, гляжу, вздохнула Тетьянна, повела очима, посмотрѣла на мене и шепчетъ: „Прощай, Никита, кланяйся Алексѣю... и сними съ моеи шеп и отдай ему тотъ мѣдный дукать; въ немъ, говорятъ, много силы, онъ...“ и не договорила... Богу душу отдала. Я уже и тру ю суконкою и горьку лью въ ротъ, ничто не помогаетъ, холодная якъ ледъ...“

— „Бѣдная Тетьянна!“ сказалъ Алексѣй: царство ей небесное; добрая была душа! Что же ты, Никита станешь дѣлати?”

„Вырю саблею яму, смоваю молитву, и похороню небогу.“

— „И я помогу тебѣ.“

„А куда вы ѣдете?“ спыталъ Никита.

— „На зимовникъ Касьяна.“

„Ось, что я тебѣ скажу: эдѣ ты съ женою своею дорогою; дорога тебѣ еще далекая: дай Боже за свѣтла добратись не заморивши коней; а якъ со мною еще про- стоишь часъ, другій, то прійдется заночевати въ полѣ; козаку то въ полѣ ночевати — здоровья набывати, но ты не одинъ, съ тобою такая птица, что въ вечеръ и росы бонятся. Ъдѣ брате Алексю, а я одинъ похороню Таньку, у тебе есть теперь о чемъ заботитись... Прощай Алексю, и возьми дукать, что тебѣ оставила Танька.“

— „Богъ съ нимъ! Что она менѣ была? таки ничего. Зачѣмъ же я возьму дукать?“

„Отдай его менѣ Никита.“ сказала Марина: „она менѣ родная. она любила моего Алексю, я буду носить ей подарокъ... Ты менѣ отдашь его. Алексю?“

— „Бери. коли тебѣ хочется, мое золото!“ говорилъ Алексій, надѣвая на шею Марины шнурокъ съ мѣдною татарскою монетою, и глядя ей въ очи, полными слезъ.

„А теперь ступайте.“ говорилъ Никита: „не пристаю вамъ быти подлѣ мертвого. — Прощайте! да хранитъ васъ Богъ, и защищаетъ отъ напастей святая церковь Покваро...“

Алексій и Марина попрощались съ Никитою и быстро поскакали по степи, будто убѣгая отъ страшнаго зрѣлища смерти. Никита добылъ изъ ноженъ саблю, перекрестился и началъ копати могилу, напѣвая въ полѣ голоса :

„Вѣтеръ вѣтеръ, трава шумитъ,
Въ степи лежитъ козакъ убитъ :
Не для него вѣтеръ вѣтеръ,
Не для него солнце грѣетъ ;
На голову, покрытую
Зеленою ракитою,
Ужъ свѣтъ воронъ, шумно кричатъ,
А вѣрный конь у ногъ плачетъ.
„Но кушанье, не медъ готовъ,

Менѣ, мамонько тробѣ копай новъ,
Въ немъ три доски сосновы,
Четвертая кленовая!... (Прод. слѣд.)

ДОПИСЬ

Съ Коломыйскаго.

Es ist die größte Ungerechtigkeit, wenn man Gesinnungen, die, vom anderen Standpunkte aus betrachtet, auch gut, und unserem Gegner heilig sind, mit Hass und Spottworten angreift.

Goethe.

Мы уже сказали, яково есть властивое желаніе г. І. Лозиньскаго, мы похвалили добрую его волю, мы даже сознались, что было время, когда и насъ питали мечтанія о простонародно-учебномъ языкѣ, но мы указали (отъ части словами самого г. І. Л.) непрактичность того противрѣчающаго себѣ мечтанія, и различивши языкъ научный отъ простонароднаго, воздали тому послѣдному съ ученымъ Шафарикомъ принадлежащую честь въ обмеженіи его на простонародной литературѣ, — и такимъ образомъ отдали мы съ нашей стороны честь его защитнику, г. І. Лозиньскому.

Но что же, пытаемъ, далъ намъ съ своей стороны г. Лозиньскій? — поруганія и имя: „перекичковъ. невѣдливыхъ, вырожденныхъ сыновъ народа!...“ Правда, г. І. Л. извиняетъ себе въ 36 ч. „Зори, что онъ не вытыкалъ при томъ случаѣ ничіей особы, и кипнулъ свои порицанія только „на тѣхъ письмахъ публичныхъ (т. е. одну книжку), въ которыхъ названъ нашъ языкъ простымъ, грубымъ, языкъ черни и пр., а плекатели его мрачныи изступленники, низкіи невѣжды и пр., но се не подавало ему права порицати и тѣхъ письма публичныхъ (с. е. двѣ наши временописа), въ которыхъ подобныи выраженія доселѣ вовсе не находились; не подавало ему права обругати, высѣяти все то, что само по себѣ добро есть, а сердцамъ многихъ дорого и свято! — Мы не намѣраемъ вступатись тутъ за оного Писателя, который вѣистину не совѣтъ прилично сказалъ вышеприведенныи слова въ поважномъ своемъ историческомъ сочиненіи; Писатель сей есть человекъ со своимъ умомъ, онъ, навѣрно будетъ въ состояніи самъ за себе отвѣчати. Мы только скажемъ въ защищеніе его нѣсколько такихъ словъ, якимъ бы сказати собственная его скромность и другіи обстоятельства ему не сонзволили, именно то: что онъ мужъ многозаслуженный на полѣ литературы не только нашей надорусской, но и польской и великорусской, извѣстный яко глубоковод-

душі историкъ ученому свѣту такъ въ Австріи якъ и за границею, вѣковъй челоуѣкъ, который говорилъ и трудился много въ пользу малорусско-го народа, и прославлялъ и очищаль изъ каду зависти и предрасудковъ его исторію еще тогда, коли, не велика въ сравненіи съ попрещемъ его славы, просвѣщенная часть Австрійской Руси о г. І. Лозинскомъ, о Зорѣ и Вѣстнику, и о Андреѣ Ивановичу К. еще ничего и не знала. Пытаемъ, свободно ли на такого челоуѣка, если бы онъ разъ и поткнулся, обратити почестное имя „перекичника, невдячного, выродного сына народа? — того народа, для которого онъ посвящаль всю жизнь юншескую и мужескій вѣкъ, для которого и нынѣ посвящаетъ всѣ дни трудовыи, ночи безсонныи старческыхъ лѣтъ своихъ? Заслужилъ ли онъ на то имя и тогда, кобы написалъ былъ Исторію Галичского Княжества въ польскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, арабскомъ или даже хянскомъ языкѣ? О Гне Юсифѣ Лозинскій! если уже у васъ и было великое отвращеніе къ тому языку, на которомъ заслуженный историкъ нашъ писалъ дѣло свое о древней Галичской Руси, если уже свободно вамъ было безъ всякихъ критическихъ розбираний назвати его Исторію „не Исторією а только матеріалами для Исторіи,“ если уже свободно вамъ было назвати нѣсколько нелѣпыхъ его выраженій въ простомъ вашемъ способѣ картанья „нечуваную безчельностію, заслѣпленную зарозумѣлостію: то никогда не имѣли вы права нарицати (не письма его, бо письма не „сыны народа, но) доброго, и сердцашъ многихъ драгоценного челоуѣка, честного старика, брата по матери Руси, „перекичникомъ, невдячнымъ, выроднымъ сыномъ народа! И солнце имѣетъ свои туманныи пятна, но никто не дерзнетъ за то противъ всему солнцу роптати; и первостепенными гѣміи на разъ погрѣшають, но никто не имѣлъ сердца предвѣщати имъ за жива, что о дѣлахъ ихъ и „слухъ загине!“ — Ото послушаемъ, якъ при подобномъ случаѣ, где одно мнѣніе ученого Добровского оказалось подъ критикою глубоумного Шафарика невѣрнымъ, якъ сказалъ сей послѣдній о старшемъ отъ себе историкѣ и филологу все-словенскомъ: „ему (Добровскому) случилось тутъ въ преклонной старости то, что всѣмъ великимъ и взнесеннымъ предметамъ къ вечеру свычайно приключаются; что долгу и велику тѣнь по за себе кладуть. Такъ говорити, значитъ говорити со снисхожденіемъ, съ ненарушеніемъ чести другихъ заслуженныхъ людей, якимъ есть такожь — со мною

скажетъ вся Русь Австрійская — нашъ Денисъ Зубрицкій!

Но г. Лозинскій не удовольился тѣмъ, чтобы посрамити „письма публичныи, писанныи въ множь, ненавистномъ ему, словенскомъ языкѣ: онъ обругалъ такожь тѣмъ наши „публичныи письма, которыи правописею, слогомъ, и во обще цѣлымъ складомъ языка весьма малозначно розличаются отъ захвляемыхъ нимъ же самымъ твореній нашей малорусской литературы, тѣмъ письма, которыи никогда не допускались напротивъ нашего простонародного языка якихъ либо поруганій. — Уже въ началѣ своего дописи, помѣщенной въ 64 и 65 ч. „Вѣстника,“ говоря о „невдячныхъ сынахъ народа“ указываетъ на нихъ приводячи имена: „Ивановичъ, Гавриловичъ, Федоровичъ. Онуфріевичъ а т. д.,“ и высмѣиваетъ добрый обычай нашихъ Предковъ, сохраненный нашими простонародіемъ донынѣ, по которому благодарный сынъ принималъ къ своему крестному имени такожь имя своего отца съ заключеніемъ на вичъ или овъ; тотъ обычай, егоже злоупотребленіе со стороны украинской шляхты справедливо высмѣивалъ когда-то славный повѣстеписатель Гоголь, введенный нынѣ на ново нѣкоторыми галицкими Русинами, ставшиися дорогимъ и священнымъ, якъ всякое доброе наслѣдіе, для сердецъ многихъ, не имѣетъ самъ по себѣ ничего злого, и обновители его не заслужують вовсе Гоголевыхъ или — якихъ горьшихъ поруганій. Г. Лозинскій прорекаетъ съ остроумною насмѣшкою дальше, что „прійде часъ, же и московско-болгарска (эпока) не удержится, же може и Зоря иначе свѣтити начне, и модна Лада жежи боги утѣкне, и о иныхъ подобныхъ письмахъ слухъ загине“; а въ 65 ч. „Вѣстника,“ представляя за единственный образецъ (книжный, не якъ онъ думалъ, простонародный) языкъ Вѣстника, законовъ державныхъ, распоряженій и пр. пытаетъ съ негодованіемъ: „чижъ и. п. Зоря и Лада кониче потребуе якогось иншого языка?,“ а приводячи сей же часъ слова изъ одного примѣчанія въ Исторіи Гал. Кн., которую однакожь не цитуетъ, обращается непосредственно „потомъ къ якимъ-то „зарозумѣлымъ паничкамъ,“ и „картаетъ ихъ за то вѣрно не отъ нихъ походящее насмѣваніе слѣдующею желчи полною апострофою: „я вы зарозумѣлыи панички и глядайтеся языка тоненького, мягонького, пѣщеного, кусого, якій бы вамъ до смаку припалъ, но на нашъ народный языкъ не клеветайте!.....“ Изъ приведенныхъ тутъ словъ г. Лозинского явственно, что „перекичникомъ, вырод-

ными сыномъ народа,“ не есть самъ сочинитель тѣхъ „публичныхъ писемъ, въ которыхъ языкъ нашъ названъ простымъ, грубымъ и пр.“, но и всѣ наши братья, которыя употребляютъ языкъ нмъ по отцу съ законченіемъ на вичь, и тѣмъ „зарозумѣлымъ паничками, подъ которыми вовсе не можно себя представляти сѣдоглавого старика, нашего Историка. Г. Лозинскій не именовалъ ихъ особы, то правда; но нужно ли тутъ еще именовать особы, когда поименно обруганы извѣстныхъ же особъ произведенія? „Зоря“ и „Лада“ го два письма, которыя поставлены въ реченной дописи г. Лозинскаго въ противоположность съ „Вѣстникомъ.“ Якъ сей послѣдній удостоился отъ него всякихъ похвалъ, всякой признательности: чей можетъ за то, что не пишетъ по забывотѣй всѣмъ „Гражданицѣ“ Юсифа Лозинскаго, такъ двѣ первыя надѣлены отъ него всею недаскою, всякъ опроверженіемъ за тотъ же самъ вопіющій грѣхъ лигераціи! Не беремъ на себе говорить за „Ладою“, которая о сколько различна была отъ „Зори Галицкой“ не только своимъ слогамо и весьма частымъ употребленіемъ словъ чужестранныхъ, знаютъ самыя ихъ Читатели, котору однакожъ, яко третью русскую врененіемъ, яко юную подружку и по радушному выраженію Духиновича „кормилицу дѣвицъ русскихъ.“ безсердечно было отсылати съ руганіемъ межъ боги зато что не писала слово въ слово такъ само якъ Вѣстникъ, тѣмъ больше, что она сама прирекла нѣкоторымъ грѣху исправити. Не намѣряемъ такожъ вступатися тутъ за „Зорю“, которая такъ своимъ многобѣшимъ содержаніемъ, якъ своимъ русско-словенскимъ народолюбіемъ и правильностію русского слога сама себе наилучше противъ подобнымъ враждамъ защищаеть: мы вступаемся только за тѣхъ „зарозумѣлыхъ паничковъ“ г. Лозинскаго, которыя будто „на нашъ народный языкъ клеветають.“ Если, якъ справедливо, исключимъ отъ тѣхъ паничковъ нашего многолѣтнего, заслуженного Историка, который одинъ въ жарѣ обуренія противъ нѣкоторыхъ ругателей старорусского языка („жертвой бабусь,“) ех regula пристрастныхъ поборниковъ противорѣчного фантома простонародно-науковой бестды, сказалъ нѣсколько горькихъ словъ и противъ необразованному нашего народа языку, если, кажемъ, исключимъ отъ тѣхъ паничковъ сѣдоглавого Историка; то не встрѣдимъ больше въ нѣякой у насъ изданной книжцѣ или выходящей донимъ врененіемъ подобныя руганія на языкъ народный. Если же такъ есть воистину, то кивенное на тѣхъ „зарозумѣлыхъ паничковъ“

„(т. е. молодыхъ, трудолюбивыхъ, ударованныхъ людей, съ которыхъ большею частію состоятъ наша пишущая интеллигенція) обвиненіе о клевету на нашъ языкъ народный, есть обвиненіе о „ложно выдуманной вадѣ и блудѣ, есть клеветою по дефиниціи самого же г. Лозинскаго!

И послѣ столь явныхъ доказательствъ оклеветанья нашихъ публичныхъ писемъ, или лучше ихъ сочинителей, сотрудниковъ и въ нѣкоторой степени даже любителей ихъ и покупищниковъ (кто бо выродныхъ сыновъ любить и вскаретъ, тотъ и самъ недалекій отъ того, статися выродкомъ), послѣ такового обруганія всѣхъ нашихъ похвалительныхъ литературныхъ подвиговъ, соизволенныхъ и подкрѣпленныхъ в. Правительствомъ, желаемыхъ здоровымъ разумомъ и цѣлю высшого народного просвѣщенія, послѣ такового неприяженного нападенія на друзей литератовъ, послѣ раздѣленія согласныхъ братьей на Болгаръ, и не-Болгаръ, на Москалей и не-Москалей, на перекиничковъ и не-перекиничковъ, на выродныхъ и не-выродныхъ, на волки и овцы, послѣ того всего — г. Лозинскій выпирается обруганія, закидаеть клевету тому, кто первый посылъ на ню у него указати, и даже уверяеть насъ съ рѣшимостію невинно преслѣдованного мученика, что онъ, „боронячи народной сиравы, готовъ за ню и поруганія (отъ насъ, боронящихъ такожъ народную справу) терпѣти!“ О Гне Лозинскій! вы чѣрили для другихъ такъ несправедливою жѣркою, вы осуждали другихъ такъ строго, такъ беспощадно, а озлоблястесь за то, что люди дерзнули говорить о томъ вашемъ сужденіи, что обруганныя вами братья изрекля слово въ свое защищеніе!

Но пытаемъ еще, чего хотѣлъ г. Лозинскій тѣмъ пристрастнымъ противъ насъ выступленіемъ осягнути? Думаъ ли очъ, что своимъ „картаньемъ“ отведеть старика-историка, якъ тую несвѣдущую дѣтину отъ небеспечной съ огнемъ забавки, отъ противного ему мѣтнія, — или насъ отъ той природной, глубококорененной любви къ священному Предковъ нашихъ языку? Обруганіе и „картанье“ кажется намъ въ томъ случаѣ найневертѣйшимъ средствомъ! — Г. Лозинскій утверждаетъ, что „пишущи критику, имѣлъ право до картанья; но то доказываетъ, якъ низкое понятіе имѣлъ онъ тогда о критикѣ. Наилучшее понятіе о критикѣ, и о раздѣленіи ой въ практицѣ на два рола, изъявилъ, по нашему мѣтнію, любимецъ нашъ, великій Гете, которого слова приводимъ тутъ въ поученіе для всѣхъ

русскихъ критиковъ: „Es giebt eine zerstörende Kritik und eine productive. Jene ist sehr leicht, denn man darf sich nur irgend einen Mastab, irgend ein Musterbild, so bornirt sie auch seien, in Gedanken aufstellen, sodann aber kühnlich versichern: vorliegendes Kunstwerk (что тутъ сказано о искусственномъ дѣлѣ, тоже само разумеется и о мнѣнїи другихъ) passe nicht dazu, taue deswegen nichts, die Sache sei abgethan, und man dürfe ohne Weiteres seine Forderung als unbefriedigt erklären; und so befreit man sich von aller Dankbarkeit gegen den Künstler.— Die productive Kritik ist um ein gutes Theil schwerer, sie fragt: Was hat sich der Autor vorgesetzt? Ist dieser Vorsatz vernünftig und verständig, und in wie fern ist es gelungen, ihn auszuführen? Werden diese Fragen einsichtig und liebevoll beantwortet, so helfen wir dem Verfasser nach, welcher bei seinen ersten Arbeiten gewiss schon Vortschritte gethan und sich unserer Kritik entgegen gehoben hat.“— Который съ тѣхъ двохъ родовъ критики избралъ г. Лозинскій въ статьи своей, въ 64 и 65 ч. „Вѣстника помѣщенной“, явственно изъ всего вышесказаннаго нами.

Что касается нашихъ двохъ вопросовъ, предложенныхъ къ рѣшенію г. Лозинскому, то признаемъ со всею справедливою, что они разрѣшены нами въ полнѣ, и только слова, заключенныя послѣ признанія его, что mezi кожноу сотнею словъ въ его дописи есть около 90 такихъ, которы въ кождоу російскомъ словарѣ находятъ, а около 80 такихъ, которы употреблялъ Несторъ и старинныя русскія писатели: только, кажемъ, заключенныя тамъ же слова его: „(сли правда?),“ мѣшаютъ намъ лучшее наше о немъ понятіе. Яко малорусскій грамматикъ, яко литератъ, учившійся, по собственному его признанію, „церковнаго и російскаго языка двадцать нѣсколько лѣтъ еще передъ 1846 годомъ“, г. Лозинскій не на своемъ мѣстѣ поставилъ тамъ скептическій вопросъ „(сли правда?).“

Однакожъ, застановившися надъ его откровеннымъ отвѣтомъ; изъ котораго явствуетъ, что мимо того, же въ нашемъ письменномъ языкѣ есть много словъ, сходныхъ со словами старорусскаго и „наиблизшаго намъ російскаго“ языка, не можно языкъ нашъ назвати „московско-болгарскимъ“, но

всегда малорусскимъ,— застановившися надъ тѣмъ, — якъ же то недостойно и противорѣчно окажется намъ ово порицаніе и обруганіе якой-то „московско-болгарской эпохи“ нашей литературы тѣмъ же самымъ г. Лозинскимъ!

Но, Господи! прости ему, онъ не вѣдалъ, что творилъ!.....

Андрей Ивановичъ К.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ

На желаніе и съ помощію одного ревнѣйшаго Покровителя и Любителя нашей литературы печатается современно въ типографіи Став. Инст. во Львовѣ „Сборникъ русскихъ стихотвореній,“ и „Змѣй Нотайскій“ повѣсть, извѣстная нашимъ почт. Читателямъ изъ 25-29 ч. „Зори Галицкой.“— Современно доносимъ, что „Матица галицко-русская“ перепечатываетъ изъ „Зори“ историческія статьи нашего ученаго Петрушевача.

— Въ чешской Читаниѣ для IV класса гим. находятся такожъ переводы словесныхъ произведеній нѣкоторыхъ нашихъ Русиновъ, именно: „Первое сраженіе Галичанъ съ Уграми,“ изъ „Ист. Гал. Кн. Д. Зубрицкаго. „Гордаъ Галичъ“ и „Торговля подкарпатскихъ Русиновъ,“ изъ путешествія по угорской и галицкой Руси Я. Голованкаго, „Гуцулы,“ И. Вагилевича, и „Поменьшія народности галицкія и буковинскія,“ В. Ковальскаго.

— Подурядовыя „Словячки и Новины,“ выходящія подъ редакціею дра Лихарда въ Вѣднн, которы до сихъ поръ печатались въ большей части такъ званымъ швабахомъ, т. е. нѣмецкими буквами, начнутъ отъ 1 Января 1854 г. употреблять исключительно латинскія буквы съ чешскою правописію. Редакція тѣхъ же Новинъ замѣчаетъ, что „употребляетъ книжный (письменный) языкъ, которы пишутъ Моравляне и Чехи,“ а который различается отъ простонароднаго словацкаго языка далеко больше, нежели книжный малорусскій языкъ отъ бесѣды нашего простонародія. Мы дѣлаемъ еще то замѣчаніе, что в. Правительство, не смотря на усилія нѣкоторыхъ защитниковъ простонародной словацкой бесѣды, приказало переводити для Чеховъ, Моравлянъ и Словаковъ, всѣ законы и распоряженія на одинъ книжный чешскій языкъ.

Слѣдуетъ число 39 „Поученій Церковныхъ.“

Изданіемъ и типою Института Ставропигіянскаго.

Отвѣтственный Редакторъ Богданъ А. Дядицкій.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Среду два листа, по пять годовою въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертьечно получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИСПЫТАНИЕ САМОГО СЕБЕ.

(Изъ Платона.)

Очей до сна ты не смыкай,
Пока себе не спросилъ:
Якъ нмѣшній я день прежилъ?
Якоо дѣло залишилъ?
Такъ передъ сномъ себе пытай;
Кому бо грѣхъ свой снится,
Тому не мило спится.

Служилъ ли ты лукавому?
Иль дѣло оставилъ любви?
Тогда не можетъ Богъ тебе
Любити, ни ты самъ себе.
Скажи то сердцу своему,
И всяку склонность злую
Брани якъ дрянъ якую.

И то, что вчера доброго
Не сдѣлалъ ты — днесь учини
И завсегда сіе помни:
Что, кто дорогой истинн
Идетъ, и отъ душевного
Зла есть всегда свободный,
Тотъ Богу есть угодный.

ЖИЗНЬ ПРИМѢРНАЯ.

(изъ того же.)

За истинной сдѣлать
И жизнь вести по ней,
Другимъ благотворить,
Но лишь не для очей;
Сближаетъ смертного
Къ Творителю его! Я. съ Я.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО- ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII.

ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

Сочин. Антоній Петрушевичъ.

(Продолженіе.)

По смерти польскаго Государя Болеслава, возникли въ Польшѣ несогласія въ томъ, кому быти княземъ, ибо бездѣтный Болеславъ оставилъ пять племянниковъ, изъ которыхъ претендентовъ польскіе бояре избрали одного Лешка (Лестка) и посадили его княземъ въ Краковъ. На противъ тому властолюбивый Левъ замышлялъ самъ быти наслѣдникомъ Болеслава и Государемъ всей Польши. или по крайней мѣрѣ присовокупити при сей способности нѣсколько польскихъ украинныхъ городовъ, смежныхъ своей волости: но, когда польскіе вельможи сопротивились его намъренію, въ досадѣ позахалъ онъ самъ въ Орду къ Ногаю и просилъ у него помощи для похода своего въ Польшу 102.). Ногай въ самомъ дѣлѣ отпустилъ съ нимъ трехъ своихъ воеводъ съ

102.) Ипат Лѣт. 208. „По смерти же великаго князя Болеслава не бысть кто княжа къ лядской

3 2044 099 653 289